B142
699

В142 699

ОЛАФЪ БРОКЪ.

ГОВОРЫ

КЪ ЗАПАДУ ОТЪ МОСАЛЬСКА.

(Съ картой).

1991
1

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1916.

В142 699

ОЛАФЪ БРОКЪ.

ГОВОРЫ

КЪ ЗАПАДУ ОТЪ МОСАЛЬСКА.

1991
I

(Съ картой).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1916.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь 1916 года.
Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
762944

Содержаніе.

стр.

Предисловіе. Сокращенія 1

I. Ивонино.

1. Оріентирующія замѣтки 3
2. Темпъ рѣчи. Характеръ ударенія. Долготныя и интонаціонныя отношенія 6
3. Замѣтки къ консонантизму 11
4. Отношеніе v: w: u̯ 13
5. Гласные говора 15
6. Къ вопросу о «напряженности» гласныхъ 17
7. Отношеніе ъ: у. Индифферентныя гласныя положенія («ирраціональные гласные»). 18
8. Замѣтки къ палатализаціи и лабіо-веляризаціи 22
9. Вокализмъ, съ исторической точки зрѣнія 25
10. Замѣтки къ морфологіи 32

II. Кобылье-Спасское и Котово.

11. Оріентирующія замѣтки 42
12. Къ темпу рѣчи, ударенію, долготнымъ и интонаціоннымъ отношеніямъ 43
13. Къ консонантизму 48
14. Къ вокализму 50
15. Оттѣнки гласнаго ъ; его отношеніе къ у; початки новаго «оканія» 51
16. Къ палатализаціи и лабіо-веляризаціи 53
17. Вокализмъ съ исторической точки зрѣнія; соображенія о его происхожденіи 55
18. Къ морфологіи 66
19. Приложеніе: Замѣтки къ вопросамъ «Программы» 74
20. Село Котово, главныя черты его говора 82

III. Разграниченіе описываемыхъ говоровъ.

21. Граница ńi̯, ďi̯ и под.: ńń, ďď и т. д. 86

IV. Окрестности Сильковичъ.

22. Общія замѣтки 89

Студенова.

23. Характеризующія черты 90
24. Темпъ рѣчи; долготныя и интонаціонныя отношенія 91

стр.
25. Замѣтки къ вокализму 92
26. Замѣтки къ морфологіи 96
27. Къ нѣкоторымъ вопросамъ «Программы». 98
28. Около границы Жиздринскаго уѣзда 101

V. Спасъ-Деминское.

29. Общія замѣтки 105
30. Изъ фонетики говора 108
31. Къ морфологіи 111
32. Приложеніе: Къ нѣкоторымъ вопросамъ «Программы» 118
33. Изъ села Теплова: сказка 120
34. Теплово: нѣсколько подробностей 124
35. Шелохи; Сельцо. Общее направленіе лингвистическаго развитія 126

Предисловіе.

Настоящій трудъ представляетъ вторую часть того матеріала, который я собралъ во время путешествія, предпринятаго по приглашенію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ лѣтомъ 1902 г. Первая часть, «Описаніе одного говора изъ югозападной части Тотемскаго уѣзда», появилась въ 1907 г. Обработка настоящей, второй части сильно замедлилась разными обстоятельствами, главнымъ образомъ моимъ участіемъ въ Энциклопедіи славянской филологіи, для которой я, по желанію Академіи-же, составилъ «Очеркъ физіологіи славянской рѣчи». Замедленіе обработки въ пользу «Очерка» выгодно, впрочемъ, въ томъ отношеніи, что можно теперь ссылаться на физіологическія объясненія «Очерка», и этимъ не мало сократить мое изложеніе. Тамъ же указаны причины перемѣнъ, впрочемъ незначительныхъ, въ моей транскрипціи, сравнительно съ прежними моими описаніями говоровъ, какъ то употребленія въ извѣстныхъ случаяхъ удвоеннаго согласнаго вмѣсто знака долготы, u̯- на мѣстѣ u̯̯-, [u̯]-.

О главной цѣли моей поѣздки, о базисѣ, съ котораго я взялся за задачу, о точкѣ зрѣнія, съ которой справедливая критика должна смотрѣть на мой трудъ и на мои результаты, сказано въ предисловіи къ «Описанію одного говора Тотемскаго уѣзда» и въ предварительномъ отчетѣ о поѣздкѣ (Отч. о дѣятельности Отд. Русск. Яз. и Слов. за 1902 г.). Необходимо лишній разъ подчеркнуть относительно нижеслѣдующихъ моихъ описаній, что главною стороной моей задачи надо было считать освѣщеніе звуковыхъ особенностей, въ живомъ произношеніи. Съ этой цѣлью вообще собранъ мой матеріалъ. Способы собиранія были различны, смотря по индивидуальности источниковъ и тому времени, которое я могъ удѣлить; распоряжаясь иногда хорошими «объектами» для моихъ наблюденій и достаточнымъ временемъ, чтобы ознакомиться съ говоромъ раціональнымъ и удовлетворительнымъ образомъ, я въ другихъ случаяхъ долженъ былъ довольствоваться меньшимъ. Отсюда различія и неровности въ матеріалѣ. Однако, для освѣщенія звуковыхъ особенностей, ихъ условій въ нынѣшнемъ произношеніи, взаимнаго отношенія говоровъ и общаго направленія лингвистическаго развитія данныхъ мѣстностей, моего матеріала достаточно. Зато недостаетъ, конечно,

очень многаго для полнаго, подробнаго описанія говоровъ, со всѣхъ сторонъ, м. пр. ихъ лексикальнаго состава. Такое углубленіе въ предметъ нужно предоставить урожденнымъ русскимъ.

Изъ предварительнаго отчета припомнимъ слѣдующія подробности. Мои изслѣдованія въ Мосальскомъ уѣздѣ должны были охватить болѣе широкій кругъ говоровъ, къ западу отъ Мосальска. Свои наблюденія я началъ разсмотрѣніемъ говора подмосальскаго села *Ивонина*. Вынужденный вслѣдствіе болѣзни отложить на время поѣздку далѣе на западъ, я пользовался временемъ для ознакомленія въ Мосальской тюрьмѣ съ говоромъ села *Кобылья Спасскаго* къ юго-западу отъ Мосальска, и для наблюденій надъ произношеніемъ уроженцевъ дальнѣйшихъ мѣстностей уѣзда, на границѣ Жиздринскаго. Переселившись въ Сильковичи, я познакомился по возможности съ говоромъ *Сильковичской волости*, а потомъ, въ *Спасъ-Деминскомъ*, съ главными чертами говоровъ около этого мѣстечка, пограничныхъ уже съ Ельнинскимъ уѣздомъ Смоленской губерніи. Жаль, что времени для наблюденій здѣсь оставалось немного, вслѣдствіе указанной выше неудачи. Надѣюсь, однако, что главныя черты произношенія выйдутъ и для этой мѣстности достаточно ясно для характеристики говоровъ.

Указанному ходу изслѣдованій соотвѣтствуетъ вообще и порядокъ слѣдующаго ниже матеріала. Исходной точкой беру говоръ села Ивонина, сравнивая явленія слѣдующихъ говоровъ съ результатами, выведенными изъ него. При томъ, для контроля и лучшаго выясненія наблюденій надъ Ивонинскимъ говоромъ, описаніе Кобыльскаго говора излагаетъ отчасти тѣ-же самыя подробности; для прочихъ говоровъ можемъ довольствоваться болѣе сжатыми указаніями.

Сокращенія.

Научныя работы: «Очеркъ» — Очеркъ физіологіи славянской рѣчи, Вып. 5, 2 Энциклопедіи славянской филологіи, СПб. 1910.
«Описаніе» — Описаніе одного говора изъ юго-западной части Тотемскаго уѣзда, СПб. 1907.
«Прогр(амма)» — Программа для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ, СПб. 1900.

Говоры: Дем.: Спасъ-Демянское, Спасъ-Деминскій говоръ.
Ив.: Ивонино, Ивонинскій говоръ.
Коб.: Кобылье-Спасское, говоръ Кобылья и Котова.
Силк.: Сильковичи, говоръ Сильковичъ съ окрестностью.
Студ.: Студеново.

I. Ивонино.

1. Оріентирующія замѣтки. Какъ сказано въ предварительномъ отчетѣ, для Ивонина, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ города Мосальска, нужно предположить сильное вліяніе на говоръ извнѣ, тѣмъ болѣе что мужское населеніе этихъ мѣстностей находится т. с. постоянно на отхожихъ промыслахъ. Вліяніе извнѣ дѣйствуетъ съ особенной силой съ востока, скрывая старую подкладку все болѣе подъ московскую окраску. Это вліяніе, конечно, особенно замѣтно у молодого поколѣнія, но оно часто рисуется ясно и въ произношеніи старшаго. Однако, оно не мѣшаетъ возстановленію главныхъ особенностей въ произношеніи старшаго поколѣнія; иногда напротивъ борьба произношеній болѣе ранняго съ новымъ выставляетъ принципіальную разницу даже ярче на глаза наблюдателя.

Для оріентировки въ звуковомъ составѣ говора начну съ передачи краткой сказки, записанной у 72-хъ-лѣтней старушки Ольги Ахремовны («xwaḿĭĭja páwlowa»). Передаю сказку по возможности близко къ слышанному, безъ стилизаціи колебаній или варіантовъ, даже такихъ, которыя не имѣютъ особаго значенія для нашей цѣли.

žyĺá ńekъja staŕúška, zavúť jejá (-jé) márxwъj. žyvéť aná, i stárъjä staŕúška.

i ъpáĭi na jejé d'äŕéɳńů[1]) dъ-i-uźáĭi sýnъ (-na), ъddáĭi[2]) u-sъĺdáty. i ъtstáĭъs adná márxwa, yóŕi yoŕivát[3]), i skъzáĭi márxvy štъ-búdĭť caŕ jexъd-laróyъj[4]).

ъx, paj lú ja, nъ-caŕóčka ръyĺážú! tóĭkъ-ná vyxódĭt is-kaĭítki, i-caŕók wót-ъn, príjéxъĺ.

---

1) Я слышалъ также -ńiju; ä перваго слога склоняется къ e.

2) Другая версія: zdáĭi.

3) Вѣроятно изъ заимствованныхъ формулъ; ср. ниже yóŕe yaŕújů.

4) Медленно: jéxъť daróyъj.

ox, bábuška, kudý ty-i̯dóš?

i̯a xačú nъ-caŕkáprъgľadét.

nu — a-i̯ón i̯ê i̯ gъvaŕít: atapŕí kaľítku svai̯ú, i̯a x-tíbé pai̯dú, u-xátu-u̯-twai̯ú, —i gľadí[5]) na ḿiňá.

i śeł i̯on na-kóńiku i gъvaŕít: ty adná gъvaŕit, žyvóš? aná i gъvaŕít dá báťuška, adná žyvú, góŕe gaŕú̯i̯ù[8]). što-š ty bábuška, adná-i̯ žyłá vek svoi̯? ńet báťuška, gъvaŕít, był u ḿiné synók, ъddáľi mъi̯avó synká u sъłdáty.

a-i̯ón i gъvaŕít: bábuška, ty ḿiňa ńabóś ruγá|i̯|iš šu (što) sýna uźáł u sъłdáty?

ńed báťuška, ńɛ-ruγái̯ù i̯a tíbé, a i̯á zъ-tíbé-u̯śö-bóγu maľúś.

a i̯on i gъvaŕít, caŕ: a štó bábuška, pŕisyłáiť on tíbé píśmy?

pŕisyłáiť, báťuška.

nu što-š on tíbé beŕétsa za-słúžbu?

o báťuška, píšyť xъrašó, ńi-tužý gъvaŕít mátuška aba-mné; i̯a wóčiń xъrašó pъńimái̯u.

a pazvóľ, gъvaŕít, pъkažý mńe píśḿäcó i̯ávó! nu, aná pъšłá, píśḿacó i̯amú nъšłá, pŕińisłá, ъddъłá caŕú-u̯ ŕúki: nu-wó báťuška, prъgľadí na píśḿecó!

i̯on uźáł, výťъššył grámъtku i zъpísáł kak i̯awó zawúť, ʷkakói̯ róti słúžyť, ušo zъpísáł. i-nu-wót, bábuški[6]), tíbé píśmó, pъsyłái̯ sýnu pakłón, a i̯a skažú pakłón aťtíbé, dá. nu bábuška, pazwóľ mńe beľi̯ó pirḿeńíť[7]). pirḿeńíł[8]) beľi̯ó, nu i wźał výťъššył píťɛŕičók i gъvaŕít: prъšśái̯ bábuška, prъššái̯.

nu prasťíłśi śi̯éi̯u i pъbłaγdaŕíł[8]) i̯eie, i skъźáł: nu bábuška, ťêpéŕ dъžydái̯ synóčka svai̯vó[9]) — a štó i̯on tíbe, bábuška, dúžä[10]) tabé nádъ? káγ-žə[10]) mńé ńe nádo, kъli ḿiňe kaŕḿíť ńékъmu!

príiižžáid-damói̯[11]) cáŕ, sъbráł ʷséx sъłdát, u šaŕónki pъstъnaŕíł, śičás i̯étъvъ sýna ḿáŕx̌wina vyklíká[i̯]iť i gъvaŕít: nú brát, taṕéŕ[12]) i̯a u tvai̯éi̯ mátiŕi pabýł u-gъstáx, tíbé pakłón pŕisłáła (-łъ). ťêpéŕ[12]) ty brátec, ubirái̯śä

---

5) Или же, лучше можетъ быть, съ ä.

6) Ослышка или описка вм. -ka?

7) e коренного слога я отмѣтилъ какъ близкое къ ä.

8) Я слышалъ также, и чаще, ръвłъгъdaŕíł.

9) Или svъi̯awó.

10) Или скорѣе «ə», dúžə? Ср. -žə для -же.

11) Медленнѣе: príiižžáiť damói̯.

12) Ср. выше, и ниже, ťêpéŕ; послѣднее вѣроятно форма заимствованная.

(-śe) damój. póĺnъ ťibé słužýť, máťsťu kaŕńiť ńékamu. śjéju žyví pъĺadúéj, kaŕúí, ńę zъrńíčáj.

jétъ ųšá, kóńčiĺъšä (-śe).

Въ данной маленькой пробѣ дѣлается намёкъ и на ту извѣстную черту живой рѣчи, что слова соединяются болѣе или менѣе ясно въ группы, построенныя вѣроятно на выдыхательныхъ отношеніяхъ (adná-j žyĺá, štъ-búďiť caŕ... и др.); такое обозначеніе можно было бы провести и нѣсколько дальше, напр. при слабовѣсныхъ предлогахъ. Но сколько я слышалъ, эта несомнѣнная группировка, початокъ «тактовъ», здѣсь не построена на ритмическомъ принципѣ, потому и не ведетъ къ опредѣленнымъ фонетическимъ выводамъ. Я не былъ въ состояніи вывести, напримѣръ, опредѣленное заключеніе о природѣ такихъ «тактовъ», бываютъ ли они въ большинствѣ случаевъ, въ данномъ, разсказывающемъ стилѣ, падающаго или восходящаго характера (трохаическо-дактилическими или ямбическо-анапестическими). Пробы показываютъ смѣсь всякихъ типовъ, а также группы съ *двумя* приблизительно равновѣсными для моего слуха напорами (напр. tóĺ'kъná только она, zъ-ťibé-ųšö-bóγu maĺúś' за тебя все Богу молюсь). Поэтому я отказался отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій этого вопроса.

Не обозначенными остаются въ маленькой пробѣ отношеніе интонаціонныхъ движеній къ экспираторному ударенію и зависящія отъ мѣста послѣдняго оттѣненія въ долготѣ и вѣсѣ разныхъ слоговъ. Объ этомъ скажу въ 2.

Но и безъ обозначенія этихъ свойствъ, маленькая проба сейчасъ показываетъ мѣсто Ивонинскаго говора въ южновеликорусскомъ нарѣчіи. Мѣстоположеніе ударенія отдѣльныхъ словъ и согласный составъ не удаляется много, напр., отъ Московскаго произношенія. Въ консонантизмѣ привлекаютъ вниманіе главнымъ образомъ двѣ черты: γ (фрикативное) на мѣстѣ московскаго g (darógъj дорóгой, γъvaŕíť говоритъ и т. д.), и развитіе звука или звуковъ, извѣстныхъ въ Московскомъ произношеніи какъ «v» (напр. uśó все, sъbŕáĺ ᵛśex собралъ всѣхъ, съ редуцированнымъ u-, ďaŕęnu деревню; ср. dalѣe колебаніе v:w, напр. márxwa, jawó — svajú, javó, márxvy и др.).

Особенно же привлекаетъ вниманіе развитіе вокализма, въ сравненіи съ общерусскимъ составомъ. Въ ударяемыхъ слогахъ старшій составъ, вообще, сохраненъ. Изъ гласныхъ ѣ и е лишь послѣдній перешелъ въ ’о въ твердомъ слогѣ (uśó все, beĺjó бѣлье; ty-jďóš, žyvóš — вѣроятно, впрочемъ, чужія формы — ; но séĺ vek ńet и др.); въ слогѣ мягкомъ они совпали, и здѣсь оба выговариваются съ закрытымъ оттѣнкомъ, žyvét' живетъ,

taṕéŕ теперь, jéj̈n ею, ръγl̈ad́éť поглядѣть и т. д.); къ e: ê ср. напр. московскія это: эти. — Въ слогахъ неударяемыхъ первоначальныя i, u и у вообще сохранились. Иначе со старшими a и o, а съ другой стороны e, ê и я. На мѣстѣ первыхъ двухъ видимъ частью a, частью «ъ», о природѣ котораго ниже въ 5 и 7. Это ъ — продуктъ редукціи. Его мѣсто вообще, какъ и напр. въ Московскомъ произношеніи, въ слабѣйшихъ слогахъ, т. е. въ слогахъ неударяемыхъ съ исключеніемъ слога непосредственно передъ ударяемымъ; ср. напр. ръγl̈ážú погляжу, хъıašó, dъžydáj дожидай, pólпъ полно, jéxъť ѣхать, γrámъtku, jétъvъ этого. Но и въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ находимъ ъ, а именно передъ слогомъ съ a (á, ä), ср. twajú, kaŕḿíť, damój̈ съ sъldáty, pъšlá пошла, ъddáĺi отдали. Параллель представляетъ развитіе старшихъ e ê я въ болѣе или менѣе чистое i (i, ɛ), наблюдаемое во первыхъ въ слабѣйшихъ слогахъ (см. выше): máťiŕi матери, máťɛŕu (вин. мать), píťɛŕićok пятеричокъ, а далѣе и въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ a: pŕiṅi-la принесла, pŕiižžáiť пріѣзжаетъ, — между тѣмъ какъ передъ другимъ ударяемымъ гласнымъ, не a, они выступаютъ вообще какъ болѣе или менѣе ясное 'a ('ä, 'e): ńabós небось, dä́ŕéṇa, jamú ему, pírḿeńiť перемѣнить, pisḿácó или pisḿecó и др.

Даже въ приведенной маленькой пробѣ легко найти не мало отклоненій отъ указанныхъ принципіальныхъ линій; отклоненія объясняются различно, о чемъ скажемъ ниже. А эти исключенія не скрываютъ правильное звуковое развитіе. И прежде всего указанный вокализмъ слога непосредственно передъ ударяемымъ сейчасъ опредѣляетъ характеръ Ивонинскаго говора среди южновеликорусскихъ. Для сравненія съ болѣе западными говорами отмѣтимъ здѣсь же примѣръ какъ beĺ̈ó, съ -ĺ̈-, а не съ долгимъ (удвоеннымъ) l̈.

2. Темпъ рѣчи. Характеръ ударенія. Долготныя и интонаціонныя отношенія. Въ предварительномъ отчетѣ я уже указалъ на то, что темпъ рѣчи описываемаго говора переходитъ въ наше время въ новыя, заимствованныя формы. Старинный образъ рѣчи гораздо медленнѣе, чѣмъ новый, проникающій извнѣ, особенно изъ столичнаго произношенія. А новомодный образъ рѣчи не только ускоряетъ произношеніе слоговъ; онъ измѣняетъ при томъ замѣтно также взаимное отношеніе отдѣльныхъ слоговъ, ихъ «относительный вѣсъ».

Удареніе нужно какъ въ старинномъ, такъ и въ новомъ образѣ рѣчи характеризовать какъ экспираторное; отмѣтимъ на счетъ этой стороны произношенія лишь то, что новомодный образъ рѣчи, при ускоренномъ темпѣ,

очевидно склоняется также къ болѣе рѣзкому экспираторному выдвиженію ударяемаго слога за счетъ прочихъ слоговъ слова; въ старинномъ образѣ произношенія ударяемый и неударяемые слоги въ экспираторной силѣ стоятъ другъ къ другу какъ будто ближе; произношеніе происходитъ какъ будто больше «по слогамъ»; новомодный образъ связываетъ слоги неударяемые съ ударяемыми какъ будто тѣснѣе, выговаривая больше т. с. «по слоговымъ группамъ».

Отмѣтимъ, впрочемъ, въ этой связи, что новомодный, приблизительно московскій образъ рѣчи согласуется со старинным въ одной главной чертѣ произношенія. Говорю объ извѣстномъ болѣе или менѣе осязательномъ выдвиженіи кромѣ ударяемаго еще и слога непосредственно передъ ударяемымъ. Это выдвиженіе состоитъ, какъ и для ударяемаго слога, и въ большей экспираторной силѣ и въ извѣстномъ удлиненіи гласнаго слога; объ исключеніи для «ъ» скажу ниже. Старинный образъ рѣчи выдвигаетъ предударный слогъ вообще гораздо сильнѣе, но и новомодный образъ сохраняетъ хоть склонность придавать слогу предударному извѣстный бо̀льшій, чѣмъ прочимъ неударяемымъ относительный вѣсъ (оставляю пока въ сторонѣ побочныя ударенія, о которыхъ ниже). Однако, судя по общему комплекту описываемыхъ говоровъ, мы въ правѣ спросить, не исчезаетъ ли эта склонность; а именно, встрѣчается и такой типъ произношенія, при которомъ, по моему, слогъ предударный, не выдвигается замѣтно передъ прочими неударяемыми, но принадлежитъ съ ними одной общей группѣ «слабовѣсныхъ» слоговъ.

По моимъ наблюденіямъ, вообще съ новымъ, скорѣйшимъ темпомъ соединяется рѣзкая перемѣна въ интонаціонныхъ отношеніяхъ. Я коснулся этого явленія уже въ предварительномъ отчетѣ. Интонація новаго образа рѣчи согласуется болѣе или менѣе съ московской: въ спокойной, особенно въ сообщающей рѣчи, безъ особеннаго аффекта, неударяемые слоги держатся въ довольно ровномъ тонѣ, а ударяемые выдвигаются обыкновенно болѣе высокимъ тономъ, склоняющимся внутри слога къ дальнѣйшему слабому повышенію. Что ударяемый слогъ нерѣдко, особенно при подтверждающемъ смыслѣ или около окончательной паузы, вмѣсто повышенія выдвигается явнымъ пониженіемъ тона, не разстраиваетъ, конечно, указаннаго общаго хода и впечатлѣнія,— оно опять согласуется съ общеизвѣстными чертами, напр. московскаго произношенія. Схематически эта интонація (слова, понятія) даетъ, напр., такія условныя картины: ˝ . (пр. mórda морда), ˝ (пр. skъvaŕót сковородъ, γъvaŕíť говоритъ), ˝ (пр. xaďíй ходилъ, skažú), ˝ . (пр. xudájä). *Старинный* же образъ рѣчи соединяется съ своеобразной

интонаціей, ярко характеризующій говоръ, и, вообще, рѣчь всей окрестности. Ударѐніе, падающее на первый слогъ слова, можно назвать высокотоннымъ и нисходящимъ; оно довольно похоже на сербское ˆ, почему и пользуюсь этимъ знакомъ: «dôm» «xĺêp» «xtô» «môrda» «ĺâdnъ» «pšônnyx» (krup) «skôwrъdy» скóвороды; нисходящее движеніе продолжается также послѣ гласнаго, въ слѣдующемъ сонорномъ звукѣ, напр. въ ĺ слова xôĺst. А если ударѐніе лежитъ не на первомъ слогѣ, — типичная форма интонаціи такая, что слогъ *передъ* ударяемымъ имѣетъ высокій тонъ, между тѣмъ какъ ударяемый слогъ выговаривается на значительный интервалъ ниже. Схематическіе картины этой интонаціи получаютъ такой видъ ¯ ⌟ (пр. xudój, pšänó пшено, skvaŕéc, xadĭĺ, skažú; при этомъ образѣ рѣчи удлинѐніе слога предударнаго очень сильно, ср. ниже), ◡ ¯ ⌟ (пр. ńičagó ничего, skъvarót, γъvaŕĭť, kъbakĭ), ◡ ˘ ⌟ (skъwrъdáx), ¯ ⌟ ◡ (пр. xudájä, kartóxa, paxĺórka, na-póšťi на почтѣ), — и т. д. Интонаціонныя отношенія отдѣльныхъ словъ подвергаются, конечно, и при этомъ образѣ рѣчи всяческимъ измѣнѐніямъ въ связи рѣчи, въ пользу интонаціи предложѐнія. Нерѣдко интонація слова, маловѣснаго, изглаживается въ болѣе или менѣе ровный тонъ (Очеркъ, отд. «Интонація»); или интонація предложѐнія требуетъ перемѣны повышенія на понижѐніе, или обратно. Однако, спокойное, сообщающее произношеніе позволяетъ и въ связныхъ предложеніяхъ отчетливо узнавать указанную, старинную интонацію слова; она проявляется ярко въ тѣхъ частяхъ предложѐнія, которыя выступаютъ логически; особенно часто, пожалуй, въ концѣ выражѐнія, передъ паузой; ср. отмѣтки какъ «što ty nam dâš?» «nu dajnam tô što...» «što taĺé xôca (-tca?)?» что тебѣ хочется; или движѐніе интонаціи въ выражѐніи какъ (anâ xъźâjkä) u-dvaŕé: (¯ ⌟ ◡ ⌟ ◡) ◡ ¯ ⌟

Послѣднюю, столь характерную интонацію слова можно сравнить съ движѐніемъ тона, напр., въ московскомъ подтвердительномъ «была» (· ˏ) какъ отвѣтъ на вопросъ «она у васъ была?», или «не могу» (· ˏ · или · ˏ ·) въ отвѣтъ на «не можете?», «во дворѣ» въ отвѣтъ на «гдѣ онъ?», и под. Дѣйствительно, разсказъ въ старомодномъ, спокойномъ, «поющемъ» образѣ произношенія описываемаго говора, и всей окрестности, съ сильной склонностью повышать тонъ предударнаго и понижать тонъ ударяемаго слога, невольно наводилъ мою мысль на рядъ — скажемъ осторожно подтверждающихъ отвѣтовъ на подразумѣваемые вопросы; вотъ приблизительная иллюстрація моего, конечно чисто-субъективнаго впечатлѣнія. Эта старомодная интонація — вмѣстѣ съ сильнымъ удлинѐніемъ извѣстныхъ предударныхъ слоговъ, см. ниже — сохраняется особенно у старыхъ людей. Однако, въ

обыденной рѣчи она еще сильно замѣтна у молодыхъ, очень сильно напримѣръ у дѣтей. Она замѣтна даже у дѣтей образованныхъ семей, вслѣдствіе вліянія мѣстной прислуги. Но, какъ сказано, она борется съ вторгающимся типомъ интонаціи столичнаго говора, и повидимому все болѣе уступаетъ свое мѣсто послѣднему.

Перейдемъ къ вопросу о долготѣ. Ивонинскій говоръ не знаетъ долготы кромѣ связанной съ удареніемъ[1]). Удлиняется слогъ ударяемый; можно сравнить московскую «полудолготу» (Очеркъ 227). Но какъ мы намекнули выше, кромѣ ударяемаго удлиняется также слогъ предударный; въ старомодномъ произношеніи удлиненіе гласнаго въ слогѣ предударномъ очень сильно; получается два условно длинныхъ слога, ср. выше напр. ńičaγó: [illegible], xudój [illegible] и т. д. Интересное исключеніе представляетъ предударное ъ; хотя склонность придавать слогу предударному извѣстный бо̀льшій вѣсъ (экспираторно и долготно) можетъ усилить въ извѣстной слабой степени и ъ въ такомъ положеніи, но очевидно нужно считать его краткимъ, т. е. skъwrъdáx, tъrγъwáł даетъ фигуру [illegible]; склонность къ усиленію дѣйствуетъ въ примѣрѣ какъ xъ̀ístá холста скорѣе на ɪ: «xъ̀ístá» (оно наводитъ потому иногда мысль на «xъ̀ístá»). Съ этимъ исключеніемъ гласные въ слогѣ предударномъ замѣтно удлиняются, достигая, по моимъ наблюденіямъ, приблизительно, долготы гласнаго ударяемаго слога, если не превышаютъ ея.

Припоминая при этомъ высокій тонъ предударнаго слога, въ противоположность низкому тону ударяемаго, нетрудно понять, что наблюдатель иногда невольно спрашиваетъ себя, не говорятъ ли теперь скорѣе, напр., «ńičáγo» «u-dváŕe» «γъváŕiť» «skážu», сохраняя слѣдъ стариннаго ударенія лишь въ извѣстной силѣ и долготѣ слоговъ -γo -ŕe -ŕiť -žu? Однако, обыкновенное произношеніе сохраняетъ еще динамическій перевѣсъ за изстари ударяемымъ слогомъ (-γó -ŕé и т. д.); т. е., мѣсто «ударенія» все еще соотвѣтствуетъ прочимъ южновеликорусскимъ говорамъ. Прямое доказательство этого мы имѣемъ м. пр. въ томъ, что если интонація предложенія одолѣваетъ интонацію слова, выдвигая носитель «ударенія», т. е. самый сильный слогъ слова, высокотонностью, то сильнѣйшимъ слогомъ является изстари ударяемый, напр. въ выше названныхъ словахъ -γó -ŕé -ŕiť -žú.

---

1) Оставимъ въ сторонѣ не касающееся насъ здѣсь эмфатическое удлиненіе, измѣняющее иногда и неударяемые слоги, особенно въ концѣ слова.

Кромѣ главнаго ударенія, нерѣдко замѣчается второстепенное, побочное, зависящее тоже отъ экспираторнаго усиленія, и связанное обыкновенно съ извѣстнымъ удлиненіемъ. Разница въ экспираторной силѣ неударяемыхъ слоговъ, въ зависимости отъ разстоянія отъ ударяемаго, видна уже изъ выпаденія гласнаго элемента въ примѣрахъ какъ skъwrъdáx вм. skъwъrъdáx, pirv́ážiťe вм. piŕi- перевезите (но ср. piŕavóśśik перевозчикъ); изъ этого понятно, что второй слогъ передъ главноударяемымъ имѣетъ относительно самый слабый вѣсъ; предшествующій ему, третій отъ ударяемаго уже «вѣсистѣе», экспираторно сильнѣе; это придаетъ его гласному элементу бо̀льшую стойкость. Для слоговъ, стоящихъ еще дальше отъ ударяемыхъ, не имѣю примѣровъ. Ярче выступаетъ такая разница экспираторной силы въ послѣударной части слова. Вообще слогъ непосредственно послѣ ударяемаго очевидно обозначаетъ, при отсутствіи особыхъ факторовъ, экспираторный минимумъ (выпаденіе гласнаго видимъ, напр., въ týśśa тысяча); въ дальнѣйшемъ слогѣ замѣчается новое усиленіе: ˈwuźiń¸kъ̀ узенькій ˈworъ ¸nowy вороновы и др. Но это явленіе не выступаетъ всегда съ равной ясностью; оно иногда мало замѣтно, такъ что было бы неправильнымъ говорить о постоянномъ побочномъ ударенiи для такого слога. Напротивъ, дѣйствительное побочное удареніе зависитъ очевидно отъ особыхъ факторовъ у говорящаго; оно явленіе не только ритмическое; соображенія о его появленіи слѣдуютъ ниже. Замѣчательно то, что настоящее побочное удареніе повидимому принадлежитъ лишь слогамъ послѣ ударяемаго. Оно слышится съ особой ясностью — это свойство всѣхъ описываемыхъ говоровъ — если падаетъ на открытый конечный слогъ: ˈtóťiń¸kä тетенька, raˈńošuń¸kä ранешенько, ˈsoł-nuš¸ka, ˈźeŕkъ¸ła, γ-ˈdoxto¸ru, rъˈkładˈi¸pa и т. д. (ˈпередъ главноударяемымъ, ¸передъ побочноударяемымъ слогомъ — ср. также написанія какъ sół-nuškà и под.); встрѣчаются случаи такого яснаго побочнаго ударенія въ открытомъ конечномъ слогѣ также тамъ, гдѣ этотъ слогъ слѣдуетъ непосредственно послѣ главноударяемаго, напр. staˈruš¸ka. Сильное развитіе побочнаго ударенія именно на этомъ мѣстѣ слова ставитъ вопросъ о его причинѣ. Случаи вродѣ staráškà затрудняютъ объясненіе на основаніи ритмическомъ; скорѣе это побочное удареніе открытаго конца связано, хотя отчасти, съ разсказывающимъ стилемъ, съ «удареніемъ предложенія» (ср. Коб., § 12). Отчасти же оно, можетъ быть, связывается также съ явленіемъ морфологіи, — со склонностью ввести на мѣсто ожидаемыхъ по звуковымъ правиламъ и нерѣдко встрѣчаемыхъ слабѣйшихъ («ирраціональныхъ») гласныхъ полныя флексійныя окончанія, сохраняемыя при ударяемомъ концѣ слова. Объ этомъ скажемъ еще ниже. Понятно, однако, что такіе незвуковые фак-

торы, которые, по моему, нужно предполагать для сильнаго развитія побочнаго ударенія въ концѣ слова, нерѣдко совпадаютъ еще и съ звуковымъ принципомъ, со склонностью къ перемѣнѣ между самыми слабыми и не столь слабыми слогами, т. е. съ ритмическимъ принципомъ, на которомъ покоится, напр., и строй литературнаго русскаго стиха.

Итакъ: по относительному вѣсу второе мѣсто внутри слова (такта) принадлежитъ вообще слогу предударному. Передъ послѣднимъ и непосредственно послѣ главноударяемаго мы имѣемъ правильно слабѣйшіе слоги слова. Третій же слогъ передъ и второй слогъ послѣ главноударяемаго, хотя относительно слабовѣсны, но сами по себѣ не изъ самыхъ слабыхъ слоговъ. Въ какомъ-нибудь umaŕïĭъśa уморилась можно обозначить отношеніе вѣса приблизительно такъ: umaŕïĭъśa. Сильное же побочное ударені̇е (степень 3 или даже 2), выступающее нерѣдко послѣ главнаго ударенія, особенно осязательно въ открытомъ конечномъ слогѣ, иногда замѣтное даже если такой слогъ слѣдуетъ непосредственно послѣ ударяемаго (staŕúškà и под.), вызывается факторами, не объяснимыми изъ ритмическаго строя самаго слова (такта), и вообще мнѣ не ясными.

6 2 1 6 5(4)

3. Замѣтки къ консонантизму. Приведенная сказка показываетъ общую близость консонантизма Ивонинскаго говора, напр., къ московскому. Объ особенномъ отношеніи u: w: v скажу въ 4; въ остальномъ ограничимся слѣдующими замѣтками.

Московскому взрывному г (g) соотвѣтствуетъ длительное γ. Новомодное произношеніе изрѣдка вводитъ g. И γ и соотвѣтствующее безголосное x произносятся съ явственнымъ фрикативнымъ звукомъ; ихъ образованіе, повидимому, энергичнѣе, чѣмъ въ моск. x, лежитъ притомъ, пожалуй, немножко болѣе впереди, чѣмъ послѣднее, соотвѣтствуя по мѣсту артикуляціи приблизительно k.—x или xv на мѣстѣ Ф напр. въ kartóxa saraxvân xvamĭïja.

ś (ṕ) во всѣхъ этихъ говорахъ «твердо», č «мягко» («č́»); о значеніи этихъ понятій достаточно указать на Очеркъ. По своему образованію č — сужу по наблюденіямъ изъ сосѣднихъ говоровъ, приложимымъ очевидно ко всей окрестности — принадлежитъ къ дорсальнымъ шипящимъ, какъ и то š́, которое нерѣдко замѣняетъ его; предпочитаю однако, изъ практическихъ соображеній, остаться при данномъ обозначеніи. Въ č взрывный элементъ выступаетъ болѣе или менѣе слабо; онъ по всей окрестности часто исчезаетъ, оставляя лишь «š́», ср. выше. — š и ž, корональнаго образованія (Очеркъ 42), «тверды»; ср. обыкновенный переходъ слѣдующаго i, старшаго и новѣй-

шаго происхожденія, въ y (и отсюда иногда дальше въ ъ): žywú žyť жить, stáršy старше, šyptáť шептать и пр.[1])

Образованія j (фрикативное) і į не разграничены (Очеркъ 21); даже напр. въ ихъ, имъ звучитъ то j, то į; избрано обозначеніе į, какъ въ прежнихъ работахъ. О значеніи [į], напр. γŕé[į]iš грѣешь ku[į]éť куетъ (при kuję́š куешь) ср. Очеркъ 214 и приведенную тамъ литературу. О случаяхъ какъ zdéšńi[į] здѣшній, sasédi[į] сосѣдей припомнимъ, что въ такомъ положеніи [į] проявляется какъ удлиненіе i: zďéšńī, sašédī. Обращаю вниманіе на случай какъ (медленнѣе) bŕíį̈úť: (быстрѣе) bŕí[į]üť, съ параллельнымъ явленіемъ y другихъ славянъ (ср. Die Dial. des südl. Serb. § 9, стр. 22).

Долгія — двойныя — согласныя образованія (Очеркъ 218 — 219) нерѣдки. Отмѣтимъ s̲ (šš) на мѣстѣ московскаго щ: s̲úka šáv́iľ щавель s̲ėĺ щель s̲u при što, iššú (iskáť) рьłaššú (ръłъskáť полоскать) ją̇ššó еще ргъššáį̇ прощай wýtъššył вытащилъ; но щи: čťi, род. čťéį̇. Къ šš ср. žž въ род. dóžžu (но Им. doš дождь отмѣченъ съ краткимъ š), уменьш. dažžók, dróžžy дрожди, род. dražžéį̇. Такъ какъ собственный звукъ š, ž не особенно низокъ, то я въ началѣ колебался, выбрать ли š ž или ś ź; ср. однако переходъ і послѣ нихъ въ y. Мягкое ś̲ (šš) появилось изъ s + č: ś̲ityŕḿá съ четырьмя, tý́šš́a тыс(я)ча, pi̯ŕávóšš́iki перевозчики; ср. iššäwó изъ чего, ś̲em съ чѣмъ.—Для освѣщенія уподобленія въ долгіе (двойные) согласные достаточно добавить нѣсколько примѣровъ. Про себя стоитъ aľ'anój, при aľ́anój, льняный (но напр. sółnuška, съ ł̇n); приведемъ далѣе bú́ťťe будьте, s̄érkowi̯u съ церковью, s̄erkwáḿi, tŕáśöśśä трясешся xóčεz͡złáta хочешь злата, áγ-͡γъwaŕíť ахъ говоритъ. Замѣтной разницы отъ принциповъ уподобленій въ бѣглой московской рѣчи врядъ ли можно подъискать. Добавимъ здѣсь же, что даже передъ удвоенными согласными говоръ, по моимъ наблюденіямъ, не знаетъ твердаго примыканія согласныхъ (Очеркъ 217); развѣ оно замѣчено иногда въ bú́ťťe. Отсутствіе такого твердаго примыканія и затрудняетъ опредѣленіе произношенія т + с въ возвратномъ глаголѣ; напр., -тьс- неопр. накл. купаться я опредѣлилъ то какъ ts: kupátsъ, то скорѣе какъ tc, то просто какъ c; такъ какъ новый напоръ придыханія начинается повидимому чаще съ образованія «s», а не внутри образованія «t», то предпочитаю вообще обозначеніе ts (vaźḿétsα возьмется — вниманія заслуживаетъ оттѣнокъ e,

1) e, напр. въ šérčiš шепчешь, приближается иногда замѣтно къ «ö». Повидимому неправильно приписать это округленію губъ, оно основывается на «твердости» š, въ значеніи сильнаго отодвиженія конца языка взадъ, для образованія большаго «котла» съ низкимъ собственнымъ звукомъ (Очеркъ 37).

не ê —, karówa bъdá[i̯]itsɑ), колеблясь однако сильно, особенно въ сторону «с».

śť склонно терять t. Въ концѣ слова вполнѣ: ńêś несть γoś гость koś кость šêś шесть; я слышалъ также, напр., pŕiv́éśť привесть (въ сказкѣ), даже у старыхъ, но считаю такое произношеніе чужымъ; -ś вм. -śť представляетъ явленіе общее для говоровъ всего округа. Внутри слова произношеніе колеблется въ Ивонинскомъ говорѣ; отмѣчено, напр., мн. ч. γъśťi̯á («γъśťi̯á») гости, р. γaśťéi̯; чаще же t склоняется исчезать, развивая на своемъ мѣстѣ болѣе или менѣе ясное i̯: :ńɛś[ť]ï или «ńɛś[ť]i̯ï нести, šɛś[ť]i̯ï шести; полный переходъ въ i̯, напр., въ р. ед. γóśi̯a гостя; ср. парадигмы гость и шесть ниже, въ отмѣткахъ къ морфологіи.

Отмѣчены единичные случаи отсутствія взрыва согласныхъ въ концѣ слова («имплосивы»), особенно часто въ -ťь неопр. наклоненія, напр. pъčivát̕. Въ такомъ случаѣ теряется мягкость t̕.

Регрессивныя уподобленія голосности, въ томъ числѣ и потеря голоса въ несонорныхъ согласныхъ передъ паузой (Очеркъ 197—199), согласуются съ общими правилами въ великорусскомъ; зубъ звучитъ žup, молодежь mъlaďóš, князь kn̥äś, зажегъ zažóx (ср. γ на мѣстѣ моск. g); при ъtstáłъś отсталось ср. ъddáli отдали; «ѣхать дорогой» сливается въ i̯éxъddaróγъi̯, «выходитъ жена» въ wyxóďid-žená, «ахъ говоритъ» въ áγ-γъvaŕíť; ср. γ-zádńi̯i̯ śastrý къ послѣдней сестрѣ, при ďéńix ńétu (денегъ нѣтъ) ďéńiγ dám (денегъ дамъ), и т. д. Случай какъ duχ̌ вм. дуй, мн. ч. dúχ̌ťe, съ χ образуемымъ въ области j, стоитъ въ моихъ запискахъ особнякомъ; въ случаяхъ какъ poi̯, pêi̯ (пой) лишь въ самомъ концѣ звучитъ χ̌ (т. е. = i̯χ̌), а во мн. ч. péi̯tä пойте i̯ сохранялъ голосность вполнѣ. w въ концѣ слова, напр. sow совъ, по моимъ наблюденіямъ, сохраняетъ голосность; впрочемъ, въ такомъ положеніи обыкновенно говорятъ u̯: paɫóu̯ половъ и под.

k передъ k t c даетъ x: lóxkъi̯ легкій, x-ťibé къ тебѣ, xto, x-caŕú, x-céŕkwi. š въ póšta — чужое; ср. сохраненіе č въ račťí pŕiwýčnъ kańéčnъ ръšańïčnъi̯a muká, — хотя со слабымъ, исчезающимъ элементомъ t, см. выше. dn сохраняется, напр. въ ťádnъ víďnъ bédnъ и др.

4. Отношеніе v: w: u̯ (u). Ивонинскій говоръ, какъ и прочіе здѣсь описанные, принадлежитъ къ такимъ, гдѣ нѣтъ яснаго разграниченія между v и w, т. е. фрикативными labio-дентальнымъ и labio-labіальнымъ (съ болѣе или менѣе высказаннымъ участьемъ верхней губы въ артикуляціи), а далѣе между этими спирантами и u̯, гласнымъ u въ согласномъ употребленіи. О всемъ этомъ явленіи см. Очеркъ 14. — Хотя v встрѣчается

часто, но его очевидно мало энергическое образованіе уже приближаетъ его по звуку къ губно-губному w, стушевывая границу; артикуляція w повидимому обыкновеннѣе; не могу указать ни одного положенія, гдѣ бы произносилось только v, а не также и w. Можно было бы поэтому довольствоваться однимъ знакомъ, w, сохраняя при томъ u̯, гдѣ артикулируется дѣйствительно гласный u̯. Но встрѣчаются и такіе переходные оттѣнки, гдѣ наблюдатель затрудняется въ выборѣ между w и u̯; мало энергичное w переходитъ, какъ всякому легко убѣдиться, черезъ неуловимые переходы въ артикуляцію «u̯». При томъ стоитъ указать на очевидную не только въ Ивонинскомъ говорѣ склонность предпочитать артикуляцію «v» при палатализаціи (v́). Вотъ почему я не рѣшился собрать эти разные знаки въ одинъ общій; пестрота въ этомъ отношеніи соотвѣтствуетъ звуковому характеру Ивонинскаго говора и произношенію всей мѣстности.

До извѣстной степени можно указать склонность распредѣлить оттѣнки w(v) и u̯ въ зависимости отъ положенія въ слогѣ. Непосредственно передъ гласнымъ того же слога слышимъ чаще w(v); ср. напр. wóśin осень (при новомъ óśiń, óśėń) wóčiu̯ очень wъkъłá около wúźińkiį (-kъį) узенькій wúγъĭ уголь waγóń огонь (новѣе aγóń; ср. род. at-ъγńá iz-ъγńá, тв. aγńóm, в. u-waγóń въ огонь, м. u-waγńé — или скорѣе u-u̯aγńé?—; во мн. ч. я слышалъ то a̯γńĭ, то waγńĭ); далѣе напр. р. мѣстоименій на -wo, при старшемъ и еще сохраненномъ -γó; v́erx sťérwa čiŕv́ák (червякъ) sv́akrówa (свекровь); cérkwa (и céŕkwa, р. céŕkwi) kẃérxu xwaḿĭĭi̯a. Послѣ гласнаго того же слога склонность идетъ обратно въ пользу u̯: dáŕćn̥ú̯ ya̯dóu̯ a̯usá (овса) cérkъu̯ (рѣдко вм. cérkwa, см. выше) sv́akróu̯ zá̯utri (-wútrom) завтра; р. мн. напр. ŕɛḿéńóu̯ ремней и под.; такое u̯, какъ и полный гласный u, перенимаетъ переднюю артикуляцію отъ мягкаго сосѣдства: dèŕéu̯ia (ср. 5). Но ни та ни другая склонность не развились въ правило; при wýγuĭ можно слышать u̯γuť вырыть, особенно, пожалуй, послѣ u: príďĭ ja̯mu u̯γuť; въ концѣ слога, хотя рѣдко, но можно слышать болѣе или менѣе ясное w: krow кровь, sv́akrówu̯ свекровью. Употребленіе w главнымъ образомъ передъ сонантомъ, т. е. въ началѣ слога, а u̯ послѣ него, т. е. въ концѣ слога, указываетъ на извѣстную роль энергіи при образованіи того или другого оттѣнка.

Особый интересъ представляетъ старинное vъ-, vь- передъ согласнымъ въ началѣ слова (такта); приведемъ нѣсколько примѣровъ: u-xátu-u̯-twaju̯ въ хату въ твою, ʌъ-i̯-uźáĭi да и взяли, i-u̯-taje̯ť и встаетъ, ustaje̯ť встаетъ, uźi̯éxъł возъѣхалъ; къ указанному виду предлога «въ» присоединяются также случаи какъ u̯izbúški въ избушкѣ, u-wuγłú въ углу; ср. далѣе при

waźmú, waźmíʼ прош. uźáł uźiłá, неопр. uźáć (взять), при wêś весь напр. kuśém kykónam pŕiłažýłʼsa ко всѣмъ къ иконамъ приложилась, saųśém со всѣмъ, aųśom о всемъ, zъ-tiʼbé-ųśʼ-bóγu maʼłuś за тебя все... Чаще всего такое u- — неслоговое; или оно сливается съ предшествующимъ гласнымъ въ дифтонгъ; или же, если это невозможно, оно присоединяется къ слѣдующему какъ несамостоятельный, краткій «побочный слогъ» (Очеркъ 205 сл.), редуцированный нерѣдко до безголосности, и тогда склонный исчезать: ųśo śałó все село, iz ųśawó изо всего, ųnow вновь, ųtóŕńik вторникъ, pŕixóďć [u]kó. Съ другой стороны оно однако часто представляетъ полный, нормальный слогъ, ср. выше kuśém... ко всѣмъ и др., а въ положеніи передъ гласнымъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ въ uų: uųizbúški. Совпаденіе «въ» съ «у» дается само собой; ср. ųiéj у нея, ųiétʼwa и съѣа, и т. д. Параллельное развитіе я описалъ въ свое время въ малорусскомъ (угорусскомъ). Но вліяніе извнѣ даетъ себя чувствовать въ замѣщеніи u- ясными, энергическими v, f, подобно московскому произношенію: f-kavó вм. ųkawó (kaγó) и под.

5. Гласные говора. Употребляемые мною знаки для гласныхъ столь знакомы изъ прежнихъ моихъ работъ, что не надо распространяться объ ихъ значеніи или систематизаціи; достаточно, напр., указать на Очеркъ. Употребляю ɑ для переходнаго звука между a и ъ; подобнымъ образомъ ɛ̣ обозначаетъ «не то é, не то i». Для тѣхъ, которые предпочитаютъ опредѣленія «экспериментальнаго» направленія, добавлю, что насчетъ моихъ a e (ê) i o u у ударяемыхъ слоговъ можно, повидимому, указать на добытые Щербой результаты, изложенные въ его «Русскіе гласные» СПб. 1912; а именно, Ивонинскій, какъ и всѣ описываемые здѣсь говоры, оперируютъ съ тѣми же гласными величинами, не представляя осязательной принципіальной разницы, ни артикуляціонной, ни акустической, отъ великорусскихъ парѣчій вообще, насколько я ихъ знаю. А гдѣ эти же упомянутые знаки употребляются безъ оговорки въ неударяемомъ положеніи, прошу считаться съ тѣми же качественными величинами; для нашихъ цѣлей такое опредѣленіе пока достаточно, если принять въ соображеніе замѣтки о напряженности ниже, въ 6.

При a o u употребляю á ó ú, ä ö ü, также извѣстныя изъ прежнихъ моихъ работъ, ср. м. пр. Очеркъ. Условія ихъ появленія на мѣстѣ «нормальныхъ» a o u совпадаютъ съ московскимъ произношеніемъ. Въ ударяемомъ слогѣ для передвиженія a въ ä (передній рядъ, положенія низкаго) нужно обыкновенно положеніе между двумя мягкими артикуляціями: źäć зять γrʼźáć грозятъ iʼpäć (iʼpáć) опять wʼłáć валять и т. д. Съ этимъ согла-

суется переходъ u въ ů, o въ ŏ: naču̯i̯ŭ (-i̯u) ночую, di̯ťŏi̯ů дитятемъ, ťŕäśŏśśä трясешься; при особенно медленномъ произношеніи «ядро» ударяемаго гласнаго задняго ряда можетъ, впрочемъ, двигаться не столь сильно впередъ (пр. ťŏťiṅkä тетенька), или даже удержать приблизительно артикуляцію обыкновенныхъ a o u; т. е., категорической границы между тѣми и другими оттѣнками нѣтъ. При мягкомъ звукѣ лишь съ одной стороны, ударяемыя a o u вообще удерживаютъ, хоть приблизительно, нормальную заднюю артикуляцію, исключая переходную часть между «ядромъ» гласнаго и мягкимъ сосѣдомъ. Въ слогахъ неударяемыхъ достаточно передненебной артикуляціи передъ гласнымъ для развитія a въ å, ä, u въ ů, o въ ȯ (ö); ср. напр. x-kťái̯ů къ краю (но pa kŕai̯ú), sýpů сыплю (но dŕeḿú дремлю); kaḿéńŏu (камней). Движеніе ведетъ иногда дальше, приближая ä къ e, ů къ ü; ср. при píśḿasó письмецо иногда скорѣе píśḿesó, частое колебаніе -i̯a и -i̯e въ конечномъ слогѣ, ů др. При мягкомъ звукѣ съ обѣихъ сторонъ этотъ переходъ въ неударяемомъ слогѣ представляетъ явленіе совсѣмъ обыкновенное; ср. pŕadú пряду съ pŕedéš прядешь и пов. pŕedï, и мн. др. — явленіе, затрудняющее нерѣдко надежное сознаніе историческаго развитія вокализма этихъ говоровъ. Для ü ср. примѣры какъ uspóŕüť, ťŕéṕüť треплютъ и мн. под. Однако, и въ неударяемомъ положеніи ясное произношеніе нерѣдко сохраняетъ болѣе или менѣе «нормальныя» a o u, не смотря на мягкое сосѣдство; дальше извѣстной «склонности» развитіе и здѣсь не повело, категорическаго разграниченія a o u отъ ä ȯ ů и т. д. не существуетъ.

Отъ живого звуковаго принципа зависитъ мѣна e: ê, ср. выше въ 1 и ниже въ 8. Эта мѣна, вообще, приняла опредѣленный видъ, хотя не безъ колебаній и отступленій, заслуживающихъ вниманія.

Послѣ š ž старинное i перешло въ «у», какъ мы уже коснулись въ 3: šyŕókъi̯ žywú žyť píšyť ńишетъ šyptáť xúžy хуже и т. д. Исключенія вродѣ пов. ńe tuži̯, при -žý, объясняются аналогіей; другіе случаи можно считать, вѣроятно, заимствованными, какъ напр. läṕéšička, уменьш. къ läṕéška лепешка, žiľézъm при (старшемъ) žaľézъm желѣзомъ, «ръkaṕḿómši» (въ сказкѣ) и др. — у послѣ š ž можно по моему отождествить съ у старымъ (ы), не только акустически, но болѣе или менѣе также въ артикуляторномъ отношеніи. Въ обоихъ случаяхъ артикуляціонный поясъ замѣтно колеблется въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ; передъ мягкимъ звукомъ того-же слога (напр. žyť) у приближается сильно къ i, принадлежа, пожалуй, скорѣе переднему ряду гласныхъ образованій; передъ твердымъ оно лежитъ сзади,

въ среднемъ, иногда пожалуй въ заднемъ ряду, а приближается въ ослабленныхъ оттѣнкахъ болѣе или менѣе къ ъ (7)[1]).

О «ъ» скажу здѣсь лишь то, что считаю его въ «нормальномъ» видѣ гласнымъ задняго ряда, при положеніи языка опущенно-высокомъ до средняго, т. е. гласной величиной, колеблющейся въ довольно широкихъ рамкахъ въ зависимости отъ окружающихъ условій, и принципіально тождественной съ московскимъ «ъ» («заднимъ ирраціональнымъ гласнымъ», Очеркъ стр. 135), напр. — по Коршу — pъ̀atnó daŕóγъ skúšnъ̀i. Вернемся къ ъ въ 6, поговоривъ о вопросѣ напряженности.

Встрѣчаются иногда гласные безъ голоса; особенно въ концѣ слова послѣ глухого согласнаго: dïv́anóst$^{ъ}_{\gamma}$ девяносто sъ̀bák$^{ъ}_{\gamma}$ noč$^{i}_{\gamma}$; но иногда и внутри слова: wuč$^{i}_{\gamma}$ŕɛĺá учителя. При благопріятствующихъ условіяхъ весь длинный конецъ слова принимаетъ глухой видъ: kaŕób$^{ъ}_{\gamma}$čk$^{a}_{\gamma}$; ср. Очеркъ 201. Значительной роли въ фонетикѣ говора (и всѣхъ этихъ говоровъ) это явленіе однако не играетъ.

6. Къ вопросу о «напряженности» гласныхъ. Гласный ъ можно несомнѣнно характеризовать какъ «ненапряженный» (Очеркъ 13, стр. 21—22). При прочихъ же гласныхъ говора вопросъ о напряженности не рѣшается такъ просто. Закрытое ê я привыкъ считать напряженнымъ гласнымъ, въ противоположность открытому e; очень можетъ быть, что слѣдуетъ держаться такого опредѣленія и для описываемаго говора; указываю, однако, кромѣ своихъ же замѣчаній въ Очеркѣ, особенно стр. 22, на соображенія Щербы въ «Русскіе гласные» § 46, къ тому о гласныхъ e и ê тамъ же §§ 40 и 50. Но хотя мы и остались бы при томъ мнѣніи, что «ê», встрѣчающееся правильно лишь въ ударяемомъ положеніи, нужно вообще считать образованіемъ «напряженнымъ», это далеко еще не помогаетъ намъ. По моимъ наблюденіямъ, тѣ гласные, въ которыхъ различія по степени напряженности бываютъ обыкновенно ясно осязательными, гласные съ высокимъ положеніемъ языка: i u y, въ описываемомъ говорѣ выказываютъ въ данномъ отношеніи странныя, мнѣ непонятныя колебанія. Отмѣчая, напр., въ одномъ случаѣ śeḿï семи съ несомнѣнно «ненапряженнымъ», даже ослабленнымъ ĭ — и такъ часто въ ĭ и ú въ открытомъ концѣ слова: dïťḿĭ дѣтьми, adnú одну — я въ другое время слышалъ параллельное waśḿĭ восьми съ явственнымъ узкимъ и напряженнымъ «ì». Изолируя какое-то muš мужъ, я не смѣлъ рѣшить, стоимъ ли передъ «u» или «û» — и т. д.

1) Объ e послѣ š ž см. прим. къ 3.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Я вывелъ изъ своихъ наблюденій такое общее заключеніе, что качество извѣстной степени «напряженности» или «ненапряженности» въ описываемомъ говорѣ (и въ сосѣднихъ) не представляетъ постояннаго свойства отдѣльныхъ гласныхъ, какъ таковыхъ; тѣ различія въ степени напряженія, которыя несомнѣнно существуютъ и иногда выступаютъ ясно, скорѣе зависятъ, главнымъ образомъ, отъ разныхъ условій, при которыхъ выговаривается гласный. Мнѣ не ясны тѣ разные моменты, которые играютъ роль при этомъ (ср. выше примѣръ -ï: -ǐ, не смотря на одинаковое положеніе). Однако изъ моихъ наблюденій выводится одно принципіальное заключеніе. Въ какомъ-нибудь ïḿiṅi имени ударяемое i несомнѣнно напряженнѣе двухъ неударяемыхъ; въ ńïwa имѣемъ «ï», если сравнить съ «i» въ krówi; въ wýgyĺ первое y явно напряженнѣе втораго; подобная разница выступаетъ въ byĺ (ý): byĺá, и очень ясно въ iššú ищу: ïššyš (ï). Даже въ открытомъ концѣ звучало «скорѣе ǐ», если слово — напр. waźḿï возьми — выговаривалось сильно; при сравненіи двухъ u въ x-caŕú źḿéju, второе оказывается несомнѣнно болѣе ненапряженнымъ, чѣмъ первое. Итакъ, удареніе обусловливаетъ болѣе отчеканенное, напряженное произношеніе гласнаго, особенно внутри слова; то есть, вмѣстѣ съ относительнымъ вѣсомъ (2) отстепеняется вообще и относительное напряженіе артикуляціи гласныхъ. И не только гласныхъ — это выходитъ изъ явленій палатализаціи, о чемъ скажу въ 8. Несомнѣнно, что слѣды такого принципа замѣтны и въ московскомъ (ср. хоть у въ ужé: ýже), и, пожалуй, повсюду въ русскомъ; ср. напр. наблюденія Шахматова надъ Лѣкинскимъ говоромъ (Изв. XVIII 4, 1913). Косвенное подтвержденіе важной роли этого принципа въ произношеніи всѣхъ описываемыхъ и массы другихъ говоровъ даютъ такія спорадическія перемѣны гласныхъ въ слогахъ легковѣсныхъ, какъ напр. mžukï; объ этомъ ср. ниже въ 9.

7. Отношеніе къ у. Индифферентныя гласныя положенія («ирраціональные гласные»). Относительный вѣсъ слоговъ обусловливаетъ по 6 не опредѣленныя категоріи «напряженныхъ» и «ненапряженныхъ» гласныхъ, но въ сущности цѣлые ряды близкихъ другъ къ другу, не разграниченныхъ оттѣнковъ внутри того, что считается «гласнымъ», гласной единицей («u» «o» «y» и т. д.). Уже это придаетъ вокализму извѣстный «скользящій» характеръ. Но и при удаленіи труднаго вопроса о напряженности, попытка подвести гласные Ивонинскаго и окружающихъ говоровъ подъ систему общеизвѣстнаго вида (напр. Sweet-Sievers) встрѣчается отчасти съ затрудненіями. Я уже намекнулъ на это въ предварительномъ отчетѣ;

оно зависитъ частью отъ ступени историческаго развитія этихъ говоровъ (см. въ 9), частью же отъ самаго характера иныхъ гласныхъ. Послѣднее особенно видно изъ отношенія гласнаго понятія «ъ» къ прочимъ гласнымъ болѣе или менѣе задняго образованія, особенно къ у.

Каждый гласный, въ принятомъ практическомъ смыслѣ, «охватываетъ бо́льшую или меньшую группу близкихъ другъ къ другу гласныхъ оттѣнковъ, въ рамкахъ, возстановленныхъ традиціей отдѣльнаго языка» (Очеркъ 10). Эти рамки подчасъ привлекаютъ вниманіе наблюдателя своей шириной и позволяютъ различать группы оттѣнковъ, интересныя для нашего сознанія. Такъ, a ȧ ä, u ů въ русскихъ говорахъ, напр. и въ здѣсь описываемыхъ, въ сознаніи говорящихъ представляютъ по одному гласному. Московское «у» двигается между довольно различными артикуляціями въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ, какъ я указалъ въ прежнихъ работахъ; параллельно относится «у» Ивонинскаго говора; послѣ зубнаго передъ мягкимъ звукомъ (напр. tyśśä тысяча) оно представляетъ гласный почти-что, иногда даже рѣшительно «передняго ряда», а задніе оттѣнки (напр. byɫ) лежатъ уже скорѣе не въ среднемъ (syn), а въ заднемъ ряду. А подъ ъ описатель долженъ собирать артикуляціи, охватывающія область даже пошире. Средоточіемъ можемъ (ср. 5) считать артикуляцію задняго ряда, съ высокимъ, но опущеннымъ и явственно ненапряженнымъ положеніемъ языка, ср. приблизительно разокругленное u нѣм. Hund, русск. «тутъ», и «умъ»; часто-же положеніе языка опускается до высоты средней, особенно между губными (напр. второе ъ ѣшъwár), ср. прибл. разокругленное o, — но съ другой стороны можетъ также притягиваться окружающими звуками сильно впередъ, въ образованіе уже средняго ряда («ѣ», примѣры ниже). Такимъ образомъ зоны образованія у и ъ отчасти перекрещиваются, приблизительно такимъ образомъ (отверстіе рта на право):

; т. е, передніе и высшіе оттѣнки ъ могутъ сливаться съ у, а задніе, опущенные (ослабленные) оттѣнки у могутъ принадлежать уже области «ъ», области «задняго индифферентнаго гласнаго положенія». Большею частью тотъ и другой еще различаются даже при совпадающей зонѣ образованія[1]); поверхность языка при у вообще держится выше, т. е. образованіе у еще-таки вообще у́же ъ. Но легкое повышеніе артикуляціи при ъ или опусканіе при у достаточны для потери разницы, что̀ дѣйствительно имѣемъ случаи наблюдать.

1) Въ значеніи наибольшаго приближенія языка къ нёбу.

То положеніе, въ которомъ этимологическое ъ (ср. ниже въ 9) особенно легко и сильно притягивается впередъ (и вверхъ), приближаясь къ у, иногда съ явнымъ переходомъ въ него и даже въ передній оттѣнокъ его, по моимъ наблюденіямъ—это положеніе передъ мягкимъ звукомъ, особенно если предшествуетъ ъ согласный зубной. Это тѣже условія, которыя по вышесказанному вызываютъ передніе оттѣнки у («tyššä»). Въ такомъ положеніи встрѣчается на мѣстѣ историческаго ъ иногда прямо переднее (короткое) у, даже въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ: «dyčká» дочка; это впрочемъ рѣдкіе случаи[1]); вообще сохраняется «ъ», хотя въ переднемъ оттѣнкѣ («ѣ», напр. «γrѣźáť» грозятъ). Не такъ уже рѣдко отмѣчены такія «у» въ слогахъ вполнѣ слабовѣсныхъ, гдѣ окружающіе согласные естественно вліяютъ сильнѣе на гласный элементъ: «ná-nyč» на ночь, «karóbyčka» коробочка, им. ж. р. «bъγátyjä» при -tъja богатая, «na jétyj ťäkï (ťekï)» на этой рѣкѣ (въ сказкѣ). Обратно, старинное у въ такихъ слабовѣсныхъ слогахъ[2]) развивается отчасти въ несомнѣнное ъ, задняго оттѣнка; ср. напр. ja raγïb-bъ я погибъ бы, иногда bárъna вм. bárγna барина. Изъ переходныхъ ступеней между у и ъ объясняются частыя колебанія наблюдателя, особенно въ началѣ; ср. ниже, въ замѣткахъ къ морфологіи.

Въ связи съ этимъ стоитъ упомянуть и о томъ наблюденіи, которое иногда можно дѣлать въ этихъ говорахъ, что усиленіе слога съ ъ — изъ а, о —, развиваетъ ъ въ явственное у, независимо отъ характера окружающихъ звуковъ. Такъ я объясняю, напр., изъ Ивонинскаго говора случаи какъ «bydáť» при ожидаемомъ bъdáť бодать, * «bγuγná» при bъγuγná (мн. ч.); подобные разбросанные примѣры встрѣчаются во всѣхъ этихъ говорахъ; ср. замѣтки по поводу «sȳ śvïčáṁi» въ § 35. Близкое родство, иногда дѣйствительное совпаденіе ъ и у въ нарѣчіи этихъ мѣстностей подтверждается вѣроятно и употребленіемъ «ы» у русскаго наблюдателя сосѣднихъ говоровъ Мещовскаго уѣзда, Чернышева. Но для описываемыхъ у меня говоровъ передача «у» и «ъ» слабовѣсныхъ слоговъ общимъ знакомъ

---

1) Не безъ интереса, напр., сопоставленіе «dyčká» съ pъčám ночамъ, постоянно слышаннымъ мною съ несомнѣннымъ ъ; очевидно, что тавтосиллабическое č дѣйствуетъ иначе чѣмъ č, принадлежащее слѣдующему слогу. Ср. ниже «ná-pyč» и др. Иное объясненіе у въ dyčká и под. даетъ Шахматовъ стр. 70 въ статьѣ «Аканіе», Сборникъ... Фортунатову, Варшава 1902.

2) Очень рѣдко въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ; напр. я колебался между «pŕywú» и «pŕъwú» (плыву). Ср. обзоръ ниже, 9.

дала бы невѣрное понятіе объ ихъ звуковомъ строѣ. Я, напр., никогда не слыхалъ *sъnъwi̯á на мѣстѣ synъwi̯á сыновья, или *wýгъ‘ вм. wýгу‘, ни обратно *pysy‘á i̯ вм. pъsy‘á i̯ посылай. Конечно, родственныя слова съ другимъ положеніемъ ударенія могутъ объяснить многіе изъ такихъ примѣровъ, хотя бы они и были противны звуковымъ законамъ нашихъ говоровъ; sýn, гý‘ могли бы вызвать synъwi̯á, wýгу‘ вм. sъ-, -гъ‘; но изъ сказаннаго выше видно, что, по моимъ наблюденіямъ, общее сохраненіе разницы ъ: у въ слабыхъ слогахъ покоится въ Ивонинскомъ говорѣ и на артикуляціонной подкладкѣ.

У послѣ š ž (5) выказываетъ тѣже черты, какъ у первоначальное. Въ примѣрѣ какъ wý‘ъššy‘ вытащилъ, въ -у падежнаго окончанія, какъ напр. dróžžy, я не слыхалъ -šъ‘, -ъ; но «нашего» колеблется въ моихъ запискахъ между nášywa и nášъwa; и такъ вообще послѣ š въ naša имѣю то у, то ъ, то склонялся къ употребленію ə (ср. нѣм. e въ Gabe). Впрочемъ, въ формѣ какъ «нашего» можно спросить: исходить ли изъ «i» («ε»), т. е. передняго «ирраціональнаго гласнаго», происшедшаго изъ e («нашего»), или же изъ задняго ирраціональнаго, происшедшаго изъ o («нашого»)? Мой матеріалъ не позволяетъ рѣшить этотъ вопросъ (ср. ниже въ 9). Произношеніе žená несомнѣно заимствовано, в. žanú опять не позволяетъ видѣть, произошелъ онъ изъ ženú или изъ žonú, и то и другое дало бы žanú. Окончанія -šy -žy и -ša -ža въ формахъ срав. степени также ничего не объясняютъ. Сопоставленіе šarčú (шепчу, 2. л. šérčiš) съ неопр. накл. šyr‘át‘ указываетъ скорѣе на сохраненіе še- безъ перехода въ šo, откуда далѣе (передъ á, см. 9) ši, давшее потомъ šy; изъ *šo мы бы имѣли скорѣе šъ; но такой отдѣльный примѣръ не допускаетъ надежныхъ заключеній, особенно послѣ приведенныхъ выше соображеній, по которымъ возможно даже šy < šъ < šo.

Изъ опредѣленія артикуляціи ъ слѣдуетъ, что округленіе губъ передѣлываетъ его въ гласный характера u или o. Легкое же сдвиженіе задняго языка внизъ измѣняетъ его въ α-a. Обратно, потеря округленія въ o, чуть замѣтное повышеніе заднихъ и среднихъ частей языка въ a, ведутъ къ гласному ъ. Это ъ, «задній ирраціональный гласный», какъ и соотвѣтствующая, довольно движимая гласная величина въ московскомъ (Очеркъ 149 сл.), и есть именно то относительное «индифферентное гласное положеніе», въ которое стремятся редуцироваться въ описываемыхъ говорахъ гласные задняго образованія въ слогахъ слабаго вѣса. Разныя гласныя образованія имѣютъ разную стойкость, о чемъ больше въ 9. — Заднему ирраціональному соотвѣтствуетъ «передній ирраціональный гласный», т. е. относительно

индифферентное положеніе для гласныхъ передняго образованія (скорѣе: для гласныхъ послѣ мягкихъ согласныхъ) въ слабовѣсномъ слогѣ. Такимъ индифферентнымъ положеніемъ выступаетъ въ нашихъ говорахъ чаще всего ненапряженное i, съ нерѣдкимъ приближеніемъ къ e, довольно закрытаго оттѣнка (ср. мое ɛ). Объ этомъ скажемъ больше въ 9.

8. Замѣтки къ палатализаціи и лабіо-веляризаціи. О самыхъ понятіяхъ «палатализація» и «лабіо-веляризація» укажу на изложеніе Очерка 124 — 188 и 190 — 196. — Вліяніе мягкихъ звуковъ на сосѣдніе гласные (a > á ä, u > ú ü, o > ó ö, e > ê, ъ > «ѣ» «у», и др.) упомянуто выше; остается коснуться вліянія палатализаціи на согласные; начнемъ со «степени палатализаціи».

По извѣстнымъ признакамъ можно заключить, что палатализація согласнаго передъ «мягкимъ гласнымъ», въ Ивонинскомъ и вообще въ описываемыхъ здѣсь говорахъ, сильнѣе развита въ ударяемомъ, чѣмъ въ неударяемыхъ слогахъ — конечно, въ связи съ большей артикуляціонной энергіей ударяемаго слога, ср. выше 6. О самомъ понятіи «степень палатализаціи» и о пути опредѣленія ея см. въ Очеркѣ, 179 сл. Тамъ же я уже указалъ на интересную разницу въ степени палатализаціи между сѣверновеликорусскимъ произношеніемъ Тотемскаго уѣзда (Описаніе § 12) и здѣсь описываемыми южновеликорусскими говорами: въ первомъ имѣемъ «e-овую» степень (исключая передъ старымъ ѣ), послѣдніе же выказываютъ вообще «ê-овую» степень; т. е., по переходному звуку, напр. отъ b къ слѣдующему e въ bédnъ бѣдно, tibé или taбé тебѣ, констатируемъ, что языкъ внутри самаго b занимаетъ положеніе закрытаго ê, иногда столь закрытаго, что степень палатализаціи приближается, пожалуй, къ i'овой; при tḱeš тчешь переходный звукъ отъ ḱ къ e показываетъ, что «собственный тонъ» ḱ—выше слѣдующаго e, между тѣмъ какъ въ tḱêć тчетъ (и въ пов. tḱi) переходнаго звука не замѣтно, т. е. ḱ смягчено именно до степени ê'овой. Это наблюденіе о степени требуетъ, однако, извѣстнаго ограниченія: степень ê'овая несомнѣнна для слоговъ ударяемыхъ; въ неударяемыхъ же, съ меньшей энергіей артикуляціи, степень склонна понижаться и становится вообще скорѣе «e'овой». Это слышно, напримѣръ, въ b слова «beĭǰó» бѣлье; положеніе языка внутри b — не выше слѣдующаго e; такъ же, напр., съ w слова «pówek» (wy ḿiń́é pówek ńi-vidáĭ'ip вы бы меня никогда не видали), съ m слова «meššańĭn» (при ṁaššańĭn мѣщанинъ). Добавимъ, однако, что описанное явленіе въ степени палатализаціи даетъ себя чувствовать различно при различныхъ согласныхъ; при «зубныхъ» оно, хотя иногда за-

мѣтно, но не выступаетъ всегда столь ясно для слуха, такъ какъ эта группа согласныхъ удерживаетъ-таки и въ неударяемомъ положеніи «палатализованную» артикуляцію, ярко разграниченную отъ «твердой» артикуляціи зубныхъ (ср. l: l̓, t: t и т. д.[1]); а для велярныхъ согласныхъ вообще трудно подъискать удобные примѣры, прямо сравниваемые съ положеніемъ въ ударяемомъ слогѣ. Однако, и съ такими ограниченіями указанное наблюденіе о разницѣ въ степени палатализаціи для разныхъ слоговъ имѣетъ свою цѣну, особенно въ связи со сказаннымъ въ 6 объ относительной большей «напряженности» въ ударяемыхъ слогахъ.

Переходные звуки характера «i» между гласнымъ, особенно изъ заднихъ и широкихъ, и слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ, напр. между o и γ̓ въ pó γ̓i, — довольно замѣтны, но не настолько, чтобы заслужить особое вниманіе. Переходные звуки фрикативнаго характера послѣ мягкихъ затворныхъ согласныхъ (Очеркъ 187) не даютъ себя сильно чувствовать. Послѣ t̓ d̓, напр. въ xadi̯t̓ ходилъ, или въ концѣ слова, слышится обыкновенно переходное «χ», но не сильное; «дзеканіе», что-то вродѣ польскаго развитія t̓ d̓ въ c̓ ʒ̓, я не слыхалъ (отдѣльная форма какъ xuć хоть очевидно заимствована съ запада); ассибиляція зубныхъ, по моимъ наблюденіямъ, напротивъ, скорѣе слабѣе московскаго. О t̓ добавимъ еще, что въ концѣ слова оно склонно нерѣдко терять мягкость, переходя иногда вполнѣ въ -t; кромѣ 3 л. ед. и мн. чиселъ (ɾisʧi̯t при -i̯t̓ льститъ, γъvъɾá̯t—NB ă!—при -á̯t̓), гдѣ можно бы предположить вліяніе извнѣ, я замѣчалъ это также въ неопр. наклоненіи (nъʤivá̯t при -á̯t̓ — иногда при томъ съ потерей взрыва), и независимо отъ качества слѣдующаго въ предложеніи звука.

Для u̯ w v часто трудно рѣшить, мягки они или нѣтъ. u̯ слѣдуетъ, конечно, гласнымъ: палатализація для него обозначаетъ движеніе впередъ (ср. u > ü, ü), иногда мало замѣтное (сильнѣе въ положеніи какъ d̓ăɾ́éu̯ńă, см. ниже); а такъ же въ w, съ его мало энергическимъ, полу-вокалическимъ образованіемъ, палатализація какъ-то мало замѣтна, особенно, конечно, въ

---

1) Извѣстную роль можетъ играть, повидимому, еще и характеръ слѣдующаго гласнаго; напр., ś въ śistrá можетъ звучать скорѣе коронально, придавая слѣдующему i оттѣнокъ «у», между тѣмъ какъ ś въ śastrý — несомнѣнно «палатализованное»; ср. то, что въ произношеніи «tɾ́ɛ́ɾu̯t̓» (треплютъ) не замѣтно переходнаго элемента отъ r къ ü, между тѣмъ какъ видъ «ɪɾ́ɛ́ɾu̯t̓» даетъ такому элементу выступить ясно. Передъ i, ɛ даже звукъ «χ» послѣ мягкаго t (см. ниже) можетъ исчезать въ неударяемомъ положеніи, напр. въ pi̯t̓ɾi̯čók пятеричокъ.

неударяемомъ слогѣ. Яснѣе смягченіе при образованіи «v», въ вычеканенномъ губно-зубномъ видѣ. Ср. еще замѣтки по этому вопросу ниже, Коб., § 13.

Къ вопросу о мягкости группъ согласныхъ укажу на свои наблюденія въ Описаніи § 12 (стр. 84 сл.). Ивонинскій говоръ выказываетъ тѣже самыя общія правила.

Смягчается «зубной»[1]) передъ «зубнымъ»: dwóɾ́ńik ɥtóɾ́ńik víɾ́t́ét́ вертѣть; adńï axót́ńik ďńom (безъ врыва t ď). Мягкость, впрочемъ, можетъ проявляться слабо (особенно въ неударяемомъ слогѣ, ср. выше); такъ, въ stɾ́ilắt́ стрѣлять, stɾ́iγú, sъstɾ́ičá[ɟ]it́ встрѣчаетъ не только s, но и t сочетанія stɾ́i весьма слабо смягчены (въ ударяемомъ слогѣ stɾ́ix стригъ мягкость t уже замѣтнѣе), а относительно d въ ръɬadńé̯ можно сомнѣваться, мягко оно, или нѣтъ. Общаго принципа упоминаемой ассимиляціи такія колебанія въ степени однако не измѣняютъ. Считаясь съ этимъ принципомъ, можно въ такихъ сочетаніяхъ — какъ и въ ниже приведенныхъ — довольствоваться знакомъ мягкости при послѣднемъ согласномъ группы. — Ассимиляцію въ подобной группѣ, но съ обратнымъ результатомъ, представляютъ случаи какъ jéxъd-daɾóγъ̯ ѣхать дорбгой. Добавимъ, что -t́ въ глаголахъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ отмѣчено то -t́śa (beɾ́é̯t́śa), то -tsa (-ca), -tsъ (kupátsъ); считаю послѣднее законнымъ развитіемъ всѣхъ этихъ говоровъ.

Смягчается правильно зубной передъ мягкимъ губнымъ: ďv́eɾ́ ďv́e źḿéjù śḿét́ śvídátsa śv́ičá свѣча źv́iń́é̯t́ звенѣть kaɾ́ḿḯt́ кормить tḯɾ́pé̯t́ терпѣть и т. д.; еще дальше идетъ ассимиляція въ случаяхъ какъ róśt́v́iń́ik родственникъ, kaχ́t́ḿï когтями (о χ ср. ниже).

Губной же передъ мягкимъ зубнымъ, какъ будто, колеблется; такъ, при ṕ въ ɬáṕt́i отмѣчено m въ źamĺú землю, ḿńeš мнешь. Повидимому, положеніе относительно ударенія играетъ роль; ср. съ m въ źamĺú kamńé̯ kъḿńám и др., ḿ въ м. ед. káḿńi, и. мн. káḿńï (при kamńá), и ṕ въ ɬáṕt́i. Объ n̯ см. выше; ясное d̯ является, повидимому, лишь при положеніи между двумя передненебными артикуляціями, напр. ďáɾ́éd̯ńă (ďe-), р. ďeɾ́éd̯ńi и под.; обращаю вниманіе на количество e (не ê) передъ этимъ d̯.

Смягчается обыкновенно велярный передъ мягкимъ зубнымъ: aχ́ɾ́émowna Ефремовна, kaχ́t́é̯ когтей; «легче» отмѣчено то какъ ĺéχ́či, то какъ ĺéχ́cə — примѣръ неясный; γ передъ l' въ zažγĺï я слышалъ твердымъ или

---

1) Исключая, конечно, ɬ.

полутвердымъ. Не появилось ли j, і въ iďe гдѣ (iďé-jъn byŕ) отъ мягкаго, сильно передняго γ? Или iďe отъ iγď'é, ср. напр. Дем.?

Твердый зубной передъ мягкимъ велярнымъ напр. въ šaŕбnki; но въ máŕx́wina Марѳина ŕ мягко отъ x́, а это далѣе отъ ẃ. Твердый губной передъ мягкимъ велярнымъ отмѣченъ во мн. ч. kŕépkii крѣпкіе, -ія (ср. e, не ê), далѣе въ ďéцki дѣвки. — Какъ видно, ассимиляціонныя правила немало колеблются, соотвѣтственно съ моими наблюденіями надъ сѣверновеликорусскимъ (Описаніе § 12).

Ассимиляція въ обратномъ направленіи наблюдается при k: xъźáj̓ka ṕiṕká пенька čáj̓kú ťóťiṕka pastrój̓ka пъ-caŕká на царька ľäṕéšička лепешечка; но ср. съ другой стороны пъ-caŕóčka synóčka (и напр. ťótuška γaɬúbuška ľäṕéška); отмѣчено tóľka, но kóľkъ (-ко).

Добавимъ о ьr, нынѣ er, что нѣтъ правила: я слышалъ и cérkwa, cérkъw — и cérkwa, Р. cérkwi; и źérkъɬα — и źérkъɬa зеркало; отмѣчено ẃerx k-ẃórxu sḿérkɬoś stérwa — но ṕérwyj̓ četwérx. Подобное колебаніе наблюдается и въ слѣдующихъ говорахъ.

— На явленія *лабіо-веляризаціи* я къ сожалѣнію, какъ сказано въ Очеркѣ 194, не обратилъ должнаго вниманія во время моихъ наблюденій надъ русскими говорами. Я отмѣтилъ лишь спорадическіе случаи ея дѣйствія, не замѣчая ихъ внутреннюю связь. Поэтому я не въ состояніи опредѣлить теперь границы лабіо-веляризаціи, въ техническомъ смыслѣ слова, для описываемаго говора. Сопровождающій ее переходный звукъ «u» между согласнымъ и (ударяемымъ) o, по моимъ наблюденіямъ, ясно выступаетъ при x и γ; примѣръ какъ što tabé xʷбca (-tsa) что тебѣ хочется — позволяетъ заключить, что x образуется со степенью лабіо-веляризаціи uˀ-овой, какъ передъ u, напр. въ xuć хоть [1]); подобное заключаемъ для γ мѣстоименнаго окончанія -γʷó, сохраняемаго при новомъ -wó, напр. въ ńičaγʷó ничего.

9. Вокализмъ, съ исторической точки зрѣнія. Предварительный обзоръ въ 1 уже отмѣтилъ главныя особенности вокализма; вернемся теперь къ этой сторонѣ говора, нѣсколько подробнѣе.

Въ ударяемыхъ слогахъ старшій, общерусскій составъ гласныхъ, вообще, сохраненъ; примѣровъ не нужно. О ѣ: e припомнимъ, что лишь послѣднее (какъ первоначальное, такъ и развитое изъ ь) перешло въ 'o при отсутствіи слѣдующаго мягкаго звука: bélj̓ó, at-yḿón отъ именъ, čom, ḿбrznu мерзну — а оттуда далѣе ḿбrzńiš и т. д. Въ наши дни такой пере-

1) У старушки xuć — заимствованіе съ запада.

ходъ вторгается, вѣроятно изъ столичнаго произношенія, также въ формы, гдѣ онъ не развился органически въ самомъ говорѣ; при старшемъ kʟaďéš iďéš является iďóš žyv́oš и под. (напр. въ сказкахъ). Къ развитію ѣ при подобныхъ условіяхъ ср. напр. kem čem śeĺ ďéĺʲiu дѣлаю ńet, какъ вообще въ южновеликорусскомъ. é отражаетъ и ѣ и е (изъ е и изъ ь): žyv́éť живетъ taréŕ jéju γasťéj uḿéju réj пой (см. въ § 31) ĺéś лѣзть и т. д.

Вторымъ слогомъ слова по «вѣсу» нужно въ нынѣшнемъ произношеніи, по 2, считать слогъ непосредственно передъ ударяемымъ. Въ немъ гласные высокіе, i и y, сохранились. Такой переходъ y > u какъ въ umuwájitsъ умывается — явленіе рѣдкое, вызванное м. пр. предшествующимъ u и окружающими губными, но связанное при томъ и съ ослабленіемъ въ слогѣ передъ á, о чемъ скажемъ ниже. Гласные же со среднимъ или низкимъ положеніями языка распались на двѣ группы, въ зависимости отъ положенія послѣ твердаго или мягкаго согласнаго. Нужно предположить, что разные гласные внутри каждой изъ этихъ группъ всѣ сливались въ свое время въ предударномъ слогѣ въ одну и ту же «редуцированную» гласную артикуляцію, послѣ твердаго согласнаго въ задній, а послѣ мягкаго согласнаго въ передній «ирраціональный» оттѣнокъ — т. е. въ какія-то «ъ» и «ь», представлявшія относительныя гласныя положенія безразличности. Первоначальная разница между гласными внутри этихъ группъ (a, o — ʾe, ʾѣ, ʾa, ʾo) такимъ образомъ исчезла совсѣмъ; зато развилась новая разница внутри каждой группы, но уже въ зависимости отъ гласнаго слѣдующаго, ударяемаго слога; судя по нынѣшнему состоянію — въ зависимости отъ *качества* этого гласнаго, а по моимъ соображеніямъ скорѣе — въ зависимости отъ *количества* его; объ этомъ скажу нѣсколько словъ ниже (Коб., 17). Выросшее такимъ образомъ новое начало для вокализма предударнаго слога отчасти затемняется перекрещивающимися явленіями; главныя линіи однако ясны, ср. выше въ 1: передъ á предударный слогъ удержалъ ирраціональные гласные, отражающіеся въ нынѣшнемъ языкѣ какъ ъ послѣ твердаго, i (ɛ) послѣ мягкаго согласнаго (y послѣ š ž); передъ прочими же гласными ирраціональные гласные перемѣнились; изъ задняго выросло a, изъ передняго также гласный болѣе или менѣе широкаго образованія, стремившагося дойти, и въ типическомъ развитіи дѣйствительно дошедшаго до a; что это послѣднее á болѣе склонно терять качество полнаго a, зависитъ главнымъ образомъ отъ мягкости предшествующаго согласнаго, о чемъ скажемъ ниже.

Разсмотримъ нѣсколько подробностей подъ даннымъ общимъ правиломъ. Мѣна ъ : a является въ массѣ примѣровъ; sъwá сова: sawú, пъčám

ночамъ: naČé̯i, bʳaʹńáʹ бранятъ: bʳańú, zъžγĺá зажгла: zažóx zažγĺï, iz-ъγńá изъ огня: u-waγóń въ огонь, γъγъtáʹ хохотать: γъγačú, kъmʹńám камнямъ: kamʹńé̯i, synъwi̯á: synaʹvé̯i, и т. д.; много матеріала представляетъ морфологія, ср. § 10. ъ я слышалъ въ Ивонинскомъ говорѣ нерѣдко и въ абсолютномъ началѣ слова: ъddáĺï отдали, ъtstáĺʹъś осталась. О произношеніи «ï» и даже у въ случаяхъ какъ dyčká дочка мы говорили въ 7. — Мы коснулись уже въ 2 той особенности, что обыкновенное для другихъ гласныхъ въ предударномъ слогѣ удлиненіе не замѣчается или же лишь очень слабо въ ъ; въ сочетаніяхъ ъ со слѣдующимъ сонорнымъ согласнымъ (хъĺstá холста, tъĺklá толкла, ъržáĺa ржала) склонность къ удлиненію, свойственное вообще предударному слогу, замѣтна скорѣе въ *согласномъ*: «tъĭkĺá» и под., оставляя впечатлѣніе, будто бы слоговымъ звукомъ слога былъ этотъ согласный («ъ̯», «ъ̭» — но al, не a̯l, напр. въ xaĺstïna). Въ iztъrtá изо рта и prʹdáĺ я слышалъ притомъ izṭtá, pṛdáĺ, съ такимъ полнымъ исчезновеніемъ ъ, которое принадлежитъ самымъ слабовѣснымъ слогамъ. Эти явленія указываютъ на то, что ъ и въ предударномъ слогѣ сохраняетъ еще свой характеръ редупированнаго, «ирраціональнаго» гласнаго.

Между тѣмъ, отъ правильнаго распредѣленія ъ : а въ предударномъ слогѣ видимъ много исключеній, а число ихъ, повидимому, все увеличивается. При trʷá слышится также trawá, при kъńá коня kańá; я слышалъ постоянно, также у старыхъ, naγá нога — можетъ быть, лишь случайно, ср. д. мн. ч. nъγám и др. — wadá вода tawár dawái̯ (но напр. dъĺá дала) и мн. др.; морфологія даетъ не мало такихъ примѣровъ. Конечно, уже отношеніе ъ : а въ самомъ говорѣ можетъ объяснить много, даже большинство изъ этихъ новшествъ; м. paĺú можетъ вызвать р. paĺá вм. pъĺá, в. trawú, и. trawá вм. trʷá, и т. д. Правильная мѣна въ предлогахъ, напр. nъbráĺśa (-śi): narǒi̯, стушевывается, и является nabráĺśe. Обратно štъ въ ..štъ-búdïtʹ..., что будетъ, можетъ явиться при ожидаемомъ ..što sýna.. въ болѣе ударяемомъ положеніи, а kъby кабы, kъï коли, можно объяснить изъ неударяемости. Можно далѣе объяснить случай какъ kadá когда вліяніемъ параллельнаго слова tadý тогда. Однако, такой путь не ведетъ къ объясненію, напр , tawár вм. ожидаемаго tʷár: вѣдь здѣсь не имѣемъ формъ съ правильнымъ а въ первомъ слогѣ. И нужно, во вторыхъ, обратить вниманіе и на то обстоятельство, что общее направленіе такихъ перемѣнъ противъ собственнаго правила, сколько я могу судить, идетъ въ пользу а вм. ъ, а не обратно [1]).

1) Случаи неорганическаго ъ, впрочемъ, встрѣчаются; напр. štъ-búdïš (ср. выше), zъdúmaĺśi (-śa). Что образцы мѣны а : ъ еще имѣютъ живую силу, можно

Поэтому для меня нѣтъ сомнѣнія, что переходъ ъ > а въ слогѣ предударномъ совершается въ наши дни главнымъ образомъ подъ вліяніемъ извнѣ, всего больше со стороны московскаго произношенія. Въ иныхъ случаяхъ вліяетъ при томъ, можетъ быть, и склонность самаго говора; такъ я сужу о началѣ слова, гдѣ ожидаемое ъ- встрѣчается вообще рѣдко (ъtstáʎъs, ъddáʎi — но не *ъwcá, *ъdná), и гдѣ окружающіе говоры, какъ увидимъ, имѣютъ почти постоянное а-.

Перейдемъ къ предударному i : 'a. Можно привести массу примѣровъ мѣны по упомянутому правилу: mъjá śistrá: р. д. majéj śāstrý, в. śastrú, уменьш. śāstrʹica; ŕiká рѣка: ŕakú, na jétъj ŕāki (ŕeki ср. ниже); ńi-dám: ńa-búdu, ná-xóčiť, ср. еще ńāďéʎu недѣлю; kʹiʎá кляла: kʹiáńi кляни; ńisʎá несла: ńasú несу; vizáť вязать: vážú; ср. далѣе ńińá tibá iná (jna) она (т. е. отъ jená ёна), но bāŕi бери dāŕéɳńú ŕāpéška ръɣlāďéť ɣlādi piśḿācó ɳʹiāťéť влетѣлъ, и даже péŕād-bóɣъm передъ Богомъ; jna ɳźiʎáś . . . она взялась, ńińká, stŕiʎáť, svičá свѣча, ръ-čisám по часамъ, vy[j]ižžáť выѣзжать, ръspi-šáju поспѣшаю, но ъ-śijāďéńā на съѣденіе — и т. д. и т. д.

Относительно того i, которое отражаетъ «передній ирраціональный гласный» передъ á, я не замѣчалъ той особенности, которая выше подчеркнута для ъ: неспособности къ удлиненію. Въ этомъ отношеніи желательны дальнѣйшія наблюденія. Судя по моему матеріалу, такое i не различается въ предударномъ слогѣ количественно отъ стараго i, т. е., оно въ этомъ отношеніи, какъ будто, присоединилось къ ряду обыкновенныхъ гласныхъ, съ однимъ изъ которыхъ оно, какъ мы видимъ, совпало качественно.

Изъ многочисленныхъ отклоненій отъ даннаго правила для мѣны i : 'a въ предударномъ слогѣ, иныя представляютъ очевидныя заимствованія; такъ, напр., aná на сторонѣ iná (jna). Собственно чужими можно вѣроятно считать и случаи какъ tibé (а не *ťabé) при tabé [1]), ťēpéŕ при ťapéŕ (я слышалъ также tipéŕa), žiʹézъm (ži, не žy: см. въ 5) при повидимому старшемъ žaʹézъm. Другія отклоненія объясняются вліяніемъ аналогіи; напр. śástrá при śistrá (ср. śastrú и др.), смѣшеніе ńi и ńā, т. dъčiŕḿí дочерьми (ср. и. dъčiŕá д. dъčiŕám и др. — по р. dъčaŕéj), р. matiŕéj (ср. и. matiŕá, д. matiŕám), и др. Какъ при отношеніи ъ : a, такъ и здѣсь общее направленіе развитія

заключить, напр., изъ šъbáš, вѣроятно заимствованія изъ очень позднихъ. Сюда принадлежитъ, м. б., и kʹńá коня, такъ какъ koń повидимому не свое слово, а свойственно лишь сказкамъ.

1) Ср. однако ńiné, трудно объяснимое какъ форма чужая.

наводитъ на мысль, что замѣщеніе 'а черезъ і происходитъ подъ вліяніемъ извнѣ, скорѣе чѣмъ на основаніи развитія внутри самаго говора; характерное для говора предударное 'а повидимому легче вытѣсняется въ пользу і или другого гласнаго передняго образованія, чѣмъ обратно, ср. произношеніе въ Москвѣ («śistrú» или «śɛstrú», Очеркъ 153 и др.).

Однако, такое движеніе и не безъ подпоры въ звуковомъ развитіи самаго говора и этихъ говоровъ вообще. По 5 замѣчается общая склонность замѣнять 'а неударяемаго слога оттѣнкомъ ä; а отмѣчены тамъ же примѣры, гдѣ это же движеніе ведетъ дальше, до (открытаго) е: при kʼäńï говорятъ kʼeńï, при jädʼïm ѣдимъ jeďʼïm, при ŕäkï ŕekï (рѣки), при ṕiśḿäcó ṕiśḿecó. Можно привести очень много такихъ е (NB открытыхъ), развитыхъ очевидно изъ «'а»; pʼatú плету въ скоромъ разговорѣ звучитъ pʼetú, ńä часто принимаетъ видъ ńe, при ďäŕéɳńä слышимъ ďeŕ-; этотъ звуковой принципъ вѣроятно и объясняетъ рядъ (открытыхъ) е, гдѣ параллельныхъ формъ съ оттѣнками 'ä, 'а (случайно?) не отмѣчено, напр. р. śeḿï семи, т. śeḿḿï или śeḿɟú, ʼeγʼá легла, ṕirḿeńïʼt перемѣнить, пов. накл. вродѣ pʼetï bŕedï и др., и вообще много формъ такихъ глаголовъ въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ — хотя иногда и съ ä, напр. при vʼedï vädï, особенно у старыхъ и при болѣе отчетливомъ произношеніи. Дальнѣйшее развитіе по этой линіи можетъ, при менѣе отчеканенномъ выговорѣ, объяснить появленіе иныхъ «ɛ» (šɛśḿï шестью, отъ šeś, но ср. šastóɟ), и даже, можетъ быть, иногда «і» ненапряженнаго, ослабленнаго образованія (ср. при ďɛvʼäťï т. ďɛvʼitɟú). Однако, мы здѣсь находимся уже на колеблющейся почвѣ, такъ какъ наблюденія и записанный матеріалъ заставляютъ спросить: не появлялось ли ɛ, і въ предударномъ слогѣ передъ гласнымъ не á уже изстари, если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ? Дѣло въ томъ, что такое ɛ, і въ предударномъ слогѣ не передъ á является отчасти не въ отдѣльныхъ случаяхъ, а какъ будто въ категоріяхъ. Укажу во-первыхъ на частое его появленіе передъ é въ глагольныхъ формахъ какъ ńɛśéš (но ńasú) ḿɛťéš (ḿatú), хотя и не всегда (ṕreďéš ṕreďéťʼ къ ṕradú); во-вторыхъ на і передъ é въ глаголахъ на -ѣть: zʼvińéťʼ ťirṕéťʼ γŕiḿéťʼ съ прош. γŕiḿélʼ, virťéťʼ liťéťʼ viléťʼ (велѣть; обыкновенно я слышалъ впрочемъ «vʼelʼéťʼ», что, можетъ быть, заимствовано?) γʼiďéťʼ глядѣть, впрочемъ при γʼädéťʼ; къ послѣднему ср. еще прош. ɥʼäťélʼ, vʼäʼʼelʼ велѣлъ. Въ этихъ глаголахъ рискованно искать объясненія і вмѣсто ожидаемаго 'а въ аналогичномъ введеніи изъ формъ, гдѣ і появилось передъ á, т. е. изъ одного 3 л. множ. числа. Съ другой стороны объясненіе вліяніемъ извнѣ не удовлетворяетъ, м. пр. потому что и ниже описываемые говоры выставляютъ подобныя отклоненія отъ предполагаемаго нами правила, отчасти

въ болѣе широкомъ объемѣ. Вернемся къ этому вопросу ниже, подъ Коб., въ § 17.

— Всѣ прочіе неударяемые слоги, какъ передъ, такъ и послѣ ударяемаго, соединяются относительно качественной редукціи старшихъ гласныхъ въ одну группу: тѣ редукціи, которыя въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ проведены правильно лишь передъ á, въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ представляются постояннымъ правиломъ. Старшія i и u, вообще, сохранили свою артикуляцію; встрѣчаются исключенія какъ dъгакї при durakї, «γъvaґїt̕ pa nъžuká» (говоритъ мужику) при mužuká [1]), žena nъžukówa; они лишь подчеркиваютъ общее стремленіе дойти въ такихъ слогахъ до «ирраціональнаго гласнаго», т. е. до относительнаго положенія безразличности. Старшее у выказываетъ несомнѣнные случаи перехода въ ъ, напр., ńé-bъło небыло, ja: raγ́ïb-bъ я погибъ бы; вообще же и у, повидимому, сохраняется безъ редукціи; такъ и у изъ i послѣ š ž, ср. напр. ясную разницу ъ : у въ послѣударныхъ слогахъ wγ́tъššγ́t вытащилъ, несомнѣнное «у» въ pïšγ́t пишетъ, sĺúžγ́t служитъ, и мн. др.; припомнимъ однако изъ 7, что артикулярное отношеніе у : ъ нерѣдко затрудняетъ рѣшеніе, имѣемъ ли дѣло съ тѣмъ или другимъ. Для редукціи прочихъ старшихъ гласныхъ упоминаемыхъ слоговъ, съ одной стороны въ ъ, съ другой въ і (ɛ), можно привести сколько угодно примѣровъ: γъvaґït̕ ъddъĺá оддала ръstъnaγ́ït̕ dъžydáj darógъj dorógoй ńékъmu; pit̕ɛґičók [j]istґibók ястребокъ мн. ч. [j]istґipkï ruγ́ájiš ругаешь krγ́ïmi крыльями, и т. д. и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ не частыхъ, количественная редукція, которая болѣе или менѣе явственно сопутствуетъ уменьшенію «вѣса» слоговъ (2), доводитъ до полной потери гласнаго; напр. pirńeńït̕ пер(е)мѣнить, pirváźït̕e пер(е)везите, na kólkъ̆ на кол(о)колъ. Въ связи съ такимъ выпаденіемъ укажемъ на выпаденіе слабовѣснаго гласнаго при встрѣчахъ какъ ńidnawó вм. ńi ъdnawó или ńi ad-, ńi-usá вм. ńi ausá ни овса, tóĺkъnа, т. е. только она [2]), kóĺki xóčɛš т. е. koĺkъ̆ i xó- сколько и хочешь.

---

1) Второе u какъ будто результатъ извѣстнаго рода гармонизаціи къ u перваго слога; ср. единичные случаи вродѣ kuĺužáńiп вм. и при kъĺ- калужанинъ, kružuwá (u kryžuwá), umuwájitsъ умывается, и даже puzuґók при puzyґók. Такія формы, впрочемъ, легко переходятъ изъ одного говора въ другой.

2) Нѣсколько странный результатъ. Обыкновенная форма для «онъ» въ Ив:— jon («ёнъ»), напр. idé-jъn bγ́t̕ гдѣ онъ былъ; отмѣчено однако при томъ неударяемое ъn, напр. wót-ъn вотъ онъ. Можетъ быть, что такимъ же образомъ при ina, jna (изъ «ёна») существуетъ *ъna? Въ такомъ случаѣ предполагаемое *tóĺki (отъ

И въ группѣ самыхъ слабовѣсныхъ слоговъ встрѣчаемъ большое число отклоненій отъ указанной редукціи. Въ слогахъ передъ ударяемымъ такія исключенія объясняются вообще заимствованіемъ, изъ родственныхъ формъ или изъ столичнаго (литературнаго, церковнаго) произношенія: na-ɫuγú, при напр. nъ-paĺú, изъ сочетаній съ правильнымъ na, ръbɫaγъdaŕiɫ, при ръbɫъγъ-, вѣроятно изъ церковнаго произношенія, adnawó вм. ъd- изъ формъ какъ adnú, adńim; впрочемъ, добавимъ относительно абсолютнаго начала то, на что мы уже намекнули выше, что ъ- здѣсь, повидимому, вообще склонно исчезать въ пользу a-. Кромѣ приведенныхъ моментовъ, въ слогахъ послѣ ударяемаго надо сообразоваться съ вліяніемъ въ сильной степени также морфологическихъ категорій; флексійныя формы легко переводятся съ ударяемыхъ окончаній въ неударяемыя; это столь обычное и извѣстное дѣйствіе аналогіи, что не нужно приводить примѣровъ; оно обусловливаетъ сильную смѣсь въ звуковыхъ явленіяхъ флексійныхъ окончаній.

Однако, выступаютъ еще и такія отклоненія отъ общаго правила, для объясненія которыхъ нужно очевидно указать и на другіе моменты. Говорю о гласныхъ въ неударяемомъ открытомъ концѣ слова. Не трудно привести изъ связной рѣчи и для такого положенія примѣры обыкновенной редукціи въ-ъ, -i: mnóγъ (при mnaγó много); jétwъ, jétъ daróγъ, trúdnъ, kъwáĺъ ковала, maĺítwъ, напр. «at-mýša maĺítwъ jéś, at (т. е. a at) svirská [1]) ńétu maĺítwy» — u-póγŕibi въ погребѣ, sъbráɫśi u-pút (при sъbráɫśa, собрался въ путь), и т. д. Но съ другой стороны встрѣчаемъ, кромѣ частаго -a въ и. жен. рода, многочисленные примѣры съ другимъ развитіемъ конечнаго гласнаго, какъ то dwójä trójä pátira пятеро śéḿira и под., часто -śa въ возвратномъ -ся, далѣе -'a, а не -i, въ формахъ какъ ńä-tóńťä не тоньте, bäŕíťä и под.; ср. еще напр. gańóšuńkä ранешенько, dážä даже, paръjädéńijä и nъ-śjädéńä на съѣденіе (въ сказкахъ); бокъ о бокъ -jä и -ъ въ выраженіи atódrъnъjä škúrъ отодранная шкура. Какъ мы видимъ, такое развитіе конечнаго гласнаго въ -a, -'a, -'ä встрѣчается и непосредственно послѣ ударяемаго слога и подальше отъ него; поэтому мы отрѣзаны отъ объясненія его происхожденія на ритмическомъ основаніи. За то укажу на

---

*tóĽko) могло бы вести къ tólk-ъnä, хотя бы скорѣе ожидалось tóĽkinä. Но для «только» я слышалъ здѣсь лишь tóĽka (-kä); ждемъ изъ этого *tóĽkanä. Можетъ быть, что появилось отсюда tóĽkъnä помощью введенія, по звуковой аналогіи, ъ вм. a передъ á.

1) Р. отъ sväršók.

упомянутую въ 2 склонность къ относительно сильному экспираторному выдвиженію неударяемаго конечнаго слога, особенно открытаго, и на замѣтки по поводу этого явленія. Одна эта черта нынѣшняго произношенія не могла бы, однако, объяснить упоминаемое развитіе, особенно не -'а (-'ä, -'e) вмѣсто -i; усиленіе «передняго ирраціональнаго гласнаго» (i, ɛ) не ведетъ въ наши дни къ 'а. Поэтому нужно предположить уже давнее развитіе -'а въ концѣ слова, въ различіе отъ другихъ неударяемыхъ положеній, а также допустить, что редукція въ -i лишь вторгается сюда отчасти, при особенно маловѣскомъ произношеніи слога (напр. -śi при -śa, -ся), между тѣмъ какъ упомянутая склонность къ экспираторному выдвиженію (открытаго) конечнаго слога — будь она старымъ наслѣдствомъ или же новоразвитой чертой — все еще поддерживаетъ -'а (-'ä, -'e), болѣе или менѣе ясно, смотря по степени ея силы. — И въ конечномъ слогѣ закрытомъ имѣемъ въ Ивонинскомъ говорѣ случай безъ ожидаемой редукціи въ i; говорю объ окончаніи причастья страд. залога на -en въ рядѣ глаголовъ (śńéśen, uźéďen и под.), при болѣе рѣдкомъ -in (-ɛn). Не берусь объяснить такой случай.

10. Замѣтки къ морфологіи. Матеріалъ, собранный большею частью у сельскаго учителя Ивана Богомолова, и пополненный указаніями старушки Ольги Ахремовны (1), прошу считать главнымъ образомъ освѣщеніемъ звукового строя говора. Какъ видно всякому, флексійная система не отличается сильно отъ общей великорусской. Но нужно сообразоваться съ изложенными выше звуковыми явленіями; они обусловливаютъ во многихъ случаяхъ колебанія въ вокализмѣ флексійныхъ окончаній, смотря по положенію ударенія. Настоящій видъ этого вокализма выясняется, конечно, изъ примѣровъ съ ударяемыми окончаніями; но тотъ же видъ переводится по 9 очень часто и на окончанія неударяемыя. Менѣе существенные звуковые оттѣнки въ морфологіи можемъ оставить безъ вниманія, указывая на изложеніе, данное выше (напр. å, ů; ä считаю лучше удержать). Сильное вліяніе чужого (особенно московскаго) произношенія легко замѣчается и въ морфологическихъ образцахъ, въ замѣнѣ старшихъ формъ чужими (напр. syńjá : sypъźjá). Конечно, я искалъ по возможности стариннаго, принадлежащаго самому говору. Формы, обозначаемыя какъ рѣдкія или сообщенныя съ сомнѣніемъ, приводятся въ [ ].

Съ этими общими замѣчаніями прошу считаться также при морфологическихъ замѣткахъ къ ниже описаннымъ говорамъ.

Существительныя.

Основы на -a, -ja.

Ед. ч. sъvá р. и д. savý с. savú т. savóju. Мн. ч. sówy р. sow д. sъvám т. sъváḿi м. sъváx. Къ совпаденію д. и р. ср. примѣръ какъ «tot muš i yъvaŕiť žanýˌ svajéj».

nayá (пъyá я не слыхалъ) р. д. м. nayï в. nayú (na-nayú и ná-пъyu) т. nayójˌu, -yójˌ; въ м. при nayï также (новѣе?) nayé. Мн. ч. nóyi nox пъyám пъyáḿi пъyáx; у одного старика я отмѣтилъ также nóyъm nóyъḿi nóyъx.

źimĺá р. д. м. źämlï (źemlï), źimlï (и źimĺé, ср. выше nayé); мн. ч. źémlï.

Основы на -o, -u, jo.

а. *Мужской родъ.* Въ сущности имѣемъ, какъ въ литер. языкѣ, только одно склоненіе, распадающееся на основы «твердыя» и «мягкія». Остатки флексіи основъ на -u, образованія множ. числа на -a и на ja, н. мн. ч. изъ основъ на -i и др., создаютъ картину этого склоненія, съ исторической точки зрѣнія, очень «неправильной», такъ какъ традиція, какъ извѣстно, распредѣляетъ разнаго рода образованія по словамъ или группамъ словъ, не соотвѣтствующимъ первоначальной группировкѣ. Примѣры: voł р. vałá д. vałú (ср. лит. яз.) или vółъ vółu; мн. ч. vałý vałóˌ vъłám и т. д. (при vałám и т. д.). Ср. dom dóma dómu dómъm dóḿi, мн. ч. dъmá damóˌ dъmám и т. д. — syn sýna (-nъ) и т. д., м. sýńi или sýnu (мн. ч. sýˌja при новомъ synъvˌjá р. [synóˌ] synavéˌ д. syˌjám synъvˌjám и т. д.). — Р. ед. ч. на -u напр. въ yagóxu. — koń kъńá и т. д., впрочемъ, принадлежитъ, повидимому, сказкамъ. При ударѣніи на корнѣ: źät źáťa źáťu źáťim źáťi, мн. ч. (źiťjá) źaťóˌ źiťám źiťáḿi źiťáx, д. также źiťóm. — kraˌ kráˌja kráˌju krá-[ˌ]im, м. nъ-kraˌjú. — muš múža múžu; въ т. и м. я отмѣтилъ «múźəm» «múźə», ср. нѣм. e въ Gabe; мн. ч. mužˌjá mužˌjóˌ mužˌjám и т. д. — Отмѣтимъ далѣе «гость», гдѣ колеблется śt : ś[t]ˌ : śˌ (3) и замѣчаются также другія особенности. Съ литер. формами ср. yoś yósˌja yóśˌju yóśˌjem м. yósti; но притомъ отмѣчено р. (svajvó) yъś[t]ˌjá д. (svamú) yaś[t]ˌjú т. (svaím) yaś[t]ˌjóm; мн. ч. yъś[t]ˌjá yaśtéˌj yъśtˌjám -áḿi м. yaśtóx, послѣдняя же форма, кромѣ какъ м., отмѣчена и какъ р.: iz yastóx, при iz yastéˌj.—М. мн. ч. на -óx (yaśtóx, kaxtóx отъ kóxtˌ, zvíťóx) повидимому все болѣе вытѣсняется окончаніемъ -áx. — Тв. мн. ч. на -mi напр. въ źvíťḿi (новѣе źvíťáḿi [1]).

---

1) Отмѣчены въ этомъ словѣ отчасти поражающія формы: zvêťˌ, но р. в. zvíťa [и zvéťa, новѣе и рѣдко]; ср. выше zvíťḿi.

М. ед. ч. на -u мы видѣли безъ ударенія въ sýnu; съ -ú напр. na paɬú, na ɬuγú, u ľasú (при u ľési), u wuγɬú, пъ kraj̯ú.

И. мн. ч. на -á (dъmá): poγríbá, ŕɛčerá, [kraj̯á заимств.? ср. ъ въ М. krъj̯áx], γɬъzá (Р. γlazój̯; въ М. я слышалъ и γɬazóx и γɬaźóx).

И. мн. въ видѣ собирательнаго встрѣчается часто. Приведены выше sýńj̯a (новѣе synъvíj̯á) mužj̯á γstj̯á źitj̯á, показывающія, что распредѣленіе формъ род. падежа не соотвѣтствуетъ правиламъ литер. языка. Далѣе напр. stúľj̯a súčj̯a ľísti̯a (ср. литер. языкъ), kamńá [1]) при kámńi, р. -ńéj̯, д. kъmńám и т. д.) или, новѣе, kaḿéńä (-ńoj̯ и т. д.), къ ед. ч. káḿiń (у старушки я слышалъ также káḿän); kaŕéńä (kóŕiń), aľéńä (aľéń олень), ŕɛḿéńä (ŕéḿän), приведенное также въ формѣ -ńj̯ä [2]), stupéńj̯ä (ед. ч. adna stupéń); къ báŕin (см. ниже) bъrγńá.

Въ saśét saséda, какъ въ литер. языкѣ, множ. число имѣетъ «мягкія» формы saśédi, -di[j̯] и пр.

wučíťeɬ р. -ɬa: любопытно ɬ въ этой категоріи, и е, не i, въ неударяемомъ конечномъ слогѣ. Новѣе, по книжному, -ťeľ. Мн. ч. -ťɛɬá -ťɛɬéj̯ и пр.

Слова на -инъ: kuɬužáńin (kъɬ-, калужанинъ) р. -ina и т. д.; мн. ч. kuɬužány -žán -žánъm и пр. ḿaššańín (ḿe-) мн. ч. ḿaššány. báŕin [báryn] мн. ч. bъrγńá -ńój̯ и пр., ср. выше.

Слова на -енокъ принципіально согласуются съ лит. языкомъ, но и. мн. ч. звучитъ -áty: žyríbáty γuśińáty (γuśónъk) wuťáty и wuťińáty (wuťónъk и wuťińónъk) ръrъśáty [ръrъśińáty] (ръraśónъk, ръraśińónъk рѣдкое); р. žyríbát и пр. Ср. въ этомъ сочетаніи (mъj̯á) dítá; въ р. в. употребляется форма dítónka (-къ), въ т. dítónkъm, но при томъ и (svaj̯éj̯u) ditój̯u; мн. ч. déti dítéj̯ dítám dítáíi или dítḿí dítáx [dítóx].

б. *Средній родъ.* waknó wъknáwaknú waknóm пъ-waknú или -ńé, мн. ч. wóknъ wakón wъknám -ámi -áx. Неударяемыя и. и р. ед. ч., конечно, совпадаютъ: ľétъ; м. безъ ударенія имѣетъ -i: ľéti (мн. ч. litá let ľitáx и пр.).—и. в. р. póľa д. póľu т. póľem (sic) м. póľi; мн. ч. ръľá paľéj̯ ръľám и т. д.

Встрѣчается и. в. мн. ч. на -ў, напр. píśmy. Слово ńóbъ (небо), повидимому, колеблется между среднимъ и женскимъ родами, ср. «kakóje j̯ásnъje ńóbα» и «kakája j̯ásnъja ńóbα; при томъ припомнимъ звуковое сов-

---

1) Вѣроятно ослышка вм. kъmńá, kαmńá.

2) Вѣроятно, произношенія съ j̯ и безъ j̯ не разграничены; ср. слышанное мною въ сказкѣ «ďaŕéɳńiɟù» при ďaŕéɳńù деревню.

паденіе въ и. ед. ч., при неударяемомъ концѣ, какъ въ существительныхъ, такъ и въ прилагательныхъ (-a и -o > -ъ, -aja и -oje > -ъjä, -ъje).

wúxъ, yxo, мн. ч.: wúxъ или wúxi р. wux или wuxóų д. wuxám т. wuxáḿi м. wuxáx. [óči: рѣдкая форма изъ книжнаго языка].

Основы на -i и на согласномъ.

-śť въ концѣ слово > ś: koś maś straś skórъs скорость и т. д. Внутри слова слышимъ то ś[ť]j, то śj; иногда также -śť-, что, впрочемъ, встрѣчается и въ концѣ слова: straśť (заимствовано?); ср. § 3. Такъ, отъ koś р. д. kóśji (новѣе kóśťji, sic!) т. kóśju м. kaśjï (kaśťjï); мн. ч. и. в. kóśji [kóśťji] р. kaśjéį [kaśťéį] д. и пр. kъśjám kъśjáḿi kaśjóx. Ср. maś máśji и т. д.; приведенные при томъ р. д. máźi т. máźu (NB не -źju) указываютъ на слитіе mastь и mazь, ср. общій и. в. maś.

maťр. д. м. máťiŕi в. máťiŕu (новѣе mať) т. máťiŕju (-ŕu? ср. прим. выше); мн. ч. maťiŕá -ŕéį -ŕám и пр. — doč р. д. м. dóčiŕi и dóčaŕi т. dóčiŕu (не -ŕju, ср. выше mať); в. я слышалъ только въ формѣ doč; мн. ч. dóčiŕi или dъčiŕá р. dъčaŕéį д. dъčiŕám т. -ŕáḿi или -ŕḿï.

Въ kroų кровь р. д. м. отмѣчены какъ króẃi, т. какъ króẃju, («jon káślit s-króẃju»); въ sv̓akróų же р. д. м. звучитъ sv̓akróẃji (отчетливо даже -ji), т. -ẃju; мн. ч. -ẃji р. sv̓akróẃjew (sic). У одной старушки я слышалъ и. ед. ч. sv̓akróẃa. — «Церковь»: [cérkъų] и cérkwa р. д. м. cérkwy в. -kwu т. cérkowju; мн. ч. cérkwy р. -kv́éį д. -kvám.

— Мужское «путь» повидимому не въ ходу, предпочитаютъ вообще «дорога». Отмѣченные р. puťá т. puťóm согласуются съ основами на -jo; м. na puťí по словамъ моихъ источниковъ — выраженіе новое; изъ мн. ч., (puťí puťéį) отмѣтимъ д. [puťóm] и м. puťóx; т. я не нашелъ, но ср. формы какъ kaxťḿï когтями źviŕḿï (новѣе zviŕáḿi).

ďéń (ср. въ неударяемомъ положеніи ďiń: «sъ-ďńá ná-ďiń») совпало съ основами на -jo. М. мн. ч. ďńax и ďńox. При р. ед. ч. ná-dva ďńa также ná-dva ďńi, ťŕéťiva (-ťъva) ďńi.

— Основы ср. рода на -n: р. ед. ч. вообще звучитъ какъ и. в., но есть и другія сильныя отклоненія отъ лит. языка. Приведемъ потому разные примѣры. Вымя výḿä: р. «ťikéť iz-ýḿä karówy» (рѣже iz-výḿä); д. м. výḿińi; мн. ч. vyḿiná и vyḿóny, р. vyḿán; прочихъ формъ не удалось подыскать въ этомъ словѣ. Сѣмя śéḿä: р. «śéḿä ńétu»; мн. ч. śiḿaná р. «śiḿanóų ńétuťi». Бремя: и. в. р. ďeŕéḿä т. «pašoł jon sъ-svajím ďeŕéḿäm», м. u tum (sic, теперь обыкн. tom) ďeŕéḿä mnóγъ salómy»; мн. ч. ďiŕiḿiná р. ďeŕéḿän, прочихъ падежей не удалось подыскать. Темя: ťéḿä, м. ед. ч. ťéḿińi, мн. ч. [ťiḿená]. Время: vŕéḿa; здѣсь отмѣчено vŕɛḿɛńï для м. ед. ч.;

судя по выраженію «u takój vŕɛ́ḿɛńï», эта форма приняла женскій родъ; мн. ч. vŕɛḿáná и vŕêḿóna р. vŕêḿán или -ḿón д. vŕɛḿánám. Наконецъ имя: iḿá (и ïḿa) р. «ńet iḿá» [Д. М. ïḿińi?]; мн. ч. iḿáná р. at-yḿón; прочихъ формъ я не нашелъ. Конечно, въ послѣднихъ словахъ нужно особенно и много считаться съ заимствованіями изъ литер. языка; вообще же эта группа пестра до странности.

Мѣстоименія.

ja р. д. в. и м. ḿińé т. mnóju mnoj; отмѣчено притомъ для д. mńe, для в. [ḿińá], формы новыя. — ty ťibé (ťibá) tabój(u); для д. отмѣчено у старушки при ťibé также taḃé. — śibé sabój(u); ср. -śa, [-śi], -ś. — my nas nam náḿi; vy vas vam váḿi.

xto kawó kamú kem kom. — što ćawó camú čem čom. При što говорятъ što, особенно, когда слово произносится одно, про себя; ср. числ. sto какъ sto. При čawó я слышалъ у старушки čäγó, ср. ниже jaγó.

jon jawó jamú jim jom (ńom); aná (iná, jna) jéj jéj(u), о в. и р. см. ниже; мн. ч. any (новѣе ańï) jix jim jïḿi. Послѣ предлоговъ, вообще, безъ ń-: kjamú kjéj na-jóm и т. д.; na ńom, повидимому, новое заимствованіе. При jawo употребляется старшее jaγo («jaγ^{n}ó», 8). Въ в. ж. рода я отмѣтилъ jejó съ ясно открытымъ e въ первомъ слогѣ; «jijó» повидимому новѣе; я слышалъ также jɛjé (jon bïl jɛje), по моимъ источникамъ такое произношеніе не считается собственно Ивонинскимъ, а болѣе западнымъ. Для р. я отмѣтилъ jejé въ сказкѣ: «pʼrálï na jeje ďaŕéṇńu»; притомъ jejá и jijé: «u jijé ńičaγó i-ńét».

moj р. mʼjavó majvó mavó д. mʼjamú majmú т. majïm м. majóm; maja (mʼjá?) majéj maju; ma[j]ï -ïx -ïm -ïḿi. И. ср. рода въ старомъ произношеніи звучитъ mʼjá (mʼjá waknó р. mʼjavó vʼskná и т. д.; mʼjá ďiťá, ср. выше). — Въ косвенныхъ падежахъ отъ naš я все колебался, писать ли послѣ š у или ъ: nášywa и т. д. или nášъwa и т. д.; т. и м. муж. и ср. р. совпадаютъ въ «nášym» или «našъm»; во мн. ч. я остановился на у: nášy nášyx и т. д.; и. ж. р. (и сред. р.) nášъ (а иногда скорѣе «nášy»), в. nášu, р. д. м. «nášɛj» или «nášəj».

tot (сред. р. to) tavó tamú tym tom; для и. муж. р. старшее поколѣніе, повидимому, предпочитаетъ tót-tα, но кажется, вообще мало употребляетъ это мѣстоименіе. Иначе съ jétъt (сред. р. jétα) jétъva jétъmu jétïm м. jétym, jétïm; ж. р. jetα jétъj jétu; мн. ч. jéty и пр. — Отъ «сей» сохраняются лишь извѣстныя выраженія, какъ śičás, śï[j]u nóč.

čéj (čjo) čjävó и т. д.; čja čju и пр.

vêś (u̯śo) u̯śávó и т. д.; u̯śa u̯śêi̯ и пр.; мн. ч. u̯śe u̯śex u̯śem u̯śéḿi.

sam (samó) sъmawó и т. д.; къ жен. р. sъmá отмѣтимъ в. sъmai̯ú, т. samói̯(u).

Къ takói̯ и под. ср. прилагательныя.

Прилагательныя.

Краткія формы, повидимому, мало въ ходу, однако встрѣчаются; ср., какъ существительныя, напр. złо, dabró; у старушки Ольги x̌iťór хитеръ; въ сказкахъ выраженія какъ «pa vórъnovy pĺéči», «tъĺstá-xwъstá»; но вообще, кажется, предпочитаютъ, напр., говорить «i̯on dóbryi̯» и под.

Изъ длинныхъ формъ для ударяемыхъ окончаній достаточно намекнуть на нѣсколько примѣровъ: złoi̯, ж. р. złái̯a; xramói̯ xrъmái̯a; и. мн. złýi̯a и złýi, ср. krivýi̯ä, но boγátyi; сред. родъ «i̯étъ dźŕiwъ krivói̯ä»; вм. -i̯a, -i̯ä конечно часто звучитъ -i̯e, напр. takói̯e, мн. ч. takŕi̯ä или -i̯e, и т. д. Остальныя формы даются изъ сравненія съ мѣстоименіями. — Въ неударяемыхъ окончаніяхъ я затруднялся опредѣленіемъ гласнаго въ «у» или «ъ», склоняясь то къ одному, то къ другому; указываю на объясненіе этого явленія выше въ 7 и 9. Повидимому, до полнаго совпаденія развитіе еще не довело, ср. слѣдующія подробности; однако, чтобы получить цѣльную картину всего развитія, нужно сопоставить матеріалъ съ такимъ же изъ слѣдующихъ описаній.

Въ и. ед. ч. муж. р. мои записки вообще выказываютъ -yi̯ (bъγátyi̯ dóbryi̯); также послѣ k: krépkyi̯ tónkyi̯, однако при томъ šyróḱъi̯, stróγъi̯; ср. ударяемое -ói̯. у употребляю также въ совпадающихъ т. и м. ед. ч. (bъγátym); далѣе въ падежахъ мн. ч. (-tyi -tyx -tym), исключая, однако, т. (-tъḿi, даже -tʌ́mi); ср. послѣ k и. мн. [krépkyi] и krépkii, [tónkyi] и tónkii. Въ и. ед. ч. жен. р. я колебался: bъγátyi̯ä и -tъi̯ä; послѣ k, однако, имѣю лишь этимологически ожидаемое ъ (krépkъi̯a); въ р. д. м. -ъi̯, тв. -ъi̯u (bъγátъi̯, -tъi̯u) и -yi̯ (maĺóčnyi̯); въ сказкѣ отмѣченъ д. «γ-druγéi̯ šastrý» къ другой сестрѣ; въ в. жен. р. нахожу «krásnyi̯u», колеблющееся съ -ъi̯u. И. В. средн. рода, какъ мы этого уже коснулись раньше, естественно совпадаетъ съ и. жен. рода; отмѣченные примѣры выказываютъ -ъi̯ä, иногда, впрочемъ, со склонностью къ -yi̯ä.

Къ окончаніямъ мягкихъ основъ ср. zdéšńi[i̯] здѣшній; р. напр. tŕéťiwa и tŕéťъwa; жен. р. zdéšńii̯ä; р. д. м.: «γ-zádńii̯ šástrý» къ послѣдней сестрѣ; мн. ч. zdéšńii.

— Сравнительная степень: bĺéi̯ä bъγáča; послѣ š и ž я записывалъ -y, но часто на границѣ i (притомъ послѣ š нерѣдко безъ голоса, потому

труднѣе для опредѣленія): bólšy stáršy xúžy ɬútšy stróžy («i̯on stróžy i̯ tibé (-bá)» онъ строже тебя); однако при stróžy также «i̯on stróža», «iná stróža»; такъ тоже напр. ɬútša (въ медленномъ произношеніи, кажется, съ удлиненнымъ t: ɬútša).

Числительныя.

adïn adnó, adnavó и т. д.; adná adnói̯ adnú adnói̯u; adńï adńïx (adńé для жен. рода — форма новая). Объ a- ср. въ 10.

dva, жен. p. dve, dvux dvum dvuḿá. tri trox trom triḿá. čityri (и če-) -rox -riḿá. — pāt pɛtï pɛtḿï. šeś šɛś[t]ji̯ šɛśḿï (и šɛś[t]ji̯ú); o [t] ср. § 3. śem śeḿï т. śeḿḿï или śemi̯ú (съ m твердымъ?) vośim (vośem) vaśḿï; т. я нашелъ только въ видѣ vaśḿï («s-vaśḿï mužukáḿi»). dɛvïť dɛvātï dɛvïti̯ú; подобно и dɛśiť.

Въ «одиннадцать» и сл. я слышалъ отчасти -dc-, ср. литер. -дц-; въ скоромъ произношеніи -tc-, съ ожидаемой потерей голоса въ d; тогда языкъ замыкается въ обыкновенное t, безъ взрыва сгибаетъ свой кончикъ для образованія «c», потомъ слѣдуетъ новый экспираторный толчокъ и взрывъ: adïntsts (n, не nn) dvinátsť и т. д. Но сочетаніе tc не обусловливаетъ твердаго примыканія къ предшествующему гласному (Очеркъ 217), столь же мало какъ и d въ dvádcit двадцать.

sórtk piddíšát šyzdíšát... dïvanóstъ. sto (sto, ср. замѣтку къ мѣстоимѣнію što); при склоненіи предпочитается sótńa. Тысяча: tyššä.

dwói̯ä trói̯ä čétvira pátira šéstira śeḿira wośḿira dɛvïtira dɛśitira; къ склоненію ср. dva[i̯]ïx čitvaryx śimaryx и т. д.

pɛ́rvyi̯ u̯tarói̯ tréťi̯i̯ čɛtvórtyi̯ pátyi̯ šastói̯ (še-) śómyi̯ (śɛdḿói̯) vaśmói̯ divátyi̯ и пр. Къ tréťi̯i̯ р. звучитъ tréťiva или -ťъva, д. tréťimu, т. м. tréťim; и. жен. и сред. р. tréťä, р. д. м. ж. р. tréťi[i̯].

sam drux, sam tréť (trɛtɛ́i̯), sam čitvórt, sam pat, sam šost, sam śom; далѣе sam vaśmói̯ и т. д.

Глаголы.

Типы спряженія. Окончанія e'овыя, подъ удареніемъ: kładú -déš -déť -dém -déťä -dúť; въ сказкахъ при -éš употребляется -'óš, также у старыхъ людей, напр. idóš träśóš, возвр. träśóśśä трясешся; теперь заимствуется также цѣлый рядъ формъ съ o: idóš idót idóm idóťe.

Не подъ удареніемъ: šádu -dïš -dït -dïm -dïťä -duť; ср. еще варіантъ при предшествующемъ š или ž: mažú mážyš (mázt мазать), maγú móžyš и т. д.

Окончанія i'овыя, подъ удареніемъ: bra̯ńú -ńíš . . . bra̯ńáť.

Не подъ удареніемъ: kašú (новѣе kašú kошу) kóšiš . . . kóšuť.

Въ 3 л. слышится также -t, повидимому же оно пока рѣже.

Развитіе прочихъ формъ и подробности отдѣльныхъ глаголовъ или категорій видны изъ слѣдующаго ниже матеріала. Упомянемъ здѣсь лишь нерѣдкую форму прош. времени на -mšy: ръхámšy (пахать), ńɛsómšy (нести); изъ окружающихъ говоровъ «na tút pɑrɑbótъmši (i, sic) da vу́pilї vincá»; ср. «my išótš̯i» (-č̯i?), т. е. шедши.

Отдѣльные глаголы. Раздѣленіе, какъ въ прежнихъ моихъ работахъ, слѣдуетъ «Handbuch» Лескина. По мѣрѣ надобности, формы приводятся въ такомъ порядкѣ: наст. время, повел. накл., прош. время, неопр. накл., прич. прош. страд. залога.

I. A. ńasú ńɛšéš . . . ńasúť; ńɛšї -ïťä; ńos ńisłá ńislї; ńêš или ńɛš[t]ї; š-ńêšen š-ńêšina -ny. — vazú вполнѣ такъ же; прич. u-vêžen -žina. — vädú vɛdéš; vedї (vädї); voł vїłá vɛlї; vêš (vɛstї повид. ново); u-vêden, -na. — ťatú ťɛťéš; ťetї, ťoł ťɛłá; ťêš; pad-ťêťen. — pľatú; plетї; pľoł pľїłá pľelї; pľêš; -pľêťenъ. — bŕädú; bŕedї; bŕoł bŕїłá bŕelї; bŕêš. — gŕabú; gŕebї; gŕop gŕibłá gŕeblї; (для неопр. накл. я слышалъ только pъd-gŕibát); pɑd-gŕébina. — jabú; jop jibłá и т. д., вполнѣ какъ gŕabú. — pъt-skŕabú; pat-skŕóp pъt-skŕibłá pъt-skŕeblї (ср. pъt-skŕibát). — pakú pɛkéš; pekї; pok pekłá (и päkłá, между тѣмъ какъ, по моимъ источникамъ, ожидаемое pikłá не употребляется); pêč; is-pêčen. — ťikú tɛkét [tikét]; tikłá täklї (tekлї); têč. — biŕagú bɛŕɛgéš . . . biŕagúť; biŕɛgї; beŕóx biŕigłá; bêŕêč; первые два слога отчасти какъ будто склонны къ гармонизаціи гласныхъ; отчасти это можетъ объяснить отклоненія отъ общихъ правилъ для вокализма; но самое качество гласнаго мнѣ иногда не ясно, особенно передъ ударяемымъ e, ê.— stiŕagú; steŕóx stiŕigłá; stêŕêč. — Ср. еще žgu žgeš; žgi; za-žóx zъ-žgłá za-žglї; žêč.

tŕasú; tŕos tŕisłá tŕeslї; tŕêš; ap-tŕêšen, -šina. — pŕädú pŕeďéš pŕeďét; pŕedї; pŕał; pŕäš (и pŕešt, также у старушки); pъ-pŕádin. — zъ-pŕagú -pŕe-géš; za-próx zъ-pŕigłá; za-pŕêč. — šádu šädiš; пов. я не нашелъ; šeł; šêš. — ľäžu ľäžyš; ńi ľaš -šte; ľox ľigłá ľäglї; ľêč.

žmu žńeš; žńi; žaŕ žáła или žmaŕ žmáła; žaŧ. — žnu žńeš; žaŕ. — mnu mńeš; mäŧ. — na-čnú; ná-čъł nъčъłá nъčälї. — waźmú; waźmї; ʒźaŕ ʒźiłá ʒźálї; ʒźäŧ. — Ср. еще klänú kľeńéš; ńi klänї; kľaŕ kľiłá kľelї.

u-mrú; uḿor uḿirłá uḿɛrlї; uḿêŕêŧ. — za-prú; za-pór za-pórła; zъ-pêŕêŧ. — tru; na-tór na-tórła; têŕêŧ.

taŀkú taŀkéš; taŀkї; taŀók tъŀkłá taŀklї; taŀóč; is-taŀóčen (-taŀčón). —

pałzú; прош. pъ-pałós pъ-pъłzłá pъ-pъłzlĭ. — Поставимъ сюда еще vъłakú -kéš; vъłakĭ; vałók vъłъkłá vъłaklĭ; vałóč; iz-vałóčen.

rastú; ros гъsłá raslĭ; неопр. roś («ďéřiwъ ńä xóčiť roś»). — maγú móžyš ... móγuť или móžuť; pъ-maγĭ; mox mъγłá maγlĭ; pa-móč.

búdu búdiš; пов. мп. búťťe; (był byłá; byť).

ję́du ję́diš; (pa-ję́xъł; ję́xъť). — śakú śekéš; śekĭ; śek śékła; śéč. — ĺézu; ĺéś-tă; pa-ĺés -ĺézła; ĺéś.

kładú -ďéš; kładĭ; kłał kłáli; kłaś; pъ-kłáďina. — kradú, вполнѣ такъ же. — pъ-paďú, такъ же. — [pasú повидимому рѣдко; вм. него обыкновенно śťiŕäγú, см. выше].

žyvú; žyvĭ; žył žyłá; žyť. — stŕiγú -γéš; stŕix stŕĭγłъ; stŕič. — Ср. еще idú iďéš; iďĭ; išół (новѣе šoł) išłá; iďíť; въ связи предложенія «anýšlĭ» и под.

γryzú; γryźĭ; γrys γrýzła; γryś; pa-γrýźin -ina. — Ср. płyvú (съ у склоннымъ къ ъ); płyť.

I. B. ƀarú; ƀeŕí (у старушки ƀaŕí); ƀraŕ; brať; u-brána. — ďarú, такъ же; прич. ad-dránα или ató-drъnα. — (γnať: γońú γóńiš и т. д., ср. лит. языкъ). — tku tkeš; tki; tkaŕ; tkať; vý-tkъn. — łγu łγať такъ же. — ржать: 3 л. ед. ч. aržéť; ńe-ržý; łóšъť ъržáłα. — сосать: sasú; saśĭ; sъsáŕ; sъsáť.

žvú (жую) žvéš; žvi; žvať.

II. Достаточно одного примѣра: tanú tóńiš и т. д.; ńä toń; tanúŕ; tanúť. Къ прош. времени ср. źábnuť: a-źáp a-źábła; móknuť: pra-mók pra-mókłα, и под.

III. 1. A. γŕéju -[j]iš; γŕeł; γŕéť. Такъ же śḿéju śḿéť. — paję́ -jéš; пов. poj, старше péj péjťă; peł; péť; ср. соотвѣтствующій глаголъ въ Коб. — bŕíju; bŕéj; bŕíť; iz-bŕit. — dúju duj («duχ», § 3); duť. — výju; vyj; vył; vyť. Такъ же mýju myť, krýju kryť, rýju ryť. — Изъ корней этого отдѣленія на -i явственную двуслоговую форму наст. времени выказываетъ γńíjú и т. д.; z-γńíł [1]); γńíť. Къ píť я нашелъ соотвѣтствующій видъ наст. вр. pí[j]ú и т. д., но, повидимому, это рѣдкая форма, сохраняющаяся только у старшихъ; при томъ pju pješ. Въ прочихъ примѣрахъ, принадлежащихъ сюда, я слышалъ только однослоговыя формы (обыкновенно съ фрикативнымъ j): ƀju ƀješ; ƀéj; ƀíť. — ĺju ĺješ; líť. — sa-vjú (-vju); s-víť.

us-paŕú us-póŕiš; parół; paróť. [Ср. рѣдкое kałół, kałóť, отъ котораго наст. время, какъ будто, не въ употребленіи].

---

1) Я отмѣтилъ ďéŕivъ zγńíłá (sic, женскій р.), при младшемъ -łó.

III. 1. B, a. śé̯u śé̯[i̯]iš, неопр. накл. śé̯[i̯]ić. Другое удареніе напр. въ bl'i̯áć, блѣять: 3 мн. ч. bl'e̯úć. — ku̯ú ku̯éš; ku̯; kъvál; kъváć; is-kóvъn. (Ср. напр. tъgúu tъgъváć III. 2. B). — kl'u̯ú -i̯éš; kl'ivál; kl'ivát. — płu̯ú, такъ же. (Ср. напр. načúu nъčivát III. 2. B).

b. ćrepl'ú ćŕépiš; ćrɛpï; ćripáć. — dŕɛḿú (новѣе dŕemĺú) dŕéḿiš; dŕimáć. — sýpu (sýpl'u) sýpiš; sýpъć. — xraḿú xraḿéš; xrъmáć; употребительнѣе, повидимому, наст. вр. xrъmáu. — tapčú tópčiš; ńi tapčï; tъptáć. — płáčú; ńi płač; płákъć. — γъγačú γaγóčiš; γъγъtáć (хохотать). — šapčú šépčiš; šyptáć. — vážu vážyš; vážy; vizáć (новѣе vazáć). — mážu mážyš; maš; mázъć. — iššú ïššyš; iššï; iskáć.

III. 2. A. Достаточно пары примѣровъ: ďéłъu -[i̯]iš, неопр. ďéłъć. — uḿéu; uḿéĺ; uḿéć.

B. Къ типу tъgъváć, nъčiváć см. подъ III. 1. B.

IV. A. braḿú braḿíš... brъḿáć; braḿï; braḿïĺ; braḿïć. Ср. далѣе напр. γъvaŕú γъvaŕïć; wučú wúčiš, wučïć. — Отмѣтимъ, что, вообще, въ 1 л. ед. ч. конечный согласный измѣненъ подъ вліяніемъ аналогіи со стороны прочихъ лицъ: γraźíć грозить: γrazú. kaśïć: kaśú (новѣе kašú) kósiš. raďïć: raďú ródiš. buďïć: buďú búdiš. zъγъraďïć: -ďú (и -žú) zъγaródiš. małaćïć (я все слышалъ а въ первомъ слогѣ): małatú małótiš. Въ vaźíć возить при vazú употребляется važú также у старыхъ.

IV. B. vížu víďiš; víďeĺ; víďić. Ср. γŕiḿéć: γrom γŕiḿïć, γŕiḿéĺ. γaŕéć: dъmá γaŕáć (ждемъ уъ-). lïtéć: lïtïć lïtáć, lïtéĺ. Далѣе virtéć, zvińéć, tirpéć; велѣть: [viléć], обыкн. vèléć, форма заимствованная? — kŕičú, kŕičáĺ, kŕičáć. — ďaržú ďéržyš ďéržyć и ďóržyć; ďaržáć (и ďer-). — staḭú... stъḭáć; stъḭáĺ; stъḭáć. Такъ же baḭúś bъḭátsъ.

Приведемъ здѣсь bаγú bɛγïš... bïγáć (sic, не -γúć); bɛγï; неопр. bêč.

V. dam daš daś daďïm daďïtä daďúć; daĺ; dać. — i̯em i̯eš i̯éś i̯eďïm (i̯äďïm) i̯eďïtä i̯iďáć (и i̯eďáć); i̯eĺ.

II. Кобылье Спасское и Котово.

11. Оріентирующія замѣтки. «śäłó kabýlšyna, vółoś spáckъja, kabýlškъja» лежитъ къ востоку отъ села Сильковичи, верстахъ въ тридцати на юго-западъ отъ Мосальска. Матеріалъ къ описанію говора я собралъ въ Мосальской тюрьмѣ, гдѣ находился мой источникъ γŕiγóŕɛi̯ ławŕénow aγéi̯ъw («ďet był aγéi̯»), человѣкъ 60-ти лѣтъ. Въ свое время, однако недолго, онъ былъ на работѣ около Одессы, но большею частью жилъ дома. Къ освѣщенію общей точки развитія его села, приведемъ съ его словъ, что женщины носятъ (1902) поневу, «u nas sɑrɑxwánъw ńétu, a déu̯ki zanavéski nóśuť» [1]).

Попытки заимствовать у моего источника сказки и связные разсказы не удавались; онъ иногда начиналъ отзываться, но скоро кончалъ, поговоркой или такъ, просто. Вотъ примѣръ: žył, znáčit, nъtcá (или «notcá», т. е. на отца), abižáłše, a sám uwatcý popáł, i xúžə stał. a sperwá abižáłše, a sam xúžə stał. tak wót i žená abižáłъś na sväkróu̯lu što ńi tag-ďełaiť, a sъmá u̯ sväkróu̯li popáłъ, xúžə stáłъ — — — — žýli, γowoŕáť, ďadý — ńi vidáli bädý, a mý wýrъšli unúki — i nobráliś múki.

Другой примѣръ: wot máłyi̯, paiďóm wołków łavíť; wot tut na jétъm ńésťe postávim (ръ-?) kъpkány (kop-); kag búdiť tud bêč, i ръpaďéť — — — — príxótɑx? [2]) — pъlisám xaďíli sъbákъńi, ońi bríxáli — a krɑi̯áńi xaďíli s-ružiáńi. kák anу́ výskɑčúť, a ix i-bi̯úť iz-ružéi̯ ...

Эти отрывки, записанные для моей собственной оріентировки, могутъ служить таковою и здѣсь, отражая мои первыя попытки передачи, безъ поправокъ или стилизаціи. Изъ нихъ уже выясняются разныя характерныя

1) Ср. отвѣтъ на мой вопросъ при другомъ случаѣ: aďóžъ — połušúbъk i karatýš, źipún; (а у женщинъ) połušúbъk i źipún i pańówъ.

2) Т. е. при охотахъ.

черты — сходныя съ Ивонинскими или различныя отъ нихъ — о которыхъ будемъ говорить ниже. Но главный матеріалъ для разслѣдованія произношенія я долженъ былъ собрать другимъ путемъ: разспрашиваніемъ у моего источника болѣе или менѣе по вопросамъ «Программы» и углубляясь тамъ и сямъ въ морфологическія или звуковыя особенности. Поэтому, послѣ звукового обзора и замѣтокъ къ морфологіи, — то и другое, вообще, параллельно съ порядкомъ Ивонинскаго говора — естественно слѣдуетъ Приложеніе: замѣтки къ ряду вопросовъ первой части «Программы».

Важной примѣтой для опредѣленія Кобыльскаго говора по отношенію къ окружающимъ говорамъ служитъ исторія сочетанія согласнаго со слѣдующимъ «j». Какъ въ Ив., это сочетаніе сохраняется, не переходя въ долгій согласный: sud̯á śv'iń̯á druž̯á друзья myt̯ó ƀel̯ó ź'él̯a зелье и т. д. Однако, «ночью» отмѣчено какъ nóc̄u («nóčču»), будь это заимствованіемъ, начаткомъ перехода къ удиненнымъ согласнымъ, или же (скорѣе) остаткомъ исчезающаго положенія дѣлъ (ср. § 21).

Какъ въ Ив., такъ, конечно, и въ Кобыльѣ, то и дѣло надо считаться съ несомнѣннымъ или возможнымъ вліяніемъ извнѣ. Достаточно намекнуть на такіе явственные морфологическіе случаи какъ aná при ina (она), u ńevó при j̯ãγó (его), at j̯éťъwъ при at j̯éťъγъ, чтобы всякій видѣлъ, какъ необходимо, при разборѣ собраннаго матеріала, быть, въ этомъ отношеніи, на сторожѣ.

12. Къ темпу рѣчи, ударенію, долготнымъ и интонаціоннымъ отношеніямъ. Заключенія на основаніи наблюденій надъ однимъ лицомъ, конечно, требуютъ осторожности; однако, выведенныя ниже изъ произношенія Агеева общія черты не стоятъ особнякомъ, а напротивъ отражаютъ типъ произношенія, съ которымъ часто встрѣчаемся въ мѣстности описываемыхъ здѣсь говоровъ. Въ этомъ обстоятельствѣ имѣемъ достаточный контроль для правильности нашихъ наблюденій и право считаться съ ними, какъ съ не индивидуальными.

На основаніи общаго характера вокализма, его принципіальнаго сходства съ Ивонинскимъ, мы вправѣ заключить о прежнемъ, а можетъ быть объ еще отчасти существующемъ въ Кобыльѣ произношеніи, вродѣ стариннаго образа рѣчи въ Ив., т. е. болѣе «по слогамъ» (ср. Прогр., 79), съ болѣе медленнымъ темпомъ. Мой источникъ, при ускоренномъ, хотя и не особенно быстромъ темпѣ, уже сильно сокращалъ слоги, подобно тому какъ мы отмѣтили изъ новомоднаго произношенія въ Ив.; при томъ *также слогъ непосредственно передъ ударяемымъ выговаривался кратко*, по долготѣ

обыкновенно не отличаясь замѣтно для простого слуха отъ мѣры прочихъ неударяемыхъ слоговъ. Такая краткость отмѣчена не только для ъ, напр. γъspъ̑dá — черта, извѣстная намъ также изъ Ив. —, и для соотвѣтствующаго ему «передняго ирраціональнаго гласнаго» (i, ɛ), напр. śiŕĭ̆bŕá, но, повидимому, для всякаго рода гласныхъ, ср. напр. śiŕă̆bŕó. Такое сокращеніе для слога непосредственно передъ ударяемымъ проведено здѣсь и послѣдовательнѣе и яснѣе, чѣмъ что я отмѣтилъ изъ новомоднаго образа рѣчи въ Ив. Въ связь съ этимъ ставлю, повидимому, бо́льшую, чѣмъ въ Ив., въ этомъ говорѣ склонность къ полной редукціи гласнаго элемента даннаго слога (нерѣдкій переходъ ы > ъ, иные случаи i, ɛ передъ ударяемымъ e). Хотя слогъ непосредственно передъ ударяемымъ, при описываемомъ типѣ произношенія, пожалуй, также склоненъ выступать немного яснѣе прочихъ предударныхъ слоговъ [1]), но по долготѣ онъ, вообще, сливается съ прочими неударяемыми слогами; обозначая Ив. śiŕă̆bŕó, въ старомодномъ произношеніи, какъ ˘ ⁻ ˊ, мы получаемъ, по произношенію Агѣева, явственное ˘ ˘ ˊ. Какъ увидимъ ниже, слогъ непосредственно передъ ударяемымъ, въ интонаціонномъ отношеніи, отличается также менѣе, чѣмъ въ Ив., ясно и менѣе послѣдовательно отъ прочихъ предударныхъ. Онъ сливается съ прочими неударяемыми слогами (къ исключеніямъ ср. ниже) въ одну общую группу вполнѣ «слабовѣсныхъ» слоговъ уже принципіально.

Такое соображеніе не мѣшаетъ, понятно, указанію отстепеней для неударяемыхъ слоговъ; какъ въ Ив., можно отмѣтить второстепенныя различія въ экспираторной силѣ, обыкновенно связанныя со слабыми различіями и въ долготѣ. Въ произношеніи спокойномъ, безъ аффекта или особаго логическаго выдвиженія, слогъ непосредственно послѣ ударяемаго принадлежитъ, вообще, къ самымъ слабымъ, по крайней мѣрѣ, если онъ не оканчиваетъ слова (предложенія); эта черта намъ извѣстна изъ Ив.; очевидно, экспираторная волна, свойственная главному ударенію, не распространяетъ свое дѣйствіе замѣтнымъ образомъ на слогъ послѣударный, даже при такой краткости и слабости слога непосредственно передъ ударяемымъ, какую я описалъ для произношенія Агеева. — Ясную параллель съ Ив. имѣемъ далѣе въ развитіи побочнаго ударенія послѣ главнаго; наблюденія изъ Ив. (§ 2) можно изъ кобыльскаго матеріала подтвердить и освѣтить. Побочное ударе́ніе, повидимому, можетъ имѣть отчасти ритмическую основу; такъ

1) Участвуя въ экспираторной волнѣ ударяемаго слога? Ср. соображенія въ «Очеркѣ» 239 сл., особенно 245.

напр. въ ˈŕêčka ˈmaĺiˌńˌkiˌa [1]), и нерѣдко, можетъ быть, также въ случаяхъ какъ ˈpo-źiˌḿe по зимѣ, at-ˈwośiˌḿi отъ осени, straˈžêńiˌa сраженіе, smaˈroďiˌna смородина (безъ побочнаго ударенія: smaˈroďinъ), ˈnaďъbˌno надобно и мн. др., гдѣ побочное удареніе отдѣлено отъ главнаго вполнѣ слабовѣснымъ слогомъ. Но что такое сильно развитое побочное удареніе основывается главнымъ образомъ не на ритмическомъ принципѣ, а составляетъ чаще всего не часть «ударенія слова», но черту «ударенія предложенія», служащую логикѣ и чувствомъ, — это явствуетъ изъ мѣстоположенія побочнаго ударенія; оно, повидимому, принадлежитъ почти безъ исключеній послѣднему слогу слова, хотя бы этотъ слѣдовалъ непосредственно послѣ ударяемаго, и, какъ въ Ив., такъ и въ Коб. выступаетъ особенно ярко въ открытомъ конечномъ слогѣ. Добавимъ къ выше приведеннымъ еще нѣсколько примѣровъ: uˈmyjuˌca умоются (а безъ побочнаго ударенія напр. uśiˈrajuca, съ безголоснымъ -a, см. ниже), ˈsvetʎˌja ˈńobъ свѣтлое небо, ďiˈŕozyńˌkä, baʎˈšoj ˈjarmˌnˌk (ярмарка), ˈmamuńkä ˈdobŕińkiˌjä, ˈpoxъrˌnu, ˈzaγъviˌnu, za ˈjaγъdˌńi, ˈborny ˈtoʎstyˌi бревна толстыя, ˈwośiń xaˈrošъja осень хорошая, ďъ-ˈzawtŕiˌγa до завтра, aˈnaxiwˌna анаѳема, ˈpoŕiˌŕek поперекъ, ˈna-stъrˌnu, xaʎˈstina ˈbeʎъja, sъˈrowъja; непосредственно послѣ ударяемаго слога: ďiśeˈtiˌna десятина, vaˈroˌnu, za vaˈdoˌjû ˈγaʎˌki, ŕiˈka baʎˈšaˌja; jon ˈbetstvъjiť (best-) онъ бѣдствуетъ, paˈḿêˌŕim, ˈďêˌvêŕ, γŕiˈγoˌŕêˌi. Что такое побочное удареніе служитъ для извѣстнаго рода эмфатическаго выдвиженія (ср. въ § 2, что оно какъ будто «связано съ стилемъ сказки»), заключаю, между прочимъ, прямо изъ того, напр., что въ какомъ-нибудь «ŕiká baʎšája!» (ср. выше), съ побочнымъ удареніемъ и, слѣдовательно, также съ удлиненіемъ слога -ja, -a удлиняется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ съ бо̀льшимъ «чувствомъ» и убѣжденіемъ высказывается выраженіе. Такое удлиненіе побочно-ударяемаго гласнаго можетъ держаться даже при потерѣ голосности во всемъ концѣ слова (ниже); напр., я отмѣтилъ «at-ˈwośiˌńˌi». Что все явленіе можетъ имѣть притомъ извѣстную связь съ моментами морфологіи, я уже намекнулъ въ § 2.

Въ *интонаціи* находимъ въ большомъ объемѣ особенность, извѣстную намъ изъ Ив. съ окружающими говорами: удареніе на первомъ слогѣ бываетъ, въ типичномъ развитіи, высокотоннымъ съ нисходящимъ движеніемъ: «stô͡ɪr» «tô͡ɪššə» «žôn» жонъ «ḿêś» мести «ńêś» нести и т. д.; главная экспираторная сила принадлежитъ первой части гласнаго, который склоняется иногда къ распаденію на двѣ части, одну высокую и одну низкую — какъ

1) ˈ передъ главноударяемымъ, ˌ передъ побочно ударяемымъ слогомъ.

бы початокъ двуглаваго, «прерывистаго» ударенія, къ чему вернемся ниже. Если же ударѐніе лежитъ не на первомъ слогѣ, то самый высокій (повышающійся) тонъ принадлежитъ слогу передъ ударяемымъ, а самый ударяемый выговаривается на интервалъ ниже (склоняясь нерѣдко къ повышенію въ своемъ концѣ); ср. типы какъ žańïx: ˘ ˏ, ńivésta: ˘ ˏ ˘, na pógŕïbä: ˘ ˏ ˘ ˘, poľävój: ˘ ˘ ˏ, и т. д. Совсѣмъ ясно можно это слышать и въ связной рѣчи, напр. wot ńéś čižaľó (вотъ нести тяжело); но, какъ въ Ив., и какъ всюду, интонація предложенія легко изглаживаетъ или даже измѣняетъ собственную «интонацію слова», передѣлывая, въ зависимости отъ смысла и положенія, интонацію напр. «u botrakï» (въ батраки) отъ ˘ ˘ ¯ ˏ въ ˘ ˘ ˘ ˏ. Разница отъ Ив. замѣчается въ томъ, что въ Коб., судя по произношенію Агеева, интервалъ отъ высокотоннаго предударнаго къ низкотонному ударному слогу вообще меньше; а такъ какъ слогъ предударный, какъ мы видѣли, здѣсь вообще кратокъ, то перевѣсъ ударяемаго слóга также при старомодной интонаціи выступаетъ ярче, чѣмъ отчасти въ Ив. (см. § 2).

Что интонаціонныя движенія слова въ Кобыльѣ, судя по Агееву, какъ будто, не такъ типично и правильно развиты (сохранены?), какъ въ старомодномъ произношеніи Ив., можетъ зависѣть отъ болѣе сильнаго вліянія извнѣ, и притомъ можетъ быть индивидуально. Но отмѣчена притомъ изъ Кобыльскаго произношенія особая интонаціонная черта, заслуживающая вниманія: высокій падающій тонъ ˆ встрѣчается нерѣдко и въ слогѣ неначальномъ; я слышалъ не только «tôĺšša» и под., но иногда также случаи какъ «spaĺôs» сползъ, «u kaznû» въ казну. Въ старомодномъ произношеніи Ив., по моимъ наблюденіямъ такіе примѣры весьма рѣдки и, повидимому, придаютъ выраженію извѣстный смыслъ (кажется, болѣе или менѣе рѣшительное подтвержденіе); этому соотвѣтствуетъ, можетъ быть, смыслъ большинства подобныхъ случаевъ въ Кобыльѣ; но есть и такіе случаи, гдѣ употребленіе ˆ не зависитъ отъ смысла, отъ «интонаціи предложенія»; у Агеева я отмѣтилъ, какъ оно связалось съ извѣстной грамматической категоріей, съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ извѣстнаго типа глаголовъ; отмѣчено не только «ŋŕêś» грести «ḿêś» мести «ŋńêś» гнести «ťêč» (-š̌) течь и под., но тоже двуслоговыя «uƀêč» убѣжать «ƀêŕêš̌» беречь «sťêŕêš̌» стеречь (также въ связи предложенія, напр. «ńe uḿé[j]iť sťêŕêš̌»). — Не имѣю матеріала для дальнѣйшаго разслѣдованія этой любопытной черты, съ которой будемъ встрѣчаться также въ другихъ говорахъ. Очевидно, она представляетъ собой соединеніе нисходящаго интонаціоннаго

движенія, распредѣляемаго чаще на два слога (◡ ◿), въ одномъ ударяемомъ; но какое отношеніе старше, и подъ какими условіями, и въ какомъ объемѣ возмѣщается ◡ ◿ типомъ ◟ (въ неначальномъ слогѣ), я не могу сказать. Разслѣдованія въ этой области — прекрасная задача для русскихъ лингвистовъ.

Но стоитъ еще разъ вернуться къ самому характеру «ударенія ◠». Какъ уже сказано, экспираторная сила больше въ первой, высокотонной части гласнаго. Спускъ съ этого «верха» гласнаго происходитъ болѣе или менѣе рѣзко, круто, въ зависимости отъ характера выраженія. Въ спокойномъ, сообщающемъ выраженіи спускъ идетъ довольно ровно, при меньшемъ тонномъ интервалѣ. Особенно крутой спускъ наблюдается, напр., въ рѣзкомъ подтвержденіи [1]). А при такомъ крутомъ спускѣ я весьма часто замѣчалъ около конца гласнаго явственное смыканіе голосовыхъ связокъ, болѣе или менѣе совершенное закрытіе голосовой щели. Обыкновенно, гласный этимъ крѣпкимъ отступомъ (Очеркъ 158 сл.) и оканчивался: «ńê'ś» нести, «stêŕê'š» (ср. выше), «mnó'γъ» много, «ḿé'ɮ̣kъ!» мелко, и под.; иногда же голосовая щель опять отворялась, давая голосу послѣ перерыва снова зазвучать — или еще въ самомъ гласномъ, или же въ слѣдующемъ звонкомъ согласномъ: «by̆'ʿł» былъ, «spaɫó'ʿs!» сползъ [2]). Какъ сказано, такое развитіе ◠ свойственно чаще всего эмфатическимъ выраженіямъ (рѣзкому подтвержденію и под.); при спокойномъ sъmá съ тихимъ отступомъ стоитъ рѣзкое «sъmá'!», и такъ часто въ концѣ слова: ńeśï и «ńeśï'!», «γɫubakó'», «tanú'» тону; а иногда также въ слогахъ неначальныхъ внутри слова: «гъstá'ʿiъ̣ sńex!» растаялъ снѣгъ, «tarγú'i̯i̯t» (и даже -ú'χi̯t) торгуетъ. — Хотя бы столь сильное развитіе этой черты у Агеева было нѣсколько индивидуальнымъ, я считая не лишнимъ указать на свои наблюденія; онѣ могутъ имѣть хоть принципіальную цѣну въ разслѣдованіи русскаго произношенія.

Изъ приведенныхъ примѣровъ иные показываютъ, что крутой спускъ интонаціи и внезапный перерывъ голоса въ «ударенiи ◠» благопріятствуетъ развитію безголосныхъ звуковъ на мѣстѣ собственно звонкихъ въ большей или меньшей части конца слова, и это не только при положеніи слова въ концѣ предложенія. Такое произношеніе конца слова, впрочемъ, сильно раз-

---

1) Черта, замѣтная также въ московской рѣчи — ср. хоть рѣзко отказывающее «нѣтъ!» съ нисходящей интонаціей, — особенно ярко у дамъ?

2) Спорадическія, но прекрасныя, типично развитыя иллюстраціи къ извѣстному датскому «Stödtone».

вито у Агеева, при разныхъ условіяхъ, какъ показываютъ слѣдующіе примѣры: śiĺ̓kó́v̓ičʲ Сильковичи, u raʙótńikʲ, pav́yšᵊ; ńi-pášyt̓ не пашетъ; vóɫoś kaʙýĺ̓skъ̯i̯ą, «ɟetʲ vot tudý, k-spásu g-ďéḿinskъ̯mu̯»; даже при предшествующемъ звонкомъ звукѣ, напр. vóɫoś spáckъ̯i̯ą, и подъ ударені̯емъ (особенно ú и ï), напр. «u botrakï̯» въ ботраки (при интонаціи ˘ ˘ ˃ ˂, ср. выше). О случаѣ at wóśi̯ńi̯ сказано выше. Вѣроятно, что эта склонность развилась у Агеева сильнѣе обыкновеннаго; принципіально же она согласуется съ наблюденіями надъ прочими говорами, ср. напр. въ Ив.

13. Къ консонантизму. Всѣ принципіальныя черты совпадаютъ съ Ив. (§§ 3, 4); къ разнымъ подробностямъ ср. приложеніе, § 19; упомянемъ здѣсь слѣдующія особенности.

č часто развивается въ š (pêš при pêč и мн. др.). — Разстояніе šž отъ šž не очень велико; это можетъ объяснить нѣкоторыя колебанія въ моихъ наблюденіяхъ, какъ paďóńšyk при -šik; ср. передъ ń vaĺéźńik, pъ-pŕéźńimu, но rušńïk ручникъ; подробнѣе въ Прил.

Нѣтъ границы между i̯ и j (часто ясно фрикативнымъ); считаю лучшимъ остаться при обозначеніи i̯. [i̯] имѣетъ то же значеніе какъ въ Ив.: въ скорой рѣчи особой артикуляціи «i̯» не замѣтно, въ медленномъ, отчетливомъ произношеніи оно выступаетъ, доказывая такимъ образомъ свое существованіе; въ положеніи какъ напр. máĺ̓ńki[i̯] вмѣсто особой артикуляціи i̯ замѣчается удлиненіе гласнаго i. — О мѣнѣ i̯i- : i- см. Прил. подъ вопр. 66. На прежнее, уже исчезнувшее i̯- указываютъ формы ḿêt̓, mat̓ (имѣть, имать). Встрѣчается иногда i̯-, составляющее дифтонгъ съ предшествующимъ гласнымъ; но при предшествующемъ согласномъ я слышалъ лишь полное i-, не редуцированное «i̯»; иначе съ u въ началѣ слова, о чемъ ниже.

Вопросъ о твердомъ примыканіи согласныхъ къ предшествующему гласному (Очеркъ 217) ставитъ наблюдателя въ тѣже затрудненія, что въ Ив. Вообще же твердаго примыканія вродѣ извѣстнаго изъ германскихъ языковъ я не слыхалъ. Даже въ a такой формы какъ kъʙát̄šik — или лучше, пожалуй, -tčik — я отмѣтилъ несомнѣнное убавленіе силы передъ примыканіемъ t, т. е. примыканіе нетвердое. Въ связи съ этимъ свойствомъ произношенія стоитъ, очевидно, мое колебаніе относительно произношенія т + с въ возвратныхъ формахъ (неопр. накл., 3 л. ед. и мн. ч.; въ обоихъ случаяхъ палатализація исчезаетъ); предпочитая сначала ts (ba[i̯]ïtsa, utirájútsa и под.), я потомъ все больше склонялся къ c (ďéɫaicà дѣлается и под.); къ послѣднему ср. напр. pácážen (-žón) пять саженъ. Относительно формъ сравнительной степени укажу на морфологію. Въ числительныхъ я отмѣтилъ то tc

(adʹïnnъtcàtʹ, то dc, ds (tŕïnádcàtʹ, dv́ïnádsъtʹ) — а это не подъ вліяніемъ привычки, но по несомнѣнному произношенію источника, встрѣчающемуся и въ прочихъ описываемыхъ говорахъ. Выборъ tc или ts, tč или tš зависитъ, конечно, отъ того, гдѣ по слуху начинается экспираторный толчокъ слѣдующаго слога. Описываемый говоръ несомнѣнно дѣлаетъ разницу во многихъ случаяхъ между č и tč (ср. напр. wóčiń очень, но pótčivʹtʹ, atčäwó и др); но какъ сказано, разница не сказывается въ томъ, что tč примыкаетъ твердо къ предшествующему гласному, въ противоположность къ č. Лишь въ единичныхъ случаяхъ я слышалъ что-то напоминающее германское твердое примыканіе, напр. въ сочетаніи -éńń- слова mašéńńik.

Вмѣсто -śtʹ имѣемъ, какъ въ Ив., правильно -ś: šêś daś jêś (ѣсть и есть) vółoś; jêstʹ (есть) можетъ быть заимствованіемъ [1]). Внутри слова tʹ теряется лишь спорадически; укажу на xŕiś[tʹ]jäńïń въ морф. — И -st теряетъ повидимому правильно t: pätʹ v́ors (но v́ɐrstá), Р. мн. ч. γńos (И. γńózdy гнѣзда), zv́os (zv́ózdy звѣзды); однако xołst.

Отношеніе v : w : u̯ во многомъ согласуется съ Ив., см. § 4; но ясное губно-зубное v встрѣчается очень часто. Я получилъ впечатлѣніе, будто употребленіе v расширяется за счетъ w; категорическаго разграниченія нѣтъ, можно слышать то и другое въ томъ же словѣ (žvatʹ и žwatʹ жевать); v особенно легко замѣщаетъ w въ началѣ слова; зато я вообще не замѣчалъ v послѣ гласнаго того же слога, гдѣ w колеблется съ явнымъ u̯: kŕäžbu̯ńik крыжовникъ, ľeu̯ левъ — Р. iľvá —, γałóbu̯ka (но γołowá или -vá), dvaróu̯ или -ow дворовъ, и т. д. Къ употребленію v, т. е. губно-зубной артикуляціи, особенно располагаетъ смягченіе: sv́ókъr, ńiv́éska невѣстка и под.; то же самое замѣчается въ Ив.; оно зависитъ, можетъ быть, отъ того, что v — удобнѣе для палатализаціи, потому что языкъ въ немъ болѣе свободенъ въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ при w; а именно, w склоняется прибавить къ своей билабіальной артикуляціи еще артикуляцію гласнаго u; въ w, какъ въ u̯, смягченіе — насколько оно развивается до осязательной степени — выражается лишь въ слабой перемѣнѣ положенія языка, по направленію къ ú, ü; поэтому, какъ между w и u̯, такъ также между ẃ и «мягкимъ u̯», т. е. ú̯ («dïŕéẃńä»: «dïŕéú̯ńä»), нѣтъ настоящей границы. Указанная перемѣна въ артикуляціи языка, хотя и «смягчаетъ» w, т. е. повышаетъ его собственный звукъ, но мало замѣтнымъ образомъ; разстояніе w : ẃ становится малень-

1) Форма jośʹ въ этомъ говорѣ повидимому не употребляется.

кимъ, легко теряется для слуха. Иначе w (v): v́; оно гораздо ярче выражаетъ принципіальную разницу мягкихъ оттѣнковъ отъ твердыхъ.

Несложовое u̯ какъ побочный слогъ въ началѣ слова встрѣчается часто (Очеркъ 206). При woš р. мн. u̯šeį[1]), далѣе напр. u̯śiγdá всегда, u̯čeráśńi[i̯], u̯-damú въ домѣ, u̯-načí въ ночи. Не въ связи съ предшествующимъ гласнымъ такое u̯ звучитъ какъ краткое, редуцированное, иногда безголосное u (ср. u̯̥-, [u̯̥]- въ прежнихъ моихъ описаніяхъ); однако, оно не разграничено отъ u- полнаго образованія, слогового, ср. формы какъ učóra, učiráśä вчерась, udъvá, utóŕńik (u̯-), unúk, uśó, u-ratú во рту и под. — вполнѣ какъ напр. udáŕiĭ ударилъ. На основаніи такого колебанія появились дальше формы какъ uẃizdé (uẃêzdé) вездѣ, wu-ratú (ср. выше u-ratú), u-wuu̯śéį dĭŕéu̯ńi во всей деревнѣ, u-wou̯śéx у всѣхъ (ср. u wadnóm dóḿä, u wastróγä, uwaįdĭť войти — но ušlĭ). О приставкѣ v-, w- передъ o, u ср. еще Прил., подъ вопр. 97.

14. Къ вокализму. Гласные оттѣнки соотвѣтствуютъ Ивонинскимъ. Стоитъ отмѣтить, что звукъ ê встрѣчается по произношенію Агеева чаще, чѣмъ въ Ив. Объ é особаго происхожденія въ извѣстныхъ ударяемыхъ мѣстоименныхъ окончаніяхъ скажу въ 15; но ê не ограничивается положеніемъ въ ударяемомъ слогѣ; ср. примѣры какъ sónce ṕêkéť, įĭvéń иней, γŕéb̂éń, kóŕêń, káḿêń, ďévéŕ (и ďévɛŕ? ср. Р. ďéviŕa); вернемся къ этой особенности ниже. — Къ оттѣнкамъ ä ů ü ö достаточно привести нѣсколько примѣровъ: śälʼó село, xvéďä Θедя, ṕäť, γovoŕáť, śádńi сегодня, moįá žená dŕäń (дрянь); nóśüť носятъ, ńä-plʼüu̯ не плюй, plʼüu̯ú, kŕučók; объ u̯ ср. въ 13; ö рѣдко, оно напр. въ śiľkóvičі звучало скорѣе какъ гласный низкаго, а не средняго образованія (ср. прибл. нѣм. ö въ hören). Какъ видно, условія появленія этихъ оттѣнковъ соотвѣтствуетъ Ив., и какъ тамъ нужно говорить не о «правилѣ», но лишь о «склонности»; при ů въ одномъ случаѣ, какое-нибудь porťaťúś поплачусь въ другомъ случаѣ выговаривается съ заднимъ u. Движеніе a > ä продолжается и въ Коб. весьма часто въ e (открытое); при śmiľéįä говорятъ -je, смѣлѣе, при razďäľíľiś ďeľíca дѣлится и т. д. Такое колебаніе, вмѣстѣ съ переходомъ e въ ê (ср. напр. ṕäkʼó пекло, но ṕêkéť печетъ), иногда затрудняетъ опредѣленіе вокализма съ исторической точки зрѣнія, о чемъ скажемъ ниже.

---

1) Поражаетъ открытое e.

Въ вопросѣ о напряженности гласныхъ наблюденія надъ моимъ источникомъ подтверждаютъ для Кобыльскаго говора общія мои заключенія изъ Ивонинскаго говора: относительная ясность, вычеканенность, а съ тѣмъ и степень напряженія стоитъ въ прямой связи съ относительнымъ вѣсомъ слога, т. е. вообще съ удареніемъ. Въ v́ïdï̯a видѣла можно обозначить ударяемое ï какъ «ï», напряженное, сравнительно съ ненапряженнымъ «i» второго слога; въ ńi-v́idáĭ оба предударныя i отмѣчены какъ тождественныя, ненапряженныя, а послѣударное какъ, пожалуй, еще болѣе ослабленное; «ĭ» въ ï̯izdaĭ соотвѣтствуетъ «i» въ izdaĭ́ (издали); у въ γгур грибъ — типичное напряженное у («ŷ»), корневое у въ γгуbý́ грибы — ненапряженное образованіе, ослабленное иногда замѣтно по направленію къ ъ; подобная разница замѣтна между двумя u слова tuĭúp (при toĭúp), — и т. д. Найдя въ вин. mukú, что и неударяемое и ударяемое u оба ненапряженныя, мы должны припомнить, что ударяемые гласные, по крайней мѣрѣ u и i, въ открытомъ концѣ слова склонны къ болѣе открытому произношенію; я указалъ на это для Ив. въ § 6, а въ свое время также для образованнаго русскаго (московскаго) произношенія; это одно изъ тѣхъ явленій, которыя перекрещиваютъ и иногда затемняютъ указанный общій принципъ въ степени напряженія гласныхъ, и которыя ждутъ еще подробнаго изслѣдованія.

15. Оттѣнки гласнаго ъ; его отношеніе къ у; начатки новаго «оканія». Относительно понятія ъ, его отношенія къ у и категорій, собранныхъ подъ нимъ оттѣнковъ, укажу на § 7. Въ Кобыльѣ, какъ въ Ив., предшествующій зубной звукъ вообще располагаетъ къ болѣе передней артикуляціи ъ, предшествующій велярный, а еще болѣе губной, къ болѣе задней артикуляціи его. Въ первомъ случаѣ (по крайней мѣрѣ въ положеніи не передъ губнымъ) можно опредѣлить ъ, хотя и принадлежащимъ еще къ заднему ряду, но уже съ высокимъ и переднимъ оттѣнкомъ, на границѣ средняго ряда; во второмъ случаѣ оно уходитъ взадъ и внизъ, принимая среднее положеніе задняго ряда (ср. артикуляцію языка при а и о), особенно ярко послѣ губныхъ. Въ первомъ случаѣ (напр. sъxá, пъkaśïĭ накосили, stъгъпá, zadvóгъk, žaĭúdъk, púzъ и под.) ъ поэтому роднится съ «ы»; но наблюдаются однако случаи (чаще послѣ ударенія, въ связи съ морфологическими явленіями?), гдѣ оттѣнокъ приближается къ а («ɑ»), напр. kaĭéпɑ колѣно; вообще же склонность къ нѣсколько болѣе переднимъ оттѣнкамъ послѣ зубного несомнѣнна и ясна.

Къ болѣе переднему образованію ъ склоняется далѣе подъ вліяніемъ слѣдующаго «мягкаго» звука, считая сюда и ï. Особенно сильно такое влія-

ніе сказывается, понятно, если ъ имѣетъ притомъ передъ собой звукъ зубной. Случаи какъ raƀ́ťьi̯u, dv́inádsьť произносятся отчасти со столь переднимъ «ъ», что перо невольно склоняется писать «raƀ́tyi̯u», «dv́inádsyť»; при ṕérvьi̯ (Д. Р. первой) соотвѣтствующее «тѣсной» могло звучать скорѣе «ťésnyi̯», dьi̯á́ť доятъ скорѣе какъ «dyi̯á́ť» и т. д. Это согласуется съ тѣмъ, что мы нашли въ Ив.; можно даже привести тождественные, типичные примѣры вродѣ «ná-nyč» (т. е. ná-nъč на ночь), «dyčká» (dъčká дочка).

Вполнѣ параллельное движеніе мы отмѣтили для Ив. въ гласномъ у (§ 7). Соображаясь съ этимъ наблюденіемъ, подтверждающимся и въ Кобыльѣ, мы вправѣ спросить, не считать ли результатомъ этого движенія то ê — напряженный гласный передняго ряда, высоты средней — которое видимъ въ Коб. на мѣстѣ ожидаемаго у въ извѣстныхъ мѣстоименныхъ и прилагательныхъ формахъ, р. жен. р. ед. ч. têi̯, и. мн. téi̯ä (при tyi̯ä), at xudéi̯ žańé отъ худой жены, moƚadéi̯, kasêi̯ и под., ƀaĺnéje žónu больныя жоны и т. д. Я знаю, что попытка объясненія такихъ формъ звуковымъ путемъ на почвѣ самаго Кобыльскаго говора рискована; однако, не можетъ не поражать, что такія формы (ср. морф.) найдены мною у Агеева лишь при условіи предшествующаго зубного и слѣдующаго мягкаго звука; это какъ разъ то положеніе, которое сильнѣе другихъ способствуетъ переходу у въ рядъ передній (ср. хоть бы произношеніе «тысяча», § 7); развитіе же гласнаго «напряженнаго» можно объяснить себѣ на основаніи соображеній о напряженіи въ 14, передъ слогомъ ударяемымъ, гдѣ гласный оттѣнокъ «ê» имѣется въ готовомъ видѣ на другомъ этимологическомъ основаніи и могъ бы абсорбировать оттѣнки, приближающіеся къ нему артикуляторно и акустически. Какъ сказано, такая попытка объясненія рискована; проще, повидимому, объяснить эти формы заимствованіемъ (ср. «худэй» и под. въ бѣлорусскомъ). Однако, къ приведенному звуковому ограниченію этихъ формъ въ Кобыльскомъ говорѣ (предполагаю, что оно не только индивидуально), присоединяется еще и другое обстоятельство, а именно наблюдаемыя мною иногда переходныя, колеблющіяся произношенія: въ какомъ-нибудь «лляной нитки нѣтъ» я слышалъ то aĺ̓anúi̯ (ńítki ńétu), то скорѣе -néi̯, то -nêi̯ — съ впечатлѣніемъ, что гласный какъ будто находится въ переходномъ состояніи отъ «у» въ «ê». Стоитъ хоть по этому обсуждать мои соображенія; если даже предположить заимствованіе, то звуковое развитіе самаго говора могло бы содѣйствовать появленію новыхъ формъ и ограничить его.

Возвращаемся къ ъ. Какъ сказано, послѣ велярныхъ, и еще отчетливѣе послѣ губныхъ согласныхъ (особенно, конечно, если нѣтъ мягкаго звука послѣ ъ), оно склоняется къ болѣе задней артикуляціи; добавимъ однако:

безъ яснаго, категорическаго разграниченія отъ оттѣнковъ послѣ зубныхъ. Такіе задніе оттѣнки ъ, по артикуляціи языка уже принадлежащіе или же близкіе къ области образованія о, получаютъ въ Кобыльѣ добавочную артикуляцію въ широкомъ объемѣ: округленіе губъ. Сужу по произношенію Агеева; можетъ быть, что данная черта особенно развита у него и въ такомъ сильномъ развитіи нѣсколько индивидуальна; вообще же это не индивидуальное явленіе, оно встрѣчается и въ другихъ говорахъ этихъ мѣстностей. Результатомъ является то переходный звукъ между ъ и о (который оставляю при знакѣ ъ), то полное о, совпадающее съ этимологическимъ о и потому, конечно, передаваемое этимъ же знакомъ. На такомъ основаніи развилось новаго рода «оканіе», примѣры котораго встрѣчаются то и дѣло въ моемъ описаніи. Легко видно, что это явленіе не обставлено опредѣленными границами; напротивъ, можно слышать напр. и vorotá и vъrъtá и vorъtá (ворота) и вообще сильнѣйшую смѣсь (см. далѣе въ § 17). А такъ какъ кромѣ того этимологическое «ъ», какъ уже выше сказано, можетъ приближаться къ а («ɑ»), далѣе нерѣдко (хотя и отчасти не собственно по звуковымъ причинамъ) замѣщается чистымъ а — напр. aŕeχí орѣхи, χaľadnó вм. хъ-, то всѣмъ будетъ ясно, какъ сильно и такъ сказать произвольно расходится нынѣшній строй и составъ говора въ данной области вокализма съ предполагаемой этимологической точкой отправленія: на мѣстѣ одной этимологической величины «ъ» мы должны считаться съ цѣлымъ рядомъ гласныхъ: (у) — ъ — о — ɑ и а, не говоря уже о спорадическихъ переходахъ еще въ другіе гласные (напр. durukа́ вм. *durъkа́) и о расширеніи области «ъ» внѣ собственныхъ границъ (ср. напр. развитіе ы въ случаѣ какъ ńiboĺá не была). О всемъ этомъ подробнѣе въ § 17.

16. Къ палатализаціи и лабіо-веляризаціи. Исключая существованіе твердыхъ зубныхъ передъ ê въ формахъ tê̯, moľadé̯, baĺnê̯e и под. (15), мы не замѣчаемъ принципіальныхъ отклоненій отъ Ив. въ явленіяхъ палатализаціи. Кобыльское произношеніе ясно подтверждаетъ выставленное въ 8 соображеніе, что палатализація проявляется въ сильнѣйшей степени въ ударяемыхъ, чѣмъ въ неударяемыхъ слогахъ — въ связи съ общей большею артикуляціонной энергіей ударяемаго слога. Можно, какъ для Ив., считать степень палатализаціи въ ударяемыхъ слогахъ «ê'овой», лишь изрѣдка еще высшей (особенно при ś, ź?), а въ неударяемыхъ слогахъ скорѣе «е'овой»; ср. соображенія въ § 8.

Слѣдовъ «дзеканія» я не замѣчалъ и въ Кобыльѣ; переходные звуки передъ мягкими согласными и послѣ нихъ, вообще, не отличаются сильно, напр.,

отъ московскаго произношенія. Колебаніе замѣчаю въ своемъ матеріалѣ относительно ̯ послѣ согласнаго; вообще оно сохраняется ясно: za rǒžu̯, druž̯áḿi и мн. др.; но есть случаи абсорпціи ̯ предшествующимъ сонорнымъ согласнымъ, напр. при sv́iń̯á, -ń̯u также sv́iń̯u; по моимъ наблюденіямъ, обратно переходный звукъ послѣ мягкаго согласнаго можетъ развиться въ полное ̯: xъź̯á̯ĭkă, и даже, съ перемѣщеніемъ верха слога: «žań̯ĭe̯», при žań̯é женѣ.

Особенности въ палатализаціи v w u̯ указаны въ § 13. Добавимъ, что мягкость губныхъ потеряна въ концѣ слова: śem семь, wǒśim восемь. Я затруднялся въ опредѣленіи b, p передъ ̯ въ наст. вр. глаголовъ бить и пить; иногда я слышалъ b̯, p̯: «b̯ie̯ť i̯é» бьетъ ее, «v́incá vý́p̯im», p̯eš и под. — ср., при ̯ другого происхожденія, rub̯ú рублю, ŀav́i̯ú ловлю; иногда же губные отмѣчены у меня твердыми: b̯u b̯eš (новѣе b̯oš) и т. д., p̯u p̯eš и пр. Найдемъ въ говорахъ дальше къ западу несомнѣнно твердое произношеніе.

Къ ассимиляціи внутри группъ согласныхъ отмѣтимъ слѣдующіе моменты. Смягченіе зубныхъ, кромѣ ŀ, передъ мягкимъ зубнымъ иногда слабо развито, ср. Ив., § 8; напр. n и d тверды передъ ŕ въ andŕúxъ, u andŕéi̯ă; иначе, если r стоитъ впереди: dvórńik, kaŕźína и под. [1]). — Передъ мягкимъ губнымъ зубной правильно смягчается: śvetĺъi̯, čétv́irα, dv́ĭnuť, kaŕḿĭť и т. д. — Губной же передъ мягкимъ зубнымъ, по моимъ наблюденіямъ, вообще, не смягчается: źimĺă P. źämlĭ, xĺébńik, dĭšéu̯ĺă, umŕéš, ɣŕébńi P. ɣŕébńou̯, kŕépčă, aṇ́ý rgъźáblĭ и под. Однако, слухъ мой иногда колебался, напр., не только относительно b въ rublă рубля, p въ pŕeżńi̯i, но есть случаи, гдѣ вокализмъ указываетъ на мягкость; ср. ê (и u̯) въ dĭŕéu̯ńă, и ê же, не смотря на b, въ śiŕébŕinъi̯ă серебряная; мягкое b я отмѣтилъ въ učóbńik учебникъ, и передъ ŕ въ bŕiť брить. — Судьба велярнаго передъ мягкимъ зубнымъ различна; передъ ŕ имѣю ɣ, x́ въ ɣŕébêń, xŕiś[ť]i̯ăńĭń, ɣŕiɣóŕe̯; но передъ ĺ видимъ k и ɣ въ śpăklĭ спекли, klon, klĭn, klé̯i, śéklĭ (не ê!), uťăklĭ утекли (здѣсь я, впрочемъ, колебался), ɣlê̯i, ɣlĭna; x твердо передъ ť въ P. dóxťu (dóɣъť деготь), k передъ ń въ k-ńê̯i къ ней, kńíx, kńíɣou̯ (книгъ). — Къ зубному передъ мягкимъ велярнымъ ср. ŕ въ śêŕɣé̯i (śiŕ-); къ велярному передъ

1) Соображаясь съ замѣтками, данными выше о болѣе низкой степени палатализаціи въ неударяемомъ слогѣ, мы понимаемъ, что «будьте» звучитъ «butte», какъ будто съ потерей мягкости для всего сочетанія tt. Подобно тому и мягкость -ť въ 3 л. и въ неопр. накл. глаголовъ легко исчезаетъ акустически передъ t-.

мягкимъ зубнымъ ср. t̑imъx́v́ę̑. О š передъ ń ср. замѣтку въ § 13, съ указаніемъ на Прил.

Велярные послѣ i въ концѣ слова сохраняютъ твердость, какъ вообще въ русскомъ: ḿéĺńik, kńix книгъ. Внутри слова k часто смягчается предшествующимъ мягкимъ согласнымъ: xъźd́ąd́kä, tólḱä только, xaróšuńḱɛ̨ и под., см. Прил. подъ вопр. 110.

er передъ твердымъ велярнымъ или губнымъ согласнымъ колеблется, какъ въ Ив. Передъ велярнымъ ср. cérkwa, но v́éŕx, ś-v́éŕxu (неуд. v́éŕxóm), čit́v́éŕx четвергъ, źéŕkał̑a зеркало, р. мн. ч. źéŕkъł̑ow; въ неударяемомъ положеніи šit́v́iŕgá съ четверга, и. мн. źɛrkał̑á зеркалá, но ŕ въ kъčiŕgá коча черга. Передъ губнымъ: śerp, d́éŕba верба, ṕéŕvъd́ и ṕéŕvъd́ (также ṕervój̨), śṕéŕwa сперва; въ неударяемомъ положеніи ср., кромѣ ṕervój̨, śpirwá (сперва, ср. выше śṕéŕwa), čirgáŕ (čɛr-, черпать).

О labio-веляризаціи могу высказаться нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ въ § 8. Она выступаетъ въ Кобыльѣ вообще не сильно, все же осязательно при велярныхъ передъ o: «kaga'γ"ót» хороводъ, «ik"ónа» икона. При губныхъ (por, box р. bóγu, źimójų), ł (łop лобъ), а такъ же при r (d́á ńi próč) я ея не замѣчалъ. И при k γ x она иногда какъ будто исчезаетъ совершенно. Вообще трудно считать ее чертой постоянной или особенно характерной въ описываемомъ говорѣ.

17. Вокализмъ съ исторической точки зрѣнія; соображенія объ его происхожденіи. Принципіальныя линіи въ развитіи вокализма совпадаютъ съ Ив.; о вокализмѣ ударяемыхъ слоговъ потому не надо говорить.

Въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ видимъ извѣстную намъ мѣну, съ одной стороны ъ (o, ɑ, изрѣдка «y», см. § 15), съ другой стороны a, въ зависимости отъ гласнаго ударяемаго слога: xrъtmája — но P. xramýd̨, sъxá — но B. saxú, trowá (trъwá) — trawú, pъtъłkłá потолкла — но мн. ч. pъtaŕkłï, pošłá — но pašóŕ, pašlï, и т. д. и т. д.

Судя по моему матеріалу, исключенія rѣдки, рѣже, чѣмъ въ Ив., а объясняются они, вообще, какъ тамъ (§ 9). Стоитъ обратить вниманіе на случаи какъ aźábnu, прош. aźáp; ъ отмѣчено у меня въ абсолютномъ началѣ слова лишь въ р. ъmxá (mox, мохъ) и прилаг. ъmxawój̨; a- же представляется правиломъ не только тамъ, гдѣ ждемъ его въ согласіи съ общими правилами (aśmúškъ осьмушка, adnó, aď́ózъ одёжа, av́ós или wav́ós овесъ), но также передъ á (ср. выше aźábnu, aźáp, далѣе atkázywaŕ), и даже въ слогѣ дальше отъ ударяемаго (atkɑzáŕ, aŕexï, abńimú, acańïť оцѣнить, abasój̨ босой, alľanój̨ ж. alľinájɑ); т. е., въ абсолютномъ началѣ говоръ склоняется

ввести вмѣсто ъ a-; та же самая склонность замѣтна въ Ив., но въ Коб. она повела, повидимому, еще дальше.

Мѣна i (ɛ): 'a ('ä, 'e) опять соотвѣтствуетъ вообще Ив.: ńisʹa — ńesĺĭ, vísná — väsnú, śɛĺá — šäĺó, svítája vodá — svätýi̯ vadý, slízá — sleźínka, ďiťám — ďeťḿĭ, śiŕibrá — śiŕäbró, aĺĭnája — aĺĭanói̯, и т. д. и т. д. Однако, вникая въ матеріалъ, мы, на основаніи Кобыльскаго произношенія, можемъ подчеркнуть явленія, для освѣщенія которыхъ матеріалъ изъ Ив. былъ недостаточнымъ. Оставимъ въ сторонѣ такія исключенія отъ очевиднаго главнаго принципа какъ напр. aná (при iná отъ i̯ona) или ďeržáĺ вмѣсто ожидаемаго ďĭr-, а обратно ďŕiḿú вм. ожидаемаго ďŕe-, ńimnóγъ при ńämnóγъ, отклоненія, объяснимыя здѣсь, какъ и въ Ив. (§ 9), заимствованіемъ (aná) или близкой аналогіей (ср. правильное ďeržú, ďäržú — или, обратно, правильное прош. ďŕimáĺ, ńi въ выраженіяхъ какъ ńi dáĺ, и под.). Но кромѣ такихъ находимъ цѣлый рядъ другихъ отклоненій отъ предполагаемаго принципа, широкій рядъ примѣровъ i (ɛ, ê) *передъ ударяемымъ слогомъ, содержащимъ гласный* e. Такъ, ťiv́éť реветъ при 1. л. ťävú, źiĺézъ желѣзо, ďéŕéu̯ńä (ďiŕ-) со всѣми падежами, ńiśéš ńiśéť и т. д. при 1. л. ńasú несу, pĺêťéš — pĺätú, γńiťéš — γńätú, śêkéš — śakú, zъpŕiγéš — zъpŕaγú, и такъ вообще правильно въ глаголахъ этого типа (см. морф.), также ṕiji̯éš ṕiji̯éť поешь поетъ при 1. л. ṕeji̯ú, 3 мн. ṕeji̯úť; ср. далѣе неопр. ďêŕéš беречь, sťêŕéš стеречь; pĺiḿéńńiki, ťiśéda, ťiĺéγъ, ĭipéškъ, ďêŕéḿä (ďɛr-, бремя), ĭikséi̯ Алексѣй (какъ передъ a въ ĭiksándrъ), sviššéńńik священникъ, p. pĺičéi̯ (pĺéči плечи), м. śiĺé къ śaĺó село, tŕiťéi̯ (при tŕéťii̯ третій), viŕiďéi̯ (какъ и p. viŕiďi̯á, но p. мн. viŕäďóu̯) «веребей», uźizďé вездѣ, sḿiĺéi̯ä смѣлѣе, ičḿéń ячмень и др. Приведемъ еще изъ глаголовъ на -ѣть напр. γŕiḿéĺ, γĭďéĺ (но наст. вр. γĭäžú γĭeďíš), véĺéĺ ж. víĺéĺo (но наст. вр. véĺú véĺíš), pťica ĭiťéĺa, неопр. ĭiťéť (но наст. вр. ĭeťíť), zvíńéĺ. Вообще i (ɛ, ê) передъ ударяемымъ e, все равно é или ế, по моему матеріалу представляется правиломъ для Кобыльскаго говора; есть примѣры также передъ e перешедшее въ 'o: ŕiďópъk, viŕóu̯kъ веревка, ďiŕózъ, ďiŕóm (р. мн. ч. отъ ďeŕéma бремя), ḿiššóck Мещовскъ, víďóŕ ведеръ (впрочемъ, также véďóŕ, ср. ед. ч. väd'ró, мн. ч. vódry), čéŕówъ «черёва», ср. тв. «ńizdaróu̯ čiŕówoi̯ú». Припомнимъ, что Ивонинскій матеріалъ показываетъ нѣсколько иную картину; достаточно повторить изъ § 9 примѣры, какъ däŕéu̯ńä, läṕéška, ṕreďéš прядешь, ръγläďéť, u̯läťéĺ; но въ то же время замѣчаемъ и тамъ сильную склонность къ i (ɛ) передъ ударяемымъ e; притомъ поражаетъ соотвѣтствіе въ извѣстныхъ категоріяхъ принадлежащихъ сюда примѣровъ; видимъ въ Ив. тѣже самыя глагольныя формы ńśéš, ḿɛťéť и т. д., какъ въ Коб. — хотя и съ исключеніями, далѣе

группу формъ глаголовъ на -ѣть, zv́iń́ѣ́ť ťirṕѣ́ť γŕiḿѣ́ť γŕiḿé́ł и т. д. — хотя опять не безъ исключеній (γl̈aď́ѣ́ť и др., ср. § 9).

Такое соотвѣтствіе врядъ ли можетъ быть случайнымъ. Нужно подыскать общую причину. Объяснить всѣ такія i (ɛ, ê) передъ ударяемымъ e аналогіей по формамъ, гдѣ вмѣсто e стоитъ á, по моему нѣтъ основаній — отчасти прямо невозможно подыскать родственныя формы съ такимъ á. А если въ Ив. представлялось возможнымъ предположить, что иныя изъ этихъ ɛ-i появились какъ результатъ дальнѣйшаго развитія того звукового принципа, вслѣдствіе котораго 'a подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго звука переходитъ въ 'ä и далѣе часто въ 'e — то отъ такой попытки объясненія надо отказаться при видѣ послѣдовательности упоминаемаго явленія въ Кобыльѣ. Мягкость окружающихъ согласныхъ можетъ довести 'a черезъ 'ä именно до (открытаго) e включительно, но не дальше; иначе нельзя понять, почему въ слогѣ передъ ï находимъ правильно какъ разъ 'a 'ä 'e — но не ê, ɛ, i; ср. напр. при ḿiťéš метешь ḿeťï мети, при śėḱéš сѣчешь śeḱï сѣки, при ṕikéš печешь и pikłá пекла ṕäklï пекли, при zarŕiγéš запряжешь zarŕaγlï запрягли; далѣе γlid́éł, но γl̈ed́ïš, ľiťéť ľiťéła, но ľeťïť летитъ, па ḿälï на мели, и sťerï въ степи, v́aršýna вершина и др.; легко объяснимыя отклоненія какъ zv́iń́ïť звенитъ вмѣсто ожидаемаго zv́a- или zv́e- (аналогично по zv́iń́éł, zv́iń́ѣ́ť и др.) не значатъ здѣсь ничего, онѣ скорѣе подтверждаютъ принципіальное правило.

Очевидно, надо искать объясненія упоминаемаго i (ɛ, ê) передъ слогомъ съ ударяемымъ e въ старшихъ отношеніяхъ, общихъ для всѣхъ здѣсь описываемыхъ и еще много другихъ говоровъ. Изслѣдованіе этихъ отношеній и выясненіе ихъ не входитъ собственно въ задачу описанія говоровъ; но такъ какъ выясненіе, по моему, нужно строить отчасти на явленіяхъ, замѣтныхъ до сихъ поръ въ живомъ произношеніи именно здѣсь описываемыхъ говоровъ, то считаю не лишнимъ внести нѣсколько соображеній для обсужденія. Мѣна sъxá: saxú, śistra: śastrý повидимому связана сначала съ отношеніями долготы въ ударяемомъ и предшествующемъ слогахъ [1]). На это, по моему, прямо указываетъ упомянутая мною изъ старомоднаго произношенія въ Ивонинѣ съ окрестностью особенность, что въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ, ъ выговаривается кратко, между тѣмъ какъ а удлиняется (прочіе гласные можно пока оставить въ сторонѣ); говорятъ

1) Присоединяясь въ такомъ принципіальномъ предположеніи къ соображеніямъ, высказаннымъ мнѣ въ разговорѣ Шахматовымъ. Ср. корр. нота ниже.

«sъ̆xá», но «sāxú». Эта противоположность не можетъ быть новой и случайной, она очевидно — старое наслѣдство. Но ъ и а предударнаго слога появились оба на основаніи редуцированнаго гласнаго, какого то «ɑ», въ которомъ уже раньше совпали всѣ о и а въ данномъ слогѣ; значитъ, «ɑ» распалось въ «ɑ̆», до сихъ поръ сохранившее краткость редуцированнаго гласнаго въ «ъ̆» описываемыхъ говоровъ, и въ «ɑ̄», развившееся потомъ въ полное а. Какъ еще видно, это распаденіе зависитъ отъ факторовъ слѣдующаго, ударяемаго слога. Теперь дѣло имѣетъ видъ, будто опредѣляющимъ моментомъ было качество ударяемаго гласнаго (ср. ъ передъ á, съ а передъ прочими гласными); но это развитіе, вѣроятно, вторичное, происшедшее на основаніи отношенія количественнаго свойства. Можно предположить, что появленіе «ɑ̆»: «ɑ̄» (а) зависѣло сначала отъ *долготы* слѣдующаго, ударяемаго гласнаго; а если это соображеніе правильно, то количественная формула всего развитія дается сама собою; получаемъ съ одной стороны ⏑ ⏑́, съ другой – ⏑́, т. е., передъ долгимъ ударяемымъ гласнымъ краткость, а передъ краткимъ ударяемымъ долготу. Для живого представленія о такихъ долготныхъ отношеніяхъ нужно имѣть въ виду произношеніе безъ особенно сильнаго экспираторнаго ударенія, болѣе «по слогамъ», въ спокойномъ и медленномъ темпѣ — остатки чего до сихъ поръ ясно наблюдаются въ Ивонинскомъ произношеніи (§ 2); что краткость предударнаго ъ сохраняется тамъ, мы уже знаемъ, а по § 2 въ старомодномъ произношеніи этого и окружающихъ говоровъ сохраняются также и сильные слѣды долготы слога передъ ударяемымъ, если послѣдній содержалъ гласный сначала краткій: припомнимъ сильную склонность къ удлиненію гласнаго предударнаго слога, если этотъ гласный — не ъ. Эта долгота вѣроятно и вызвала ту склонность къ высокой интонаціи въ слогѣ передъ ударяемымъ, которая такъ характерна для этого же произношенія (§ 2), но которая, вмѣстѣ съ долготой, все болѣе уступаетъ мѣсто новымъ долготнымъ и интонаціоннымъ отношеніямъ. — Если же распаденіе предударнаго «ɑ» въ нынѣшнія ъ и а зависѣло отъ *количества* слѣдующаго ударяемаго слога (гласнаго), то спрашивается, какого происхожденія долгота: краткость гласнаго ударяемаго слога. Съ первоначальными количественными отношеніями общеславянской и общерусской эпохъ эти ударяемыя долготы: краткости не имѣютъ, повидимому, никакой прямой связи. Онѣ выросли, напротивъ, по исчезновеніи старшихъ, этимологическихъ количественныхъ отношеній. За то обзоръ говоровъ, интересующихъ насъ въ данномъ вопросѣ, показываетъ, что ударяемому а правильно предшествуетъ ъ, т. е. краткость, ударяемымъ же i, u, y, т. е. гласнымъ высокаго образованія, такъ же пра-

вильно предшествуетъ а, т. е. долгота. Заключаю изъ этого, что рѣчь идетъ о количествѣ «натурой»; á было натурой «долгимъ», ĭ и пр. натурой «краткими» гласными. Можно предположить, что такая разница зависитъ отъ того признаннаго явленія, что при обстоятельствахъ, въ остальномъ тождественныхъ, гласный вообще тѣмъ длиннѣе, чѣмъ его образованіе шире [1]).

Я говорилъ выше лишь о судьбѣ «α», о его распаденіи въ ъ : а. Безъ дальнѣйшихъ объясненій понятно, что развитіе śistrá: śastrú происходило подобнымъ образомъ: гласные е ѣ о а предударнаго слога послѣ мягкаго звука сначала совпали въ какомъ то «ирраціональномъ гласномъ» передняго ряда, «ε»; а изъ него развились «ε̆» передъ ̆, то что нынѣ имѣемъ въ предударномъ і (ε, ê), а съ другой стороны «ε̄» передъ ̄, то что отражается нынѣ въ 'а ('ä, 'e). Здѣсь, какъ и выше, долготное отношеніе надо считать основой развитія.

Но, какъ указано, это отношеніе повело сейчасъ же къ альтернаціи въ извѣстныхъ случаяхъ разныхъ гласныхъ оттѣнковъ въ предударномъ слогѣ. А съ потерей — вполнѣ или отчасти — старшихъ количественныхъ осязаній, психологическій центръ тяжести могъ постепенно перемѣщаться, давая мѣсто осязанію, что слогу передъ извѣстными ударяемыми гласными, прежде всего á, принадлежатъ гласныя артикуляціи самаго ослабленнаго вида, т. е. оттѣнки задняго и передняго относительныхъ индифферентныхъ гласныхъ укладовъ, въ противоположность положенію передъ прочими ударяемыми гласными. На основаніи этого, очевидно, объясняется рядъ позднѣйшихъ случаевъ съ ъ передъ á, гдѣ ъ не изъ старшаго о-а. Къ этому вернемся ниже; а передъ тѣмъ остается сказать еще о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ і (ε, ê) въ слогѣ передъ ударяемымъ е, которые вызвали мои замѣтки о предполагаемой основѣ для мѣны съхá: saxú, śistrá: śastrú и под.

---

1) Укажу на измѣренія E. A. Meyer въ «Englische Lautdauer», въ «Zur vokaldauer im deutschen» (Nordiska Studier tillegnade Noreen, Upsala 1904), и въ «Zur phonetik der ungarischen sprache» въ Monde oriental II. Я обязанъ этими указаніями г-дамъ Gauthiot и Meillet; одна замѣтка послѣдняго въ его Aperçu d'une histoire de la langue Grecque обратила мое вниманіе на возможность даннаго здѣсь объясненія «количества натурой». — О попыткахъ объясненія принадлежащихъ сюда явленій у Шахматова въ статьѣ «Аканіе», въ Сборникѣ въ честь Фортунатову, достаточно сказать, что считаю ихъ неудовлетворительными.

Соображаясь со сказаннымъ выше о количествѣ гласныхъ «натурой», мы понимаемъ противоположность i, u : a, и понимаемъ также, что между этими крайними точками лежатъ промежуточныя ступени, гласные категорій o и e, съ возможностью присоединиться къ «краткимъ» или къ «долгимъ» гласнымъ, вполнѣ или отчасти, въ зависимости отъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть различными для разныхъ говоровъ, разныхъ оттѣнковъ гласнаго, разныхъ группъ словъ и т. д. Указанные многочисленные случаи ɣŕiḿéĺ, sḿiĺ́éjä, ńiśéš, biśéda и т. д. по моему объясняются прямо изъ вышеназваннаго ритмическаго принципа ◡ ⏑ : – ◡ ; i передъ é указываетъ въ такомъ случаѣ на типъ ◡ ⏑; т. е., къ гласнымъ относительно долгимъ принадлежало въ говорахъ, которые легли въ основаніе здѣсь описываемыхъ, кромѣ a также e (вообще или отчасти).

Съ перваго взгляда такое заключеніе рисковано. Трудно, во-первыхъ, объяснить то обстоятельство, что не видимъ случаевъ ъ въ слогѣ передъ é, ḗ; по крайней мѣрѣ, мой матеріалъ не даетъ примѣровъ — встрѣчаемъ всюду лишь a передъ é (ɣaŕéĺ, не напр. *ɣъŕét или *ɣoŕéĺ), какъ передъ ï (ɣaŕïť) и прочими гласными, исключая á (ɣoŕáť) [1]). Трудно, далѣе, и то, что исключенія отъ i (ɛ, ê) передъ é-ḗ, сравнительно съ положеніемъ передъ á, часто встрѣчаются при общемъ обзорѣ говоровъ, и далеко не всѣ удобно объясняются изъ введенія, путемъ аналогіи, другого гласнаго. Возможнымъ рѣшеніемъ такихъ трудностей считаю предположеніе, что во время дѣйствія упомянутаго ритмическаго принципа наши говоры имѣли «é» (ударяемые слоги съ гласнымъ элементомъ e) частью долгія, частью краткія. Съ потерей этой разницы, основаніе которой намъ теперь не видно, самый принципъ ’a:i (a:ъ) въ предшествующемъ слогѣ ступевался, существовавшія, можетъ быть, ъ передъ ḗ вытѣснялись, а разница i:’a, смотря по слѣдующему ḗ или ḗ, поддерживалась традиціей лишь отчасти. Не зная разграниченія предполагаемой количественной разницы внутри слоговъ съ é, мы не въ состояніи и дойти до ея происхожденія. Соображаясь съ почти постояннымъ i передъ é, ḗ изъ старшаго ѣ въ глаголахъ на -ѣть, а также въ формахъ какъ uwizdḗ вездѣ, sḿiĺ́éjä смѣлѣе, м. śiĺé отъ śaĺó село, можно было бы спросить, не вошло ли вообще старшее ѣ въ упомянутый ритми-

1) На единичныхъ случаяхъ вродѣ α примѣра αt-jéťъγъ или dъ въ «at-wutra dъ-véčira», ъ въ ťimъxvéj Тимофей, не осмѣливаюсь строить заключеній.

тическій принципъ какъ долгота; но дальше неопредѣленныхъ предположеній мой матеріалъ во всякомъ случаѣ не поведетъ[1]).

На мѣстѣ предполагаемаго ритмическаго принципа осталось потомъ, какъ затронуто выше, такое осязаніе, что слогу передъ ударяемымъ á свойственъ гласный «ирраціональный», т. е. послѣ мягкаго согласнаго i (ɛ, ê), послѣ твердаго ъ (ɑ, o). Это и объясняетъ не малую часть случаевъ, въ которыхъ находимъ въ предударномъ слогѣ гласный «ирраціональный» на мѣстѣ такихъ, которые по принципіальному развитію остались въ старшемъ видѣ, а именно гласныхъ высокаго образованія. Звукъ i, конечно, можно оставить въ сторонѣ; редукція въ «передній ирраціональный гласный» дала бы какъ результатъ опять «i». Звукъ u остается вообще нетронутымъ (о случаѣ какъ tolʹúp не стоитъ говорить[2]). За то старое у (ы) отмѣчено въ предударномъ слогѣ въ Кобыльѣ нерѣдко или какъ переходное къ ъ, или какъ несомнѣнное ъ (o, ɑ), переходившее иногда подъ вліяніемъ сосѣдняго гласнаго далѣе въ u. Ограничимся случаями полнаго и несомнѣннаго перехода: при bʺɨlʹá говорятъ также bʺɨlʹá, bolʹá; slʹɨxáĭ; vodá astɨvájiťʹ; nɨʹáťʹ; zaγɨzáʹɨ загрызала; umɨvácɨ умываться (bʺuvájů бываю — сомнительно); na kɨstɨʹɨáx на костыляхъ; ср. отъ ы послѣ š ž, dɨžɨdájiťʹ дожидаетъ, staršɑná старшина (но -šyńé); приведемъ еще «ɟon pʹídiťʹ kɨʹɨ̈noɯ dńu» вм. ky-, онъ придетъ къ Ильиному дню, sɨrówɨja (xaʹɨstʹɨna), если sɨr- изъ syr- (ср. прим. выше). Какъ показываютъ послѣдніе примѣры, а далѣе еще напр. puznʹók пузырекъ, mužukʹí, есть случаи перехода u въ ɨ также передъ другими гласными; но это лишь рѣдкія исключенія; преобладающее большинство имѣется передъ á, а изъ прочихъ случаевъ иные стоятъ рядомъ съ таковыми же передъ á (mužukʹí: ср. mužuká, mužukám и т. д.), такъ что

---

1) Уже во время печатанія настоящаго труда я получилъ Выпускъ 11,1 Энциклопедіи Славянской Филологіи, въ которомъ Шахматовъ развиваетъ свои широкія, въ высшей степени интересныя соображенія о всѣхъ тѣхъ количественныхъ и другихъ явленіяхъ, въ которыя здѣсь описываемыя отношенія входятъ какъ частичное развитіе. Подъ вліяніемъ его доводовъ мои мнѣнія должны болѣе или менѣе измѣняться; разные вопросы у меня поставлены вообще слишкомъ узко; но перемѣнить все мое изложеніе, къ сожалѣнію, невозможно; потому оставляю его нетронутымъ. Корр. нота.

2) Въ сторонѣ оставляю также «kakúška kakújiťʹ» — при zʺkukuwáʹɨ; въ sɨrówɨja (xaʹɨstʹɨna) первое ъ не скорѣе ли изъ ы? Ср. ниже. Припомнимъ, впрочемъ, что такія отдѣльныя слова легко переходятъ съ одного говора въ другой.

они могутъ имѣть свое ъ (u) по аналогіи; при томъ наблюдаются такія альтернаціи какъ staršɐ̈ná: staršyńé (выше), kъstъĺáx: kъstyĺõu̯, bъĺá; byĺó (*bъĺó я не слыхалъ), zaγrъzáĺo: γryźéť грызетъ. Все это оставляетъ внѣ сомнѣнія, что мы стоимъ передъ распространеніемъ на рядъ случаевъ съ у въ предударномъ слогѣ того принципа, который видимъ при старшихъ o-a въ томъ же слогѣ: trъwá (trowá) — trawú и под. Что это распространеніе пошло въ Кобыльѣ, можетъ быть, нѣсколько дальше другихъ говоровъ того же типа, можетъ стоять въ связи съ тѣмъ общимъ уменьшеніемъ «вѣса» предударнаго слога, которое мы указали изъ произношенія Агѳева въ § 12. Съ такимъ уменьшеніемъ вѣса, но вѣроятно уже въ старшей эпохѣ, и при томъ болѣе или менѣе общимъ для всѣхъ говоровъ даннаго типа, связывается вѣроятно полная потеря гласнаго элемента въ случаяхъ какъ koławý колоколá, s-kъławłõm, kъrváį, tъrkánу — выпаденіе, являющееся здѣсь, какъ и въ сосѣднихъ говорахъ, чаще въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ, по общему правилу самыхъ слабовѣсныхъ: kóĺkъĺ, kъĺkъĺá; ĺikśéį, ĺiksándrъ (вм. ъĺ-); virťänó веретено, pirńäšĺ, pirváźĺ, pirvärnúť (по pirävóźiť, piŕänóśiť); иначе объясняется исчезновеніе і въ словахъ какъ spuγáĺśɛ испугался, ḿäńĺ'ny имянины (при ĵĭḿä).

Затрудненіе причиняетъ, наконецъ, какъ и въ Ив., рѣшеніе развитія гласнаго элемента предударнаго слога послѣ шипящаго согласнаго. Рядъ случаевъ согласуется съ извѣстнымъ намъ принципомъ, ср. žańĺ'x женихъ, žańĺ'śa женился, šastóį шестой, žaĺúdъk желудокъ, žaĺtóį (при žóĺtъį желтый), na łošädĺ, na płoššäťĺ на площади (NB t), časý часы, šatýŕi четыре — но žъŕá жара, šъršáwoja (šor-) шершавая, žołá[į]ĺiť желаетъ; на «ъ» указываетъ, пожалуй, также u случаевъ какъ mužuká (и -kĭ, ср. выше), kružuwá кружева; однако, не забудемъ, что такія отдѣльныя слова и формы легко перенимаются изъ говора въ говоръ; нелегко установить, гдѣ они появились прежде. ža, ša не позволяютъ рѣшить, считать ли задній или передній ирраціональный гласный исходной точкой — какъ тотъ, такъ и другой дали бы a. žъ šъ (žo šo) съ перваго взгляда указываютъ на исходную точку уже съ твердымъ шипящимъ, иначе можно бы ждать žy šy; съ такимъ, т. е. съ продолженіемъ старшаго «ži» (ср. напр. žyvéť живетъ) дѣйствительно отмѣчены «žyĺéįu jäγó» жалѣю его (NB, у въ слогѣ передъ ĕ, ср. разсужденія выше), šysnádcъť шестнадцать; съ тѣмъ согласуются примѣры, какъ kъčiŕγá, čirńec чернецъ, čitvérx четвергъ, и даже čisnóį (при césnъį честный; і поражаетъ); а имъ не противорѣчатъ приведенныя выше šatýŕi (т. е. č-), časý. Но какъ мы видѣли выше, мы не можемъ быть вполнѣ увѣренными, чтобы šъ, žъ передъ á (žъŕá и под.) не по-

явились въ очень позднее время какъ ослабленный оттѣнокъ у (напр. dъžъdái̯iť дожидаетъ). Затрудненіемъ къ тому является рядъ случаевъ, гдѣ мой слухъ или не могъ уловить, какъ опредѣлить гласный въ данномъ положеніи, или находимъ оттѣнокъ, отклоняющійся отъ общихъ правилъ. Такъ, при žoɬá[i̯]iť (выше) отмѣчено неопр. накл. žəɬáť («ə» сопоставляю съ нѣм. e въ Gabe), такое же ə въ šəŕinka ширинка; въ žeĺé[i̯]iť жалѣетъ имѣю просто открытое e; въ «жена» колебался между žə-, že- и даже «žuná» съ широкимъ u, уже напоминающимъ ъ; въ р. д., при žańé, также žeńé, въ д. мн. ч. žənáḿi. Конечно, тутъ можетъ вліять также книжный языкъ и вообще вліяніе извнѣ; тѣмъ труднѣе заключенія о старшемъ видѣ вокализма. Въ связи съ этимъ укажу на колеблющееся и трудно опредѣлимое произношеніе гласнаго элемента послѣ шипящихъ въ другихъ слогахъ, напр. въ концѣ сравнительной степени (морф.)[1]).

— Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ i и u остались вообще въ старшемъ видѣ, какъ въ Ив., у же въ Кобыльѣ повидимому правильно перешло въ ъ; ср. въ Р. ед. ч. жен. рода, при ударяемомъ xraшúi̯, takúi̯, неударяемое -ъi̯; далѣе štóbα чтобы (напр. «zaγъńái̯uť u-zakútu štobα xĺéba ńe-traviĺi»), poẃázъwať повязывать, zaѵórtovať завертывать, skázъvai̯uť сказываютъ[2]); черезъ такое ъ объясняется нерѣдкое u: vuƀiráť выбирать, ṕóruškъ пёрышко, suɬaѵéi̯ соловей, wóddux отдыхъ, «štó vŭ váŕiťe» что вы варите, и др.; ср. развитіе y (изъ i) послѣ š ž напр. въ ɬóšъť лошадь, šъrъká при šyróka широка, zaďéržuwъť задерживать. Многочисленныя исключенія, мнимыя или дѣйствительныя, съ y въ такихъ слабовѣсныхъ слогахъ, я объясняю различно. Частью вліяніемъ окружающихъ звуковъ; ср. изложеніе въ 15 о движеніи ъ впередъ и вверхъ и объ его большемъ или меньшемъ приближеніи къ «y» подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго звука (такъ понимаю y, напр. въ šysťaróm, въ -yi̯ и. ед. ч. муж. рода случаевъ какъ máɬyi̯, carkóu̯nyi̯, при обыкновенномъ -ъi̯; сравнимъ ихъ съ «ɬóšyť» при -šъť, «dў̆čiŕáx» дочеряхъ, «raƀótў̆iu» работаю); мы стоимъ скорѣе передъ колеблющимся или переходнымъ къ «y» оттѣнкомъ, и слѣдуетъ сознаться, что въ такихъ случаяхъ, вслѣдствіе, очевидно, знакомства съ книжнымъ языкомъ и съ этимологіей, я склонялся къ употребленію «y» болѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ «ъ» появилось изъ

---

1) Добавимъ здѣсь же cepá цѣна, гдѣ e звучало то ближе къ ə, то почти ä; carkóu̯nъi̯ церковный; cyрĺбnъk (сър-?) цыпленокъ.

2) А также послѣ велярныхъ: attáɬkъvať, atṕíxъwať, zatróγъwať; ср. Прил., 107.

другихъ гласныхъ. Къ тому же ряду принадлежатъ вѣроятно случаи какъ naď-jétym šaĺóm при jetъш, unawóžywaś («скорѣе -žъ-»), Kaby'Išyna («скорѣе -šъna») и др. Частью же у объясняется грамматической аналогіей, въ флексійныхъ слогахъ (baĺóty болота, pášyš пашешь и под.); настоящій звуковой принципъ освѣщается примѣромъ какъ «won báby-jdúś» вонъ бабы идутъ, получающимъ въ бѣглой, естественной рѣчи произношеніе bábъ-. у въ неударяемыхъ флексійныхъ окончаніяхъ соотвѣтствуетъ появленію другихъ гласныхъ (a, 'a ,'e, даже 'ъ) на мѣстѣ ожидаемыхъ по звуковымъ законамъ «ирраціональныхъ», т. е. ъ — i.

Уже для предударнаго слога мы имѣли случай привести примѣры того, что гласный «ирраціональный» — по скользкому, неопредѣленному своему характеру — можетъ подвергаться вліянію сосѣднихъ гласныхъ и «гармонизироваться» къ нимъ (mužuká, puzuŕók, ср. duruká, но durakĭ и др., Прил., 59). Съ подобнымъ гармонизирующимъ вліяніемъ повидимому нужно считаться для объясненія извѣстныхъ отклоненій отъ ожидаемаго вокализма въ слогахъ вполнѣ слабовѣсныхъ. Говорю о словахъ съ полногласіемъ. Въ нихъ замѣчается несомнѣнная склонность провести одинъ и тотъ же гласный оттѣнокъ въ неударяемыхъ слогахъ передъ и послѣ r, l. Часто, конечно, это дается само собою, въ соотвѣтствіи съ принципіальными правилами; ср. напр. bъгъdá (borъdá) bołóźá vołosá γołová boroná stъгъná s-mołodá γołosá vъгътá (vorътá) хъгъšá (какъ напр., и kъłkъłá, sъгъxwán, γъsrъdá и т. д.). Вопреки правилу видимъ, напр., maładój xaładnó (skaródŭd-) baranój u xaraš́ó u-γałaśé baradú (бороду) xarańíŕ xarańú — вм. mъładój и т. д. Встрѣчаются при томъ также ожидаемыя формы, какъ то mъłaďeć (moł-) s-kъłakłóm, kołakłý колокола, хъładnój — ср. напр. γъspadĭn, и под.; но склонность къ «гармонизаціи» очевидна. Появившееся такимъ путемъ колебаніе можетъ объяснить и дальнѣйшее колебаніе въ оттѣнкахъ, вродѣ γałownáją bóĺ, baránój, xaładnój (при хъladnój) и даже xarъšá.— При ere слѣды «гармонизаціи» не столь ясны, хотя и здѣсь вниманіе привлекаетъ частое появленіе тождественнаго гласнаго оттѣнка (особенно ê) съ обѣихъ сторонъ r.

Рядъ другихъ подробностей можемъ опустить, указывая на то, что мы уже описали для Ивонинскаго говора, и на рядъ примѣровъ подъ разными вопросами «Программы» (см. Прил.). Отклоненія отъ общихъ принциповъ объясняются вообще, какъ въ Ив. Въ слогахъ послѣ ударяемаго нужно прежде всего сообразоваться съ вліяніемъ морфологическихъ категорій, чего мы уже коснулись по случаю развитія старшаго ы. Несомнѣнно, что формы на -ъ какъ karýtъ корыто, kaĺénъ, śiĺъ, máma, «won bábъ-jdúś»

(ср. выше), «zanavéskъ-ta хъгъšá» и под. отражаютъ произношеніе по звуковымъ принципамъ говора; по xaĺstĭna, diśetĭna, čérťinà, jéto и под. отражаютъ вліяніе случаевъ съ -á, -ó, напр. žъrá, adnó; при rabótńickъx въ одномъ мгновеніи, выговаривается rabótńickąx (жен. родъ) въ другомъ. Но въ Кобыльѣ, какъ и въ Ив., остаются еще и такія исключенія въ слогахъ послѣ ударяемаго, для объясненія которыхъ нужно считаться съ другими факторами: здѣсь, какъ и тамъ, гласные въ открытомъ концѣ слова, при частой редукціи въ -ъ, -i (mnóγъ, ŕáźi развѣ, na xvaťéŕi на квартирѣ, -śi или -śε для -ся, γĺáńkį глянь-ка, т. е. -кя, и т. д.), показываютъ многочисленные примѣры безъ такой редукціи, какъ то dvójä, trójä (-je), uḿéstä вмѣстѣ, na páḿiťä (при -ḿéťi на памяти), u γórъďe, šýŕä шире, záutŕa завтра, dišéuĺä, udáŕiĺśa (и вообще часто -śa), «svétĺъjà nóbъ» свѣтлое небо, и под. Полная параллель съ явленіями Ивóнинскаго говора ведетъ къ указанію на то же самое вѣроятное объясненіе; замѣчается тамъ и здѣсь склонность къ выдвиженію конечнаго слога, особенно открытаго, побочнымъ ударепіемъ; конечно, такая склонность въ нынѣшнемъ произношеніи не достаточна для объясненія 'a 'ä; развитіе ихъ принадлежитъ старшей эпохѣ; но вопросъ въ томъ, не произошло ли это развитіе на основаніи существовавшаго уже тогда подобнаго побочнаго ударенія (ср. въ концѣ § 9). — Нѣсколько иначе можно смотрѣть на развитіе неударяемаго закрытаго конечнаго слога въ рядѣ случаевъ. При «ê», указывающемъ на редукцію по направленію къ ε, i, напр. въ kóŕêń, káḿêń и под., далѣе напр. въ páḿêť память, укажу на другое развитіе въ póies поясъ, jĭ'em илемъ, wúḿän игуменъ, áńγeĺ, véťer (-ťar), záiec заяцъ, béďen бѣденъ, kĭšeĺ, tóŕeĺ и под., póŕiŕèk поперекъ, béŕъx берегъ, и даже uĺaďíḿer, báŕen баринъ; ср. далѣе рядъ формъ на -'eĺ, -'aĺ, -'aĺ какъ γĺáďaĺ гладилъ, Прил., вопр. 68—69. Кромѣ возможности побочнаго ударенія и для такихъ конечныхъ слоговъ, нужно очевидно сообразоваться съ твердымъ характеромъ согласнаго, слѣдующаго за гласнымъ элементомъ. Не забудемъ, что въ противоположность къ положенію въ слогахъ внутри слова, слѣдующій за гласнымъ согласный принадлежитъ въ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ къ тому же слогу, какъ и гласный, потому «твердость» согласнаго легче вліяетъ на предшествующій гласный. Особый случай представляетъ béŕъx берегъ, и м. б. «báŕъn» при baŕen, съ переходомъ въ заднее относительное положеніе безразличности. — Судя по моему матеріалу, Кобыльскій говоръ пошелъ въ такомъ развитіи закрытаго неударяемаго конечнаго слога гораздо дальше Ивонинскаго (ср. въ концѣ § 9).

18. Къ Морфологіи. Припоминаю общія замѣтки, предпосланныя § 10.

Существительныя.

Основы на -a, -ja.

śistrá P. и Д. śastrý B. śastrú T. śastrójų M. какъ Д. Множ. число śóstry śistôr śistrám -ámi -áx. Ср. И. мн. ч. ŕéki (ŕiká). Совпадавшіе Р. Д. и М. ед. ч., отмѣченные въ śistrá въ формѣ Р., могутъ также имѣть форму Д.-М. žańé (žeńé), однако при томъ žanýˊ. — Разница между Д. и М. ед. ч. на -e сохраняется иногда въ удареніи: g-źiḿe, (при g-źiḿé) pó-źiḿe, но только ob-źiḿé; «stań k-stéńä» (или k-stiḿé), но только na-stiḿé; k-stóroń (или k-stъrańé), но na-stъrańé. — Къ формамъ ед. ч. съ неударяемыми окончаніями ср. склоненіе мужескаго имени ĺiksándrъ Прил., 89. Съ женскими окончаніями склоняютъ слова какъ батюшка, сынишка: u báťuški, syńíški; z-báťuškъju. — Сокращенныя формы при призывѣ: ḿikíťˊ! matŕónˊ! váńťˊ Такъ и ŕibátˊ! ребята! — Случаи перехода въ другое склоненіе: «śiłóm zdéłanъ» (другихъ подобныхъ я не нашелъ); при mnógъ kńix также kńíγoju; ср. pťícoju птицъ.

Основы на -o, -u, -jo.

a. *Мужескій родъ.* Къ принципіальнымъ линіямъ развитія ср. Ив. Для освѣщенія окончаній ср. напр. kałóťˊ P. kъłá, мн. ч. kałýˊ P. kałóju — syn P. B. sýnъ D. sýnu T. sýnъm M. sýnu (ср. u póγŕibä); мн. ч. (syńjá) synóju synám -áḿi -áx; къ И. мн. ч. ср. γrybý, durakíˊ. — γwoś гвоздь γwózdä, мн. ч. γwazdíˊ -déj; къ káḿeń T. kámńem M. na kámńu, Р. мн. ч. kámńej и -ńъju (kaḿéńъju или -ńjъju). Ср. еще žuraνéťˊ журавль мн. ч. žuraujíˊ -łéj; muraνéťˊ мн. ч. murawíˊ -łéj; víŕibéj воробей Р. -bjá.

Ко мн. числу въ формѣ собирательнаго приведемъ напр. еще отъ drux (другъ: drúγa и т. д.): družjá -žéj -žjám и т. д.; svat: svъtъńjá; kóŕèn: mnógo kaŕéńjъju.

Смѣсь твердаго и мягкаго склоненія появилась, подъ вліяніемъ отвердѣнія губного въ концѣ слова, напр. въ γółup P. γółuba T. γółubъm, но мн. ч. -bi P. γъłubéj, D. -bám и пр.

xŕiś[ť]jáńťˊn -ĭnα и т. д., какъ syn; мн. ч. -áńe (-áńä) -án D. -áńem T. -áńiḿi («sъjśéḿi γъmańíˊ xŕiś[ť]jáńiḿi»). При -ś[ť]ja- я слышалъ также -śťa-; см. явленія при «гость» въ Ив., § 10. — Ср. еще мн. ч. dvъŕáńe P. dvъŕán, ḿiššáńe -án.

vałčónъk: мн. ч. vъłčáty P. vъłčát и т. д. О формѣ ŕibát см. выше

подъ осн. на -a. — dĭtá (ńĭĭĭъja)-мн. ч. dêťi dĭťêį dĭťám dêtńĭ; ед. число пополняется формами отъ dĭťónък: -ónkъ, -ónku.

b. *Средній родъ.* śäłó śɛłá śałú śałóm śiłé; во мн. ч. отмѣчено лишь śóły см. ниже; ср. drъvá droų, vъгъtá и др., какъ въ литер. языкѣ. — И. В. Р. pólă Д. М. pólŭ; мн. ч. pъlá paĺêį poĺám и пр. При неударяемомъ окончаніи разные падежи совпадаютъ между собою (ср. напр. pólă) или съ мужескими и женскими родами. На послѣднее явленіе средній родъ реагируетъ какъ будто слабѣе прочихъ родовъ, онъ, повидимому, мало сопротивляется переходу въ другой родъ, распространяя совпаденіе и на такія формы, гдѣ литературный языкъ поддерживаетъ разницу; такъ, при -á въ plĕčá (также plĕči, Р. plĭčéi) мы находимъ -y (а не -ъ) въ ряду формъ И. В. мн. ч. какъ śóły, pałótny или półъtny, bałóty, ję̯cy (ед. ч. ję̯có, Р. мн. ję̯ję̯c, въ скорой рѣчи jéc и даже, пожалуй, «jec»), γńóždy (Р. γńos), śódły (Р. śidółĭ, ед. ч. śädłó), ŕóbry (Р. ŕibór, ед. ŕäbró), vódry (Р. vedóŕ и vidóŕ, ед. vädró). Что это -y, а не «-ъ», слышно при сравненіи съ произношеніемъ -o какъ -ъ въ ед. ч., напр. ńóbъ небо, jábłъkъ и др. (и даже wózerα, čétvira); -y обозначаетъ переходъ въ другой родъ; ср. дальнѣйшее развитіе, когда bernó бревно къ И. мн. bórny развило Р. bernóų.

Основы на -i *и на согласный.*

wóśiń wóśińi wóśińjŭ: ср. литер. языкъ. Переходъ къ формѣ другого склоненія имѣемъ напр. въ М. na pámiťă («на памятѣ») при na páńéťi. — М. съ ударяемымъ концомъ: na rečĭ, na ložadĭ, u kravĭ, u pačĭ, u stepĭ, na măłĭ (на мели), na płoššätĭ (на площади).

mať Р. Д. М. máťɛŕi В. Т. máťiŕju (нерѣдко въ четырехъ слогахъ «máťiŕi[j]u»); мн. ч. máťɛŕi mъťéŕéį mɑťiŕám -ŕáńi -ŕáx. dôč dóčɛŕi В. Т. «dóčiŕi[j]u; ъ неударяемое, напр. въ Р. мн. ч. dъčiŕéį, по 15 звучитъ какъ y.

Въ основахъ на ŭ я не замѣчалъ того развитія j послѣ ŭ, которое имѣется отчасти въ Ив. Къ Р. мн. ч. ср. (отъ ед. broų бровь, мн. ч. bróvi) brawéį или broų («bróų nétu»).

— dêń dńa dńu и пр. имѣетъ въ Р. мн. ч. при dńéį форму dôn: «dôn šêś».

— Въ основахъ ср. рода на -n Р. ед. ч., какъ въ Ив., совпадаетъ съ И.: vyńa, wŕéńa, jĭńa (-ńe), ср. выраженія какъ iz jĭńe, jĭńe ńetuťi, at tayó wŕéńä. Изъ прочихъ формъ — какъ-то трудно доступныхъ у моего источника — я отмѣтилъ Д. ед. ч. k-tamú wŕéńu, Т. sъ-wŕéńinnъm (!), И.

В. мн. ч. wŕiḿiná, jiḿiná, P. s-ťex riḿón (изъ литер. языка?), jiḿänóu̯; bêŕéḿä бремя я слышалъ въ И. мн. ч. (одинъ разъ) какъ biŕiḿá, P. bêŕéḿъu̯ и biŕóm. Какъ и въ Ив., эта группа, очевидно, подверглась съ разныхъ сторонъ вліянію склоненія другихъ основъ.

Мѣстоименія.

Формы вообще совпадаютъ съ Ивонинскими. Род. падежъ на -γó, -γъ (taγó, jétъγъ) въ Кобыльѣ встрѣчается часто, -γo и -wo, -vo употребляются рядомъ. О têi, téjä и подобныхъ формахъ ср. сказанное въ § 15. Приведемъ, какъ примѣры, нѣсколько формъ.

jón (anó) jaγó (-wo) jaḿú jim (s-ńim); iná (aná) P. jêi (u ńêi) или jiié (u ńiié) Д. М. jêi В. jiié (iié) или jiió (напр. «upáĭ na jiié, jiió) Т. jéju (s-ńéju); anу́ jix jim s-ńimi. — tot to, taγó, s-ťem; ta, toi; мн. ty. Ср. употребленіе въ выраженіяхъ какъ ďéuka-ta, zanavéskъ ta. Болѣе чѣмъ tot употребительно, повидимому, toi, ср. ниже. — jétъt jétъ, jétъγъ, jétъmu, Т. и М. отмѣчены то какъ jétym, то какъ jétъm; jéta (-tъ), P. -tъi, и т. д.; мн. ч. jéty (ľúďi, žónу). — toi сред. р. tóje (P. taγó и т. д., какъ tot); жен. родъ tája, P. Д. М. tyi, têi и toi, В. túju, Т. téju; мн. ч. tуja, téjä и têi (напр. têi ľúďi), ťex ťem и пр., какъ tot.

Къ «самъ» И. мн. ч. отмѣченъ какъ samý («samý býľi» сами были, т. е. тамъ), sáḿi и sámъ: «anу́ tam sámъ (sáḿi) býľi»; sámъ, вѣроятно, представляетъ «sámy» съ переходомъ у въ ъ по 17.

Прилагательныя.

Рядъ краткихъ формъ приведенъ въ началѣ Приложенія. Формы длинныя нѣсколько расходятся, въ зависимости отъ согласнаго, къ которому примыкаютъ окончанія. 1. Окончаніямъ предшествуетъ губной или велярный: xramói -móγa и пр.; xrъmája P. xramýi T. xramýju и пр.; мн. ч. xramýjä -mýx и пр. — takói, сред. р. -kójä, какъ xramói, T. takým; takájä takýi и пр.; takýje (-yi) -kýx -kým и пр. Ср. еще напр. «u druγýi žańé» у другой жены; мн. ч. къ pŕaxói: pŕaxýje (въ скорой рѣчи прибл. «pŕaxýu»). Им. мн. ч. колеблется между окончаніями -ýja -ýjä -ýje (-ye), и -yi, въ зависимости, повидимому, отъ придаваемаго отдѣльному случаю вѣса. — 2. Окончаніямъ предшествуетъ зубной; вмѣсто u передъ i тогда является ê, но не постоянно. Ср. отъ kasói P. жен. р. «at kaséi žańé», И. мн. ч. kaséjä (но kasýx kasým

и т. д.); такъ же напр. xudéi̯, moł̓adéi̯; baĺnéi̯, T. baĺnéi̯u (и -nóiu), мн. ч. baĺnéie, но baĺnýx. Род. svätýi̯ (vadý святой воды, И. svítáia) можетъ быть церковнымъ. Но встрѣчаются также формы какъ «alĺanýi̯ ńĭ́tki ńétu», при -néi̯ и -néi̯ (или скорѣе съ переходнымъ отъ у къ е звукомъ, ср. въ § 15), «moł̓adýie kúdi», xudýi и др.

Къ неударяемому виду окончаній ср. напр. dóbrъi̯, сред. р. dóbrъi̯ä, Р. dóbrъγa, и т. д.; жен. р. dóbrъi̯a Р. dóbrъi̯ (иногда скорѣе -yi̯), Т. dóbryiu; мн. ч. dóbryiä или -bryi. Характеръ предшествующаго согласнаго при неударяемыхъ окончаніяхъ не играетъ роли[1]). Но сказанное въ § 15 дѣлаетъ понятнымъ, что наблюдатель нерѣдко колеблется въ выборѣ между ъ и у. Такъ, въ моихъ запискахъ, при обыкновенномъ -ъi̯ въ И. ед. ч. муж. р. (čórnъi̯ žóskъi̯ bъγátъi̯ kŕépkъi̯ spaz-ďéminskъi̯ péγъi̯ tĭ́xъi̯ máĺъi̯, а иногда, понятно, -oi̯, напр. zdarówoi̯), я нахожу напр. źɛĺóbyi̯, γrámotnyi̯, а въ другихъ случаяхъ колебаніе между тѣмъ и другимъ; подобно въ И. В. ср. ед. рода, напр. dóbrъi̯ä и dóbryiä (póĺä). Съ другой стороны въ Т. ед. ч. жен. рода, при ударяемомъ -ýi̯u, неударяемое окончаніе отмѣчено то какъ -yiu (dóbryiu), то какъ -ъi̯u (bédnъi̯u, bоγátъi̯u); съ послѣднимъ совпадаетъ — не знаю, вообще ли или только иногда — Вин. падежъ (bédnъi̯u, bоγátъi̯u), хотя подъ удареніемъ видимъ, напр. sĺarúiu. И въ И. мн. нахожу, при -yiä, -yi, еще и -ъ[i̯]i: bédnъ[i̯]i, bоγátъ[i̯]i. Въ Т. и М. ед. ч. (ср. turým toraróm, vistawým и др., а М. -wóm) отмѣчено въ неударяемомъ положеніи (случайно?) лишь -ym: bédnym, bоγátym — хотя здѣсь не имѣемъ і послѣ гласнаго. — Стóитъ указать, что такая форма какъ γrámotnyi̯ для И. ед. ч. нерѣдко соединяется съ замѣтнымъ побочнымъ удареніемъ -ýi; это затрудняетъ рѣшеніе, является ли у на мѣстѣ ъ лишь вслѣдствіе характера окружающихъ звуковъ, или нужно считаться съ извѣстнаго рода «Dehnstufe» (ср. замѣтки въ § 7); колебаніе вокализма въ зависимости отъ придаваемаго слогу экспираторнаго «вѣсу» намъ вѣдь извѣстно изъ разныхъ оттѣнковъ И. мн. ч. (-yi̯a -yi̯ä -yi̯e): произношеніе -i̯a, -i̯ä связано съ болѣе или менѣе явнымъ «побочнымъ удареніемъ» («sĺäryi̯ä»: «sĺäryi̯e»); тоже самое замѣчается отчасти и въ отношеніи -i̯a: -i̯e въ И. В. ед. ч. ср. рода

---

1) Особо стоитъ «xaróšäi̯-äýós» хорошій овесъ, гдѣ сравненіе со слѣдующимъ ä- изъ a- привело меня къ писанію -šäi̯; остальныя формы какъ обыкновенно: xaróšъγa и т. д. Стоимъ ли дѣйствительно передъ -ай, встрѣчающимся, какъ увидимъ, въ ближайшихъ говорахъ?

(«sv́étĭ̑ъi̯à nóbъ»: «durnóje wŕéma»)[1]). Особенно трудно, однако, то, что хотя мы и чувствуемъ внутреннюю связь, но въ сущности не можемъ рѣшить, что́ въ этихъ явленіяхъ считать причиною, а что́ слѣдствіемъ. — Нѣсколько иначе, повидимому, обстоитъ дѣло съ отношеніемъ -i̯a (-i̯ä, -i̯e):-[i̯]i или просто -i) въ И. мн. числа; -i, повидимому, встрѣчается чаще при ударе́ніи на корнѣ (dóbryi tónkyi tólstyi stáryi), однако иногда также при ударе́ніи на окончаніи (takýi); -i̯a -i̯e имѣется, на сколько вижу, безъ различія въ обѣихъ группахъ. Какъ объяснить такую разницу, не знаю. Но какое бы ни было происхожденіе и первоначальное отношеніе того и другого, нынѣ они не стоятъ въ звуковой альтернаціи другъ съ другомъ. Это видно изъ того, что -i сохраняется также при сильномъ побочномъ ударе́ніи: bédnъ[i̯]i, bogátъ[i̯]i.

Окончанія мягкихъ основъ соотвѣтствуютъ окончаніямъ (неударяемымъ) твердыхъ; стóитъ только замѣщать ъ (u) переднимъ ирраціональнымъ гласнымъ (i, ɛ); ср. напр. śĭńɛi̯ (-ii̯) śĭńiγъ (-wъ) śĭńimu и т. д. Въ И. ед. ч. муж. р. имѣю изрѣдка -ɛi̯ (av́éčɛi̯) и -ei̯ (v́iśéńńei̯; ср. ударяемое tŕĭtéi̯, при tŕétii̯); обыкновенно же -ɛi̯, -ii̯ (-i[i̯]: zdéšńi[i̯], u̯čeráśńi[i̯], paróžńii[i̯]); къ этому колебанію ср. оттѣнки o-ъ-α-u въ области «заднягo ирраціональнаго»[2]). Въ И. жен. р. я слышалъ постоянно -i̯ä, i̯e: xaróšuńki[i̯]e ḿíĭńḱi̯e dĭńńiḿḱi̯ä и под.; ср. выраженіе «ṕi̯áńicъ, i γóŕki[i̯]ä». Съ этой формой совпадаетъ И. сред. р. «máĭɛńki[i̯]ä (-i̯a) wóżera» маленькое озеро. Въ И. мн. ч. я постоянно слышалъ -ii: xaróšuńkii, ḿíĭńḱii; -i̯ä я (случайно?) не отмѣтилъ. Изъ прочихъ формъ, насколько я ихъ отмѣтилъ, стоитъ указать лишь на выраженіе «káżńi[i̯]a γódu» каждаго года, въ скорой рѣчи, при болѣе медленномъ káżńavъ; не произошло ли оно отъ *káżńiγa, на основаніи *káżńaγo?

Приведенные примѣры показали, что въ группу мягкихъ основъ вошелъ рядъ основъ на -k, смягченное предшествующимъ согласнымъ: máĭńḱi̯ xaróšuńkɛi̯ γóŕki̯ и под. (Прил., 110); сюда принадлежитъ также papówśki[i̯]; иначе напр. γuḇérskъi̯ (ср. выше t̕íxъi̯, kŕépkъi̯ и под. образцы).

---

1) Такое побочное ударе́ніе, повидимому, и «спасаетъ» -i̯a въ И. жен. р.: xaĭsťína bélъi̯à, sъrówъi̯à, ср., безъ такого выдвиженія, чаще -i̯e: sĭpái̯e слѣпая, ŕéćka máĭńḱi̯e (мягкая основа, ср. ниже).

2) Случаи какъ «v́iśéńńъwъ dńa», «káżńavъ γódu» указываютъ на заимствованіе окончаній изъ твердыхъ основъ. Не указываетъ ли на то же направленіе приведенное выше -ei̯ въ И.?

— Краткая форма сравнительной степени выказываетъ сильную смѣсь, частью вслѣдствіе двойныхъ формъ, частью изъ-за неопредѣленности и колебанія гласнаго оттѣнка послѣ шипящихъ. Къ -ǯe ср. напр. skoŕé[i̯]i, śmiĺéi при -éi̯ä, ʒitŕéi̯a; какъ видно, -i и -i̯ä чередуются, но не вполнѣ какъ -i: -i̯a въ И. мн. ч. положительной степени, ср. выше. — Развитіе окончанія -e послѣ согласнаго не шипящаго также не причиняетъ затрудненій; ср. напр. ďišéɥ̯e (-lä), šyŕä шире, bóĺä болѣе, γĺúbe глубже; ср., съ развитіемъ въ -i, «ɟon po-stáŕi ḿiń́é» онъ старше меня. — За то послѣ шипящихъ встрѣчаемся съ сильнымъ разнообразіемъ. Въ одномъ случаѣ имѣю -i (-i̯): ĺútśi (-śi̯) [1]; съ тѣмъ согласуется, можетъ быть, zdarɔ́ɥ̯šy [2], bóĺšy (ср. однако ниже). Чистое o я отмѣтилъ въ xúžo; не забудемъ, что -o можетъ быть видоизмѣненіемъ -ъ; а къ употребленію -ъ я склонялся иногда въ bóĺšy (см. выше), и имѣю ъ далѣе въ sĺápšъ слабѣе, ďišéɥ̯šъ, tóńšъ, и частью въ ḿéńšъ. Но «больше» записано еще и съ обыкновеннымъ -e: bóĺše, ср. иногда ĺútše, а далѣе ę въ vyšę, ḿéĺčę, -ä въ kŕérčä. Всего чаще я записывалъ неясное ə (ср. нѣм. e въ Gabe): bóĺšə daŕóžə po-maĺóžə tóĺššə ḿéńšə (ср. выше -šъ) ḿéĺčə ĺékčə ḿákčə. Не умѣю разобраться въ этой путаницѣ. Наблюденія затруднялись еще и склонностью къ безголосному произношенію конечнаго гласнаго (§ 12). — Изъ длинныхъ формъ сравнительной степени нахожу въ своемъ матеріалѣ лишь stáršyi̯ (staršói̯).

Числительныя.

Отклоненій отъ Ивонинскихъ формъ я не замѣчалъ. «Четыре» я записалъ здѣсь въ видѣ s̑atýŕi (s̑ изъ č). Какъ въ Ив., затрудненіе причиняетъ сочетаніе -дц-; имѣю и tc (adʹ͡tsətcaʹ) — подъ сомпѣніемъ, не правильнѣе ли писать просто c — и dc (tŕinádcaʹ», съ сильнымъ побочнымъ ударенiемъ и яснымъ a) и ds (dźinádsəʹ), иногда со слабымъ удлиненіемъ d (pitnáds̄əʹ); послѣдній гласный иногда исчезаетъ совсѣмъ («dʹ͡sitnádcʹ» или «-tsʹ»). О примыканіи tc, dc къ предшествующему гласному см. въ 13.

Добавлю, что ряды abói̯ix abói̯im и пр., и abéi̯ix abéi̯im и пр. употребляются безъ различія родовъ: abói̯ix или abéi̯ix śisʹtór, и под. Такъ и говорятъ, напр., u wadńéx mužukóɥ̯ у однихъ мужиковъ.

---

1) Или «ĺútśi»? При эмфазисѣ получается «ĺútśi», какъ будто съ усиленіемъ, чтобы поддерживать звонкость -i помощью побочнаго ударенія.

2) Если не считать -y «Dehnstufe» ъ, въ виду сильнаго побочнаго ударенія.

Глаголы.

Въ окончаніяхъ е'овыхъ 1 л. мн. числа подъ ударені̯емъ отмѣчено правильно на -'om: paĺźóm; въ прочихъ лицахъ (заимствованныя) формы съ o, напр. bi̯oš при bi̯eš, повидимому, рѣдки. Въ остальномъ укажу на Ив. — При выраженіи «i̯on ui̯éxači» слышимъ «i̯on ui̯éxъmši», далѣе напр. «i̯on śɛgódńä výpimši», гдѣ -ši вм. -šy (-šъ) возбуждаетъ вопросъ, не чужія ли такія формы.

Отдѣльные глаголы.

I. A. ńasu ńiśéš ńiśét ńiśóm ńiśéte (-tä) ńasút; ńos ńisłá ńeslĭ (также pŕi-ńeslĭ); ńeś.—vazú vizéš; pŕi-vós -vizłá; véś. — ḿätú ḿitéš; ḿoł ḿiłá ḿelĭ; ḿeś. — pĺätú pĺétéš; s-pĺoł s-pĺiłá spĺelĭ; pĺeś. — gńätú gńitéš; gńoł gńiłá gńelĭ; gńeś. — gŕäbú gŕibéš; gŕop z-gŕibłá z-gŕäblĭ; gŕeś. — pakú pikéš; pok pikłá päklĭ; péč (-ś). — u-takú, téč(-ś), вполнѣ какъ pakú. — bɛŕagú bêŕêgéš bêŕêgét bêŕêgóm bêŕêgéte bêŕagút; bêŕêgĭ, -íte; bêŕóx bêŕêgłá bêŕägĭ; bêŕéś. — stêŕagú, вполнѣ параллельно съ предшествующимъ, только лишь въ прош. отмѣчено stiróx. — Ср. еще śakú śékéš; śekĭ; śek śékła; na-śéč (-ś).

zъ-pŕagú -pŕigéš, za-pŕóx -pŕigłá -pŕaglĭ; za-pŕéś (-č).

tałkú tałkéš; pъ-tałók pъ-tьłkłá pъ-tałklĭ. — pałzú; s-pałós s-pъłzłá s-pъłzlĭ (ъ въ послѣднемъ, очевидно, по аналогіи).

mažú (magú) móžyš; mox mъgłá maglĭ; pa-móś.

u-mrú -mŕeš; u-ḿóŕ -ḿirłá -ḿerlĭ.

kĺanú; kĺał kĺelĭ. — Ср. еще наст. вр. ŕavú ŕivéš, повел. ŕevĭ, по неопр. ŕivét (ср. литер. языкъ).

I. B. barú bêŕéš (biŕéš); braĺ bráli; braŕ; прич. abó-brъn — tku tkeš или takú taĸéš; tki; tkaĺ tkáłα; tkaŕ. — žwu (жую); žvi; žwaĺ; žwaŕ; žwan.

II. Примѣры: tanú tóńiš; pъ-tanúł; tanúŕ. — ťänú ťäńiš; ťäńĭ; ťänúł; ťanúŕ. — Краткое образованіе прош. вр., напр., къ aźábnu aźáp, къ kĭsnuŕ prakĭsło.

III. 1. A. znáju znájiš; znaŕ. — dúju dújiš; duŕ. Ср. i̯on ḿiné-bújiŕ т. е. обуетъ. — 3. ед. ч. gŕéiŕ; gŕéło; gŕéŕ. Такъ же zŕêŕ. — Пою: pẹjú pijéš pijéŕ... pẹjút; pẹł péła или píłá, мн. pélĭ; pêŕ (собственно формы наст. вр. принадлежать къ «пѣять», ср. Дем.). — bŕéju bŕéjiš; bŕéj; bŕił; bŕiŕ. — výju; vył; vyŕ. Такъ же myŕ, kryŕ. Къ płyŕ ср. 3 ед. «płyjéŕ łótkα». — ĭju;

pa-lʹe̯ʲ; lʹiť. — ṕi̯u ṕi̯eš; ṕe̯ʲ; ṕiʲ ṕiʲá; ṕiť. Подобно bi̯u bʹe̯ʲ biʲ (biʲa) biť; ví̯u víť. О p, b, v передъ i̯ см. въ § 16. — ši̯u ši̯eš; šʹe̯ʲ; šyť.

ḿelʹú ḿélʹiš; ḿelʹí; maʟóʟ; maʟóť. Ср. kalʹú kólʹiš, прош. na-kaʟólʹi.

III. 1. B. a) śé̯i̯u śé̯i̯iš; śé̯i̯aʟ (и -i̯ʟ); śé̯i̯eť (-i̯ɛť, -i̯iť). — sńex tái̯iť; гъs-tái̯ʟ; неопр. tái̯iť. — bái̯u; неопр. bái̯iť баять. —

Глаголы на -овать -ую, -евать -юю ввели -u- настоящаго времени и въ неопр. наклоненіе: plʹüi̯ú; plʹuj; plʹuwáť. — karówa súi̯iť; suwáʟʹъ; неопр. suwáť. — kui̯ú; kuwáť. — klʹüi̯ú klʹuwáť. (Ср. напр. tъrgúi̯u tъrguwať и под., III. 2. B).

b) ďrimú ďréḿiš; ńi ďreḿí; ďrimáʟ; ďrimáť. — sýṕi̯u sýṕiš; sʏ̈pъť. — vážú vážyš; vizáť. — mážu mážyš; mázať. — pláču pláčiš; pláкať. — xaxóčiť, xъxъtáť. — skáčiť, skъkáť. — plášyť, plʹisáť. — bréšyť, bríxáť. — píšú píšyš, pisáť. — paxú pášyš, pъxáť (po-). — Но pʏ̈ʟʹъskáť: pʏ̈ʟʹъskáʹu.

III. 2. A. Достаточно пары примѣровъ: ďéʟʹъi̯u -[i̯]iš, ďéʟʹъť. rabótъi̯u, rabótъʟ, rabótъť. Сюда же mái̯u имѣю, («i̯a mái̯ú śibe les») maʟ, mať («ńä búďiť mať», ср. ниже ḿêť).

uḿé[i̯]iť, uḿéʟ, uḿéť. Сюда ḿéi̯u имѣю («i̯on ḿéi̯iť sabé-i-lés»), прош. ḿeʟ, ср. выше mať.

B. Къ tъrguwáť см. подъ III. 1. B.

IV. A. xarańú xaróńiš; xarańíʟ; xarańíť. — dai̯íť долбить ударяетъ въ наст. вр. dai̯ú dai̯íš или dai̯ú dói̯iš. — Какъ въ Ив. 1 л. ед. ч. уравнено въ конечномъ согласномъ къ прочимъ лицамъ: ruḃi̯ú (рублю); ruḃí; ruḃíʟ; ruḃíť. Ср. guďíť: guďú; gʟáďiť: gʟáďu; krutíʧ: krutú; kváśiť: kváśu. — spať: spu spíš, прош. spaʟ.

Какъ видно въ Прил. подъ 69, неударяемое -iʟ склоняется къ переходу въ -'aʟ -'äʟ -'eʟ: kváśeʟ (kváśiť), strói̯eʟ, gʟáďeʟ (-äʟ), núďeʟ (-aʟ), ispórťaʟ, maróźaʟo (морозило); иногда звучитъ a или o (т. е. собственно ъ) въ конечномъ слогѣ: skaróďaʟ, atʹétaʟ, klʹéi̯oʟ (кленлъ). Ср. еще vʏ́paʟ или vʏ́poʟ выпилъ.

IV. B. grom gríḿíť, gríḿéʟ. — vodá kipíť, kipéʟa — gʟažú gʟeďíš, gʟíďéʟ. — śäžu(!) или śiďú śiďíš śiďíť или śäďíť ...śiďáť; пов. śɛďí. — véʟú véliš; véʟéʟ (vɛ-?) жен. р. víʟéʟo. — ptica ʟetíť, litéʟʹъ, неопр. litét. — zvíńíť звенить, прош. zvíńéʟ. — gaŕíť горить, прош. сред. р. gaŕéʟʹъ. — ʟäžú -žýš, прош. lížáʟ. — däržú ďéržyš; därží; ďeržáʟ. — staį́ú -[i̯]íš, stъi̯áʟ. — bai̯úś ba[i̯]íśśa -ítsa -ímśa (-śi) -íťiś boi̯átsa; ńä-boi̯śä ńe-bói̯tiś; bъi̯áʟśi -ʟъś (ср. «ńä-bóś, ńä-tróńiť»). — xačú xóčiš; xaťéʟ; xaťéť (ср. «što xoš»; «xuť i tak»).

Приведемъ здѣсь baɣú beɣíš... báɣúť, неопр. bêč, бѣжать.

V. dam daš daś daďím daďíťä dadút; daį; daʟ dałá dáli. Ср. еще

формы «a ty prʹdaśi mńe?» «prʹdáją-mńe» (но «mńe prʹdáj!»). — jem ješ jéś jedʹím jedʹíťe jidʹáť; ješ jeśtä. Ср. пов. «pajeśi ɥśó»!

19. Замѣтки къ вопросамъ «Программы». Числа безъ предшествующаго стр. указываютъ на вопросы «Программы для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ» СПб. 1900 (изд. II Отд. Ак. Наукъ).

Изъ области ударенія существительныхъ отмѣтимъ, къ вопросамъ на стр. 3, слѣдующія формы: pʹd-mastóm, pʹd-ńizóm, pʹd-bakóm. — abúxʹm или abuxóm (и «buxóm»?). — u-naćí at-naćí или at-nóći, но na-páḿéťi или páḿiťä (т. е. -tʹ), u-wółosťi; въ кафтанѣ: u-kołtańé. — u-damú.

sʹíńú (!); ɣaławú и ɣółʹswu; въ этой области вообще сильная смѣсь.

g-źíḿe при g-źiḿé, но только ob źiḿé; stań k-stéńä или k-sťíńí, но na stíńé; k-stóroń или k-stʹɾrańé, но na stʹɾrańé.

Много двойныхъ формъ находимъ въ прилагательныхъ (Прогр. стр. 5), какъ то ɣʹładnój при ɣałódnʹj, żałtój при żółtʹj, tałstój при tółstʹj, ťasnój при ťésnʹj (-yj), čisnój при čésnʹj, ḿełkój при ḿéłkʹj, staršój при stáršyj, xitrój при xíťrʹj; ср. pervój при pérvʹj (pʹérvʹj), tŕiťéj при tŕéťij.

Приведемъ въ этой связи рядъ краткихъ прилагательныхъ формъ (Прогр. стр. 6): ɣʹłaďón ɣʹłʹdná ɣʹładnó ɣʹładný — но sḿiŕón: sḿíŕnα, sḿíŕny. — bʹéďen bidná или bʹédnʹ, сред. р. bʹédnʹ, мн. ч. bʹédny. — kíšeł kisłá или kíšła (мн. kíšłyi, форма длинная); подобныя двойныя формы въ жен. р. отмѣчены въ slípá: slʹépa, żywá: żýwa, mʹłʹdá: młáda, víliká: vʹélika, sťʹbʹdná: słabódnα, bʹɣʹtá: bʹɣátα, zdʹɾʹwá: zdarówa, šʹɾʹká: šyróka. Въ среднемъ родѣ ср. dʹłakó: daľókʹ, dαľičó: daľéčə, ɣłubakó: ɣłubókʹ, visakó: vísókα, ťamnó: tómnα, ɣažó: ɣóžə, dužó: dúžə, ładnó: łádnʹ, ťapłó: tópłʹ.

Чтобы различное удареніе обусловливало различное употребленіе, я не замѣчалъ.

Къ муж. роду ср., кромѣ приведенныхъ ɣʹłaďón, sḿiŕón, bʹéďen и kíšeł, далѣе żýŕen, ťóṕeł, búǰen, mółot, kʹóɣʹk, máksk (! Ср. длинную форму máxkʹj).

Къ списку на стр. 7 приведемъ: uẃizďé или uẃézďe (вездѣ), spirwá или spérwa (сперва), paṕiŕók или póṕiŕek (поперекъ), patóm или pótʹm (потомъ), uḿéśťe или uḿistá (вмѣстѣ), jʹizdalí или izdαlá (издали).

(dve várstý, и т. д., но:) dwa ŕádʹ или dva ŕidá, tŕi bráta или tŕi bratá, dva bárskyx dvorá (dʹɯá) при dvóra (dóma). — pʹácážen или pʹácažón или же pʹácážnʹj (пять саженъ).

Стр. 8: Въ причастіяхъ страд. залога говоръ выказываетъ массу

двойныхъ ударений, напр. pŕi̯vé̯ʒina (ср. въ Ив.) или pŕivíʒónα — повидимому безъ всякаго различія въ значеніи. Колебаніе показываетъ, что не выработалось еще нормальнаго типа; этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго изслѣдованія, на которое мнѣ не хватило времени.

Вопр. 21. Я отмѣтилъ zapĺóťiš (къ zъpĺaťú), въ остальныхъ же приведенныхъ словахъ a, напр. váŕiťe, (u kaznú, krasú, podaŕíť).

22. unawóžyvať, но «ustráivať xaróḿinu, zadvórъk». zavórtъvať (-tovať).

23 сл. освѣщены въ §§ 14, 15 и 17.

34. Опять: ipáť; объ iná см. въ Морф.

36. umy̯ú̯ś. ŕy̯ú̯. «pakrý[i̯]im kryškų». voĺk vý[i̯]iť».

37 сл. освѣщены выше, особенно въ §§ 14, 15 и 17.

49. Отмѣченъ случай šívirnъi̯ сѣверный, повидимому, единичный.

50—51, а также слѣдующіе вопросы получили свое освѣщеніе въ общемъ моемъ изложеніи. Касательно 54 укажу на § 16, «лабіо-веляризацію». Другихъ случаевъ «дифтонгизаціи» я не замѣчалъ.

55—56. Говорятъ kumáŕ, комаръ, P. мн. ч. kumaŕéi̯ (около Сильковичъ kъmáŕ), i̯únuš юноша (ср. въ Ив. i̯únux), ḿerĺúγa берлога, xuť хоть (см. подъ глаголомъ хотѣть въ § 18), upáť опять при ipáť (ср. выше 34). — При tuĺúp слышится toĺúp. Въ прочихъ приведенныхъ примѣрахъ мѣны o на y или обратно не найдено. — Укажу здѣсь на форму boxmъŕá (bъx-) для бахрома.

58. Говорятъ dryžíť (ať xóĺъdu). Въ остальномъ говоръ согласуется въ приведенныхъ примѣрахъ съ литер. языкомъ; ср. также kroų P. krówi кровь, krъványi̯ кровяной. drъvá P. droų дрова. bróvi P. broų брови (см. Морф.) bĺoxá P. bĺox. i̯ábĺъkъ. Добавимъ kŕot P. kŕota кротъ.

59. duruká γusuká rukuwá xrustuĺá (но duraki γusaki). — kružuwá mužuki puzuŕók; muzuĺi. Укажу на изложеніе въ § 17.

60—61 можно оставить въ сторонѣ, указывая на мое изложеніе фонетики.

62. nóbъ небо, xŕos xŕóstik крестъ -тикъ, učóbńik; paďóńšyk (отмѣчено также -šik), съ o болѣе или менѣе близкимъ къ ö, согласно съ его положеніемъ. — Но: ďéržyť, zaďérška, atšéĺ, a-néi̯, sa-ų́séi̯u со всею и под.; léslі если, i̯éś есть; spĺétńi; vaĺéžńik.

63. lipéškъ u daĺbéškų. ťéšša теща. ĺéžńä (ťäžýť). Вин. её: i̯i̯é и i̯i̯ó. Въ прочихъ приведенныхъ словахъ o. Отмѣтимъ ťiŕózovъi̯ трезвый, ďórγъť, žóskъi̯. O 1 л. мн. ч. -'om, напр. dai̯óm, ср. Морф. — γńózdy P. γńos, zvózdy P. zvos; vódry; śódĺy (P. śidóĺ, ед. ч. śädĺó).

65. j̓étъt; ср. Морф.; j̓éntъt.

66. Я слышалъ j̓ïпъсj̓ (иначе) j̓ïvъ j̓ïstъ́ri (изстари) j̓ïdoĺy j̓ïššu̯ť (ищутъ) j̓ïv́éй (иней) j̓iḿa (-ḿe, мн. ч. j̓iḿiná) j̓ï̯wa j̓ïzv́éś (Р. j̓ïzv́ɛźi) j̓ïskъ̀ra (искра) j̓ïгхъ (ирха) j̓ïĺem j̓íš-ty (ишь-ты) j̓ïššu̯ť (ищутъ) — все съ явственнымъ j̓, у моего источника не рѣдко съ фрикативнымъ j. Но iván iγrát́ izbá idïť (итти) izv́éskъ iskáĺ (ср. ńi maγú-jskát́) ikópъ inój izdɑ̀ĺá (при j̓ïzdaĺi издали). Ср. однако j̓i- въ неударяемомъ положеніи въ j̓ikrá («rýba ḿéčiť—kidáj̓iť—j̓ikrú») и въ выше приведенномъ j̓iḿiná. — maï, paraḯť и под.—j̓ejcó яйцо, мн. ч. j̓éj̓cy Р. j̓ij̓éc, въ скорой рѣчи просто iéc. Послѣдніе примѣры освѣщаютъ мое «[j̓]», о чемъ я высказался выше. Старую редукцію и потерю начальнаго i видимъ въ čḿêń, при j̓čḿêń ячмень, въ ḿêť и mať, имѣть (§ 18).

68—69. Приведемъ форму kaŕv́ïγъ (коврига). Примѣры «Программы» вообще сохраняютъ въ Коб. свое i, подъ и передъ ударѐніемъ; съ e отмѣчено лишь xvaťéga квартира. Иначе послѣ ударѐнія: báŕen, u̯ĺadïńer (а можетъ быть скорѣе -ńъr; ср. béŕъx берегъ); továrъš, см. ниже подъ 70. Цѣлую категорію представляютъ формы прош. вр. на -илъ, гдѣ говорятъ то 'a 'e, то 'ɑ ('ъ) 'o: výpaĺ (вышелъ, но ср. 1 л. мн. ч. «dъváj výpjim», не -am), γláďaĺ (-ďeĺ), ispórťaĺ, stróje̯ĺ, núďaĺ (-ďeĺ), marózaĺo; skaróďɑ̀ĺ, atv́étɑ̀ĺ, kĺéj̓oĺ (клеилъ). Дальше «склонности» явленіе впрочемъ не развилось; очень часто говорятъ -iĺ, напр. udáŕiĺ. Ср. мои замѣтки въ концѣ § 17.

70. kŕik kŕičáť stŕič kŕivój skŕïrpkɑ xŕiś[t]j̓äńïn šəŕïnka γŕiγóŕéj tŕïxvon stŕiγú — но iγъ рига, γrur мн. ч. γryby. «Товарищъ» отмѣчено въ формѣ tъváršъ, см. выше при 68—69; коврижка: kъvŕïškъ. — Въ остальномъ ср. литературный языкъ: smaródina и т. д.

71. Отмѣчено visókъj̓; въ остальномъ ср. литер. языкъ.

73. Я слышалъ только báryńa, ryxlъ̀j̓a žimĺá; но въ biŕózyńka отмѣчено «у склонное къ o»; то есть, оно ослаблено по § 17 въ ъ, а отсюда на пути въ o, притягиваясь, однако, нѣсколько впередъ слѣдующимъ ń, по § 15; ср. развитіе въ u въ слѣдующихъ примѣрахъ: kósuńka (косынька) wóddux (отдыхъ, ср. addъxáť при -dy-); но далѣе говорятъ mámuńkä (маменька), svášuńkä (къ sváxa).

74. Относительно tê̯j̓ xudéj̓ kaséj̓ä и под. ср. Морф.

75. О формахъ какъ umuváť (buváť) сказано въ § 17.

76—77: не найдено примѣровъ вродѣ приведенныхъ въ Прогр.

78. kŕérkъj̓ tïxъj̓ kóxkъj̓ ḿéĺkъj̓ péγъj̓ rúckъj̓ (русскій) — ср. с въ spáckъj̓ спасскій — źémskъj̓ tónkъj̓. Но papówśki[j̓] xaróšuńkɛj̓ máĺeńki[j̓].

dóbrъi̯ xaɫódnъi̯ pérʏ̑i и др.; въ мягкихъ основахъ соотвѣтствующая форма звучитъ -ii̯ (-ɛi̯, даже -êi̯): śíńii̯ (-ɛi̯), ʏ́iśéńńêi, ráńńɛi̯. Въ «овечій» отмѣчено, хотя подъ сомнѣніемъ, aʏ́éčɛi̯. Ср. подъ прилагательными въ Морф.

sl'ápói̯ druγói̯ и под., ср. опять въ Морф.

vaśíĭɛi̯, γŕiγóŕɛi̯. — tĭ́mъxʏ́éi̯, líśéi̯ (Елисей).

79. Сказанное въ § 12 и § 17 показываетъ, что произношеніе «по слогамъ» нужно по моему считать старшей подкладкой произношенія какъ этого, такъ и окружающихъ говоровъ. Оставляя это старшее произношеніе, развитіе принимаетъ, повидимому, нѣсколько различныя направленія. Въ Кобыльскомъ говорѣ, судя по Агееву, сокращеніе предударнаго слога пошло особенно далеко, редуцируя его гласный иногда въ совсѣмъ слабый, даже неясный звукъ. Это, однако, можетъ быть до извѣстной степени индивидуальностью.

80. 1. líkśéi̯ líksándrъ líisaʏ́étъ líśéi̯ γraxʏ́énъ Аграфена (но akulĭ́nъ) γurcý γaróɫ огородъ γaródńik огородникъ; ńäńĭ́ny (ср. i̯ĭ́ńä, см. 66) wúńän игуменъ пъγdá иногда spuγáɫśɛ[1]) испугался kɫ́ъ-pólä xvonáśii̯ (-śɛi̯) Афанасій.

2. Въ концѣ слова потери гласнаго не замѣчено (о «vań!» Ваня! и под. ср. Морф.); о частой потерѣ голосности сказано въ § 14.

3. ʋ́irŕänó. kóɫkъɫ (и kъɫakóɫ); ср. мн. ч. koɫakɫý, Т. s-kъɫakɫóm (и kъɫkaɫóm?). Но напр. púγoʋ́icъ, ʋ́ĭďiɫa, čiŕómuxъʏ (Р. мн. ч., притомъ -mux, подобно И. ед. ч. čiŕómux), и т. д.

81. 1. Ср. 80, 3: kъɫkaɫóm?

2. Указываю на только-что приведенныя формы kъɫakɫóm, koɫakɫý. Далѣе kъrvái̯, Р. -ái̯e, мн. ч. á[i̯]i; tъrkány тараканы. — Другихъ примѣровъ я не замѣчалъ; ср. напр. vorotá (vъrtá) sъrъxván poɫaʋ́ĭnkъ xɫ́adnó bɫaγъdaŕĭm u-yoɫóváx и т. д.

82. Приведемъ напр. «ńi-dnamú tĭbé daɫ», не одному...; nъtcá на отца; pŕixótax при охотахъ; u ńäγòtńáɫ у него отнялъ (черезъ tńáɫ?); «mnóγʋ́éc mé[i̯]ić» вм. -γъ aʋ́éc, много овецъ имѣетъ; ńetu-γńa нѣту огня; awcá-katĭ́tъś, т. е. окотилась; cenádná цѣна одна. — Для 2 укажу на приведенныя въ 80,1 формы.

83. Говорятъ aḿiĭi̯án (Емельянъ). — pirńäśí, pirʋ́äźí, pirʋ́arnúć, ʋ́ir-ťänó (ср. подъ 80) — но pirävóźić, piränóśić, pirád-wúžinъm (описка вм. -žy-?).

---

1) Ср. čḿêń ḿêć máć выше 66; ихъ нужно понимать иначе, ср. частую потерю ĭ- и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Говорятъ dišeťĭna. «Сейчасъ» въ связи рѣчи стягивается въ šas. «Ильюша»: iĺ̯úša.

84. Вмѣсто чикать «škaťь» — но ṕixáťь и т. д.

85. baĺóγъ. «boĺoźá dźéńγ-i̯êś, a tó kuťĭ śibé». — Но «adnó óbĺъkъ» или «adĭn óbĺъk», мн. ч. óbĺъki; stram; daĺžnó; stoĺp; tóĺššə. — bernó (bar-) бревно, мн. ч. bórny P. bernóu. — šerp и т. д.; čérťina, načerťíťь.

87. roų ровъ: iz rówъ; rot ротъ: u ratú, iz róta; mox: s-móxu; ср. впрочемъ подъ 88.

88. Относительно приставки гласнаго въ началѣ слова мои записки позволяютъ указать на любопытное правило. Съ произношеніемъ литературнаго языка согласуются xĺęų xlěvъ, γumnó и т. д.; какъ исключенія я отмѣтилъ abasói вм. босой, iγlér Глѣбъ, iγdə гдѣ, istrúp срубъ. Относительно развитія формъ вродѣ udъvá вдова, u̯tórńik и под. сказано въ § 13. Остаются примѣры вродѣ slѣдующихъ: ĺor лобъ, Тв. aĺbóm; roš рожь, mnóγъržý много ржи — но безъ предшествующаго гласнаго въ P. iržý; ржаной: aržanói; P. iĺnú (ĺon ленъ), ср. syĺnóm со льномъ, aĺĺanói (т. е. льняной); iĺγún лгунъ; iĺγóta льгота; iĺvá, P. къ ĺęų левъ; iĺdú ńétu (льду) — но иначе lisťéc, льстецъ —; mox мохъ, s-móxu, но при томъ P. ъmxá, прил. ъmxawói (Тв. samxóm, со мхомъ, можно дѣлить s-a или sa-); iržéť ржетъ; irv́éť рветъ; iĺ̯écъ льется. Какъ сейчасъ видно, появленіе новаго гласнаго связано съ существованіемъ сильнаго «побочнаго слога» въ началѣ слова, въ видѣ сонорнаго согласнаго. Этотъ побочный слогъ устраняется, переходя при помощи приставки гласнаго въ полный слогъ нормальнаго образованія. См. мой «Очеркъ» 206. Данныя, описываемаго говора отличнымъ образомъ подтверждаютъ высказанныя мною противъ Сиверса соображенія объ этомъ явленіи, см. Очеркъ же, 164.

(O ḿäńĭny имянины, ḿeńĭńńik, wúḿän игуменъ см. выше подъ вопр. 80).

89. pšäńĭcα, kraṕĭwa, twórъx (творогъ), skwaŕéc. — karwáť, кровать, поражаетъ своимъ a (не ъ) въ первомъ слогѣ. — γъŕečĭxa гречиха, i̯ĭskъra искра, nъráv́ica нравится, žъráť жрать.

tьĺkanúť, mъrγanúť — но maxnúť.

(smaródĭnα).

támъ, túťъ, zdźéšä, učirášä (učórα).

liksándrъ, ḿixái̯ĺъ, ṕótrъ — съ склоненіемъ женскихъ основъ на -a: P. Д. liksándry, В. -dru, Т. -drъju. [Съ такимъ склоненіемъ отмѣчены также timóxъ (В. -xu), aĺóxъ (Т. -xъju) andŕúxъ].

90. Можно привести słovaxóčĭi̯, sъmaxótkα. — О «мой» и под., о сравнит.

степени и пр. укажу на Морф. — Далѣе я отмѣтилъ здѣсь roγrát' поиграть, pŕimát', ńizvésnъ неизвѣстно — но rьjmát', pajd'éš, pajd'óm, pajéxьl', ńi-uḿél', и т. д.

91—92. Вопросы освѣщаются столь часто встрѣчающейся у меня передачей dúma[j]iš, béγъ[j]it', uḿé[j]iš: въ отчетливой рѣчи артикулируется j, нерѣдко даже j; т. е., сознаніе j еще живо; но скороговорка часто (чаще) выпускаетъ его: «dúmaiš».

93. Зато формы вродѣ znáju, buvájuť, u andŕéja, жен. р. bélъja въ этомъ говорѣ постоянно сохраняютъ свое j.

Къ 94—96 ср. въ § 13.

97. Приставка v-; u-, чаще въ видѣ w-, къ o-, u- очень обыкновенна: wóśêń (-śiń) wóčiń wóźra wóspy (ед. ч. wóspъ) wókuń wólă wólĭnkα Оленька wołtáŕ алтарь; wóddux отдыхъ wav́ós (и av́ós) vakóško. — ośĭnα отмѣчено безъ v-; поражаетъ при томъ o-, не a-; при wod- въ wódduxъ (выше) ср. частое at-, ad-, напр. addáj отдай; далѣе ayóń, awcá. — wútka wúxъ (мн. ч. wúxi P. wux; *wušy я не нашелъ) wútrъm (ср. s-ráńńiwo wutrá) na wúlĭcu vusý усы vuš ужъ; piŕäd-wúžinъm (-žy-?), iz-wuγłá (къ ударенію ср. «at wúira dъ-v́éčira; iz wúzlα).

Юноша: júnuš (ср. júnux въ сказкахъ въ Ив.).

Сюда принадлежатъ, можетъ быть, и такіе случаи, какъ u-wadnóm dóḿe, u-wastróγä? Ср. § 13.

98. damnó, sramná[j]ica сравняется; но unúk внукъ, d'iŕéẃńä (-ńä); u-wad'é, u-wáĺńkax и под., ср. литер. языкъ.

99. ńitrъxwán sъrъxwán xv́ódor xv́édă axwanášij (или xwonás) — sóx́ja xunt kartóxa; xrancúc(!) anáx́iwna (анаѳема).

xwaťéra, kúxńa.

apraśíńja (или aprósja). — ĭiųšá лѣвша.

Ф на мѣстѣ хв я не нашелъ; также не хв вм. х, въ примѣрахъ какъ axóta. — Отдѣльно стоитъ «u kołtańé» въ кафтанѣ.

100. Отождествляю твердое л, съ сильнымъ велярнымъ элементомъ, вообще съ московскимъ; см. o ł въ «Очеркѣ». На розысканія о болѣе мягкомъ произношеніи ł мой источникъ слѣдовалъ своему обычаю, относительно чужихъ ему чертъ указывать на «Польшу», на мѣстности по направленію къ Смоленску, тамъ гдѣ ṕiťĭkъwajúť (употребляютъ частицу «ти», о чемъ скажемъ потомъ) — понятіе, подъ которымъ Агеевъ, очевидно, подразумѣвалъ многое! Опредѣленныхъ же указаній онъ дать не могъ.

101. Рождество: raštwó; ср. rъžáło рождала.

102. Я не нашелъ потери d въ приведенныхъ примѣрахъ.

103. Какъ сказано въ фонетикѣ, произношеніе ť ď можно сопоставить съ московскимъ; свистящій элементъ, пожалуй, даже слабѣе развитъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Въ Кобыльѣ «ńä cykaj̯úť», объяснилъ мой источникъ, относя опять такія особенности къ «Польшѣ», туда, гдѣ «pŕiťíkъwaj̯úť» — ср. выше подъ вопр. 100; въ этомъ случаѣ, какъ мы знаемъ, не безъ основанія.

106. drux doĺx sarók и т. д.; ср. произношеніе г какъ γ.

107. (takój̯ pŀaxój̯ druγój̯, но) takýx takým, мн. ч. pŀaxýie; «u druγýj̯ žańé», и т. д., ср. въ Морф.

naď iętym šäĺóm и под.

ḿéĺkъj̯ kŕépkъj̯ и т. д., см. выше 78.

attáĺkъwať atpĭxъwať zatróγъwať (склоняется къ -γuwať), указываютъ на у, не на і, послѣ к γ х.

108. kъγdá ťъγdá ṷśiγdá. — Кромѣ «j̯iпъŕáĺ» приведенныя слова согласуются съ литер. формами.

109. Приведенные примѣры согласуются съ литер. языкомъ.

110. čäj̯kú xъzi̯ä̆j̯kä tóĺkä (и tóĺkъ, заимств.?) skóĺkä, u wáĺińkax, kóśuńka косынька biŕózuńka mámuńkä маменька (а также máḿinka, ср. ниже подъ 138 сл.) dĺiḿińkę̆j̯ xaróšuńkę̆j̯ máĺɛńki[j̯] — но, напр., rúckъi русскій spáckъj̯ спасскій tónkъi и т. д. — γlášńkį т. е. «глянька». — k подъ вліяніемъ ś отмѣчено въ papówski[j̯]; но, напр., γuбérskъi. — sáška, ťótuškъ, bábuškъ и т. д., какъ въ литер. языкѣ.

111. kísĺъj̯ ťíxъ dĺĭnnъj̯ и т. д.: ср. лит. языкъ.

112. k-róru; iďéť kuzńecú идетъ къ кузнецу; kóčki вм. къ k-: я не замѣчалъ удиненія въ k-. — Въ «къ дереву» я слышалъ g-ďéŕiwu, а не γ-.

xto dóxtъr traxťír — но k-ťibé. Любопытно «къ чему», звучащее čamú, безъ k или х передъ č, но съ усиленнымъ, потому здѣсь яснымъ элементомъ t въ č.

Въ остальномъ ср. литер. языкъ, — только лишь «ужаснулся» получило видъ uzašnúĺśi (-śa).

114. družj̯á (druʃí), ср. въ морф. — Забота: žabóta, ср. прилаг. žъbatĺív; дразнить: dražńíť. — Обратно źilézъ, źémčux. Вмѣсто жабры я слышалъ zábry. — Въ остальномъ ж и з распредѣляются, повидимому, какъ въ лит. языкѣ.

115. ш вм. с я слышалъ въ šyšnádcyť шестнадцать, škarĺúpa; с вм. ш въ básńa башня. Въ остальномъ ср. лит. языкъ. Объ užašnúĺśa ср. 112.

116 не требуетъ замѣчаній: ы изъ и послѣ ш, ж — постоянное правило въ нашемъ описаніи.

117 слѣд. ц — твердо. Послѣ него звучитъ «ы», не и. Ср. къ тому

напр. съ̀uvа́ť, наст. са̀ú̯ù. Элементъ t выступаетъ въ ц вообще ясно, не то что въ č. — О затрудненіяхъ рѣшить, стоимъ ли передъ c, dc, ts, tc, мы уже говорили раньше.

ц на мѣстѣ c: rúckъ̯ь̀ muckó̯ì (но žénskъ̯ь̀) spáckъ̯ь̀ (vóx̀oś spáckъ̯a; ср. въ этой связи и другія названія въ окрестностяхъ: śéŕŕéck Серпейскъ; ra̯ì-ďóm и ḿiśśóck Мещовскъ, см. 123).

119. Я отмѣтилъ čer для «цѣпь», повидимому, явленіе единичное.

120. О č въ § 13. «Кабатчикъ» звучитъ ««kъbaťšik», или можетъ быть лучше «-tčik»; далѣе ср. pótčivъť, atčäwó, «ĺútči» (ср. морф.), mĺátčì̯ — но, напр., wóčiń очень. Объ отсутствіи настоящаго «твердаго примыканія» мы говорили раньше.

122. чн даетъ различные результаты. Хотя элементъ t въ č вообще слабъ и склоненъ исчезать, но можно слышать чн съ сохраненнымъ č: pŕi-vy̆čnъ, па véčnъ̯ь̀ vék — при véšnъ̯ь̀, какъ kańéčnъ и -šnъ. Въ другихъ примѣрахъ сочетаніе перешло въ šn: rušńik, ďevíšńik, širďéšnъ̯ь̀, ja̯ìšńicъ (также ja̯éšńa, яичница).

Передъ ǩ я слышалъ ясное š̑ въ выраженіи u botráški «въ батрачки».

чт: póšta. Для «почти» я отмѣтилъ и paští и paštĭ, первое, съ š̑, подъ сомнѣніемъ. Колебаніе объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что š ž нашего говора не изъ особенно твердыхъ.

123. šúka šótkъ šeĺ véš borš; въ концѣ слова долгота иногда мало замѣтна, а можетъ быть исчезла. Внутри слова удиненное š распадается по слогамъ, т. е. на šš: paḿéššyk véššy ja̯ššó ji̯ššyť ищетъ svíššyť свищетъ svišśéḿik ḿi-potpuššáji̯ť и т. д. Отдѣльно стоитъ šči щи — по моему источнику предпочитаютъ, впрочемъ, названіе «kapústa».

Отмѣтимъ š̑ въ ḿiśśóck (выше); ср. слитіе сч: šem съ чѣмъ (сокращенное въ «šitviíγá» съ четверга).

124. «Дождь»: doš и doš (послѣднее, можетъ быть, даже чаще; ср. о сокращеніи -š въ 123), P. dъžžá (а также «dóžžu ńétuťi»). — vižžáť, 3 ед. ч. vižžyť — при чемъ о собакѣ говорятъ также víššyť. — wuji̯žžá[j]iť (wъ-).

Но ždêť ждетъ, podaždĭ: ž притягивается впередъ вліяніемъ ď, но надо еще характеризовать его какъ ž, не какъ ž̑. «Возжи»: vóžžy — и т. д., какъ можно предположить.

125. Ярмарка: ja̯rmъnъk.

128. Отмѣчено ḿerĺúγa берлога (ср. подъ 55 — 56), skroś сквозь, ḿikъĺáj, ḿikĭtъ.

131. pósnъ̯ь̀ ďeń. straś, ukráś (украсть) и pod. — bъγástvъ, śiróstvъ. —

ńivéskα. práźńik (γwoś гвоздь, мн. ч. γwazdï -ďéį, собир. γwóźdă). «Ноздри» называются nózγŕi.

kušýn кувшинъ, ráźi (ty γlúp, развѣ...)[1]).

Мужской: muckóį.

134. stram stražéńiją dastók (досокъ) istrúp (срубъ). Но nъráv́ica (-ъ) нравится, źŕa, žъráť жрать, záγъv́iny (zaγъwlā́ť).

135. Я отмѣтилъ učińńik, mašeńńik (NB e), но ńiixáńik; въ mašéńńica я колебался, писать ли ńń или ń.

bastýdńik, rъskás — оба съ краткимъ s. Но: rъssuždáť, rassóŕ.

136. Я отмѣтилъ jáŕъja ĺénta, но akušýrka, arḿák и т. д. — Припомнимъ ĺésĺi, ĺéžəĺi если, ежели.

137. γółup kroų broų ĺúbóų astáų śem wóśim rup (P. rubĺā); čer цѣпь, ср. 119. — žuravéĺ журавль, мн. ч. -wlï (-ųlï) P. -wlę́į и т. д.

Къ 138 слѣд. укажу на § 16. Приведемъ здѣсь къ 140 примѣры pé-śinka wólinka (Оленька) ḿáḿinka (ср. подъ 110); къ 141 staršyį bъzár śércъ (но śéŕdica сердится) — dórγъť zaďéržuwъť ḿérskъį; къ 142 ĺékče (-še или -šä?), ср. ĺóxkъį, ḿákčə; къ 143 źďéšńiį pŕéžńiį (-ńęį) ĺéžḿä kańúšńä družją; въ первые дни моихъ наблюденій я отмѣтилъ vaĺéžńik, а при ń передъ шипящимъ и paďóńšyk и -šik поденьщикъ; ср. въ § 13. Къ 144 kuźḿá píśmó и т. д.; отдѣльно стоптъ bъrbá борьба, ср. próźba хъďbá sváďba. Къ 145 bárskъį dŕiv́énskъį и т. д.; къ 146 póĺzα póĺzowať (вѣроятно пріученная форма, ср. обыкновенное -uwať), и вообще какъ въ лит. языкѣ, такъ напр. и rýba, traśńík (тростникъ) и т. д. Къ 148 źďéšńiį pŕéžńęį kańúšńä и т. д.; при Тв. iĺnóm льномъ ср. syĺnóm со льномъ, далѣе «sónce tak-y-pékéť»; къ послѣднему ср. однако записанное при другомъ случаѣ «sónce tak i pákĺó»; это — колебанія, зависящія отъ той близости, съ которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ связываются слова у говорящаго.

20. Село Котово, главныя черты его говора. Съ описаніемъ Кобыльскаго говора свяжу нѣсколько краткихъ замѣтокъ о говорѣ села Котово («šäĺó katówa»), собранныхъ у крестьянки 40 лѣтъ, родившейся въ той же Котовской волости, верстахъ въ десяти отъ Котова, гдѣ она живетъ безвыѣздно, между тѣмъ какъ мужъ выѣзжаетъ на заработки въ Москву. Котово лежитъ на полпути отъ Мосальска въ Сильковичи, къ сѣверу отъ Кобылья — ср. выраженіе, что Кобылье «ná-poĺdńi ot-nás», съ прибавкой, по нашимъ понятіямъ странной, «a mý uš at-Kabýlšyny na-zαpát».

---

1) ź въ raźi отмѣчено не разъ какъ dź; индивидуальная ли черта?

Котово отражаетъ вообще тотъ же самый типъ, какъ и говоръ Кобылья. Подчеркнемъ прежде всего сохраненіе согласныхъ со слѣдующимъ j, безъ перехода въ долгіе (двойные) согласные: myťjó, не *myťťó. — Распредѣленіе ъ и і (ɛ, ê), задняго и передняго «ирраціональныхъ гласныхъ», соотвѣтствуетъ развитію въ Кобыльѣ. Узнаёмъ не только общее для всѣхъ описываемыхъ говоровъ отношеніе sъxá: saxú, ńä móžyť: ńičawó, jaššó еще: ńét-išše и под., и не только переходъ y>ъ въ примѣрахъ какъ «ńi sťъxá-ťa» [1]), «u dóbrъx ťuďéj» — при «y» въ другихъ случаяхъ, какъ то «ńá-móžyt-tót ńe..., не можетъ тотъ не..., Kabýlšynỳ и др. —, но дальше, напримѣръ, такіе же случаи «вокальной гармоніи» (baranú вм. ожидаемаго bъ-, борону), какіе намъ извѣстны изъ Кобылья, см. въ § 17.

Поэтому, на основаніи произношенія въ Котовѣ мы въ правѣ дѣлать извѣстныя добавочныя, пополняющія заключенія относительно нашего матеріала изъ Кобылья. Прежде всего видно, что сильное развитіе вторичнаго «оканья» въ Кобыльскомъ произношеніи, вслѣдствіе частаго перехода ъ въ о, представляетъ собою явленіе мѣстное, а отчасти, пожалуй, даже индивидуальное — хотя мы часто встрѣчаемся съ этой же чертой и въ другихъ говорахъ, дальше на западѣ. У моего источника изъ Котова случаи этого перехода, хотя и встрѣчаются, но только спорадически; могу привести, напр., bogъná борона; po-ṕiťí по пяти (ṕi- странно, заимствовано ли?) wółosťi (литературно?); обыкновенно же говорилось ясное ъ («kъkъ sámъj ńéruči» и под.). А подъ условіями, которыя узнаёмъ сейчасъ же, это ъ можетъ притянуться впередъ и вверхъ въ поясъ гласнаго у: «dyčêŕéj» дочерей, -yjä вм. -ое напр. въ «šälʼó ryťádъčnyjä» село порядочное [2]); въ другихъ случаяхъ, и это чаще, ъ склоняется по направленію къ а («ɑ», напр. nazɑpáďä на западѣ) отчасти развиваясь въ полное а, особенно въ концѣ слова (sťýšnà); къ послѣднему вернемся ниже.

Въ произношеніи Кобыльскаго говора у Агеева, сравнительно съ произношеніемъ стараго поколѣнія въ Ив., мы отмѣтили извѣстное отклоненіе отъ распредѣленія «вѣса» слоговъ. Разница касалась слога непосредственно передъ ударяемымъ, который у Агеева замѣтно не выдвигался отъ прочихъ неударяемыхъ. По общему строю вокализма можно заключить, что это — произношеніе новѣйшее, вытѣсняющее старшее положеніе дѣлъ. Это именно

1) Хотя слогъ предударный, какъ увидимъ ниже, въ общемъ сохраняетъ, какъ въ Ив., извѣстный сильнѣйшій вѣсъ.

2) Къ совпаденію -ая и -ое ср. изъ сосѣдней деревни вывѣску: «чайная заведение».

подтверждается моими наблюденіями надъ произношеніемъ въ Котовѣ: судя по моему источнику, оно сохраняетъ тотъ старшій образъ рѣчи, который по всему уѣзду до сихъ поръ борется съ новымъ, ускореннымъ выговоромъ,— тотъ медленный темпъ съ яснымъ произношеніемъ каждаго отдѣльнаго слога, съ выдвиженіемъ кромѣ ударяемаго также и предударнаго слога, который я описалъ изъ Ив. Выдвиженіе слога передъ ударяемымъ выражается въ замѣтномъ удлиненіи, если слогъ содержитъ гласный «полный»; напр., въ xadʹiť, radʹiť, ľudʹéj, ńičawó предударный слогъ отмѣченъ съ столь же долгимъ гласнымъ какъ въ ударяемомъ слогѣ; но ъ, ɑ, напр. въ na zɑpát,— кратко. Какъ видно, это то же самое, что намъ извѣстно изъ Ив.; а съ отношеніями Ивонинскаго произношенія согласуется также интонація: слогъ непосредственно передъ ударяемымъ лежитъ — въ разсказывающемъ и подтверждающемъ стилѣ — вообще выше ударяемаго; напр., приведенныя выше xadʹiť, ľudʹéj даютъ картину ˉ˙, ńičawó ˘ˉ˙, и т. д. Низкая интонація, свойственная ударяемому слогу, отмѣчена въ случаѣ какъ na-zɑpát (zɑpát) въ видѣ нисходящаго тона (˜), внутри самаго слога, ˘ˉ; мы знаемъ это отношеніе изъ Коб.; въ какой степени оно распространено въ Котовѣ, не могу сказать.

Съ любопытной ясностью Котовское произношеніе освѣщаетъ извѣстныя явленія вокализма при томъ «побочномъ ударенiи», о которомъ была рѣчь и въ Ив. и въ Коб. говорахъ. -a, -o, выступаютъ въ Котовѣ при полной неударяемости — особенно въ связи предложенія — какъ -ъ: jétъ это, kapústъ, máľъ мало и т. д.; но при выдвиженіи посредствомъ побочнаго ударенія, даже не сильномъ, на мѣстѣ -ъ является -a: kaˈpusˌtà, «pʼaďušnà dʼstajétsa» порядочно достается; въ паузѣ такое -a нерѣдко сильно удлиняется: «dá, sʼýšnà» да, слышно. Подобныя явленія замѣтны въ 'ä; напр. skóľkà (но tóľkɑ), na-zɑpádà[1]). А на подобную разницу въ вокализмѣ указываютъ также иные случаи при закрытомъ конечномъ слогѣ; ср. выраженія какъ vorz-ďéšitʹ, vorz-dvádcetʹ въ скоромъ произношеніи, съ болѣе выразительными «vorz- dvádcàtʹ», «dvinádcàtʹ», съ яснымъ a.

— Изъ морфологіи упомянемъ формы прилагательныхъ на -aj на мѣстѣ Коб. -ъj: śiľkópskaj wółostʹi. Не могу рѣшить, можно ли считать эту особенность развитой въ самомъ Котовѣ, можетъ быть, даже во внутренней связи

---

1) Въ выраженіи «śäľó pʼáďʼъčpujä» (выше) я слышалъ какъ будто извѣстное побочное ударенiе въ обоихъ послѣднихъ слогахъ, -pŭ- и -jä. Вѣроятно это явленіе особаго эмфазиса.

съ только что упомянутой склонностью замѣнить ъ конечнаго слога при извѣстныхъ условіяхъ гласнымъ а; конечно, можетъ быть, что аі заимствовано. — Окончаніе -е́і, извѣстное намъ изъ Коб., свойственно также котовскому говору, но не только послѣ зубныхъ, ср. напр. рʼахе́і. Это обстоятельство, конечно, вноситъ сомнѣніе относительно возможности того объясненія происхожденія -е́і, которое я выставилъ для обсужденія въ § 15; если же оно правильно, то употребленіе -е́і въ Котовѣ также послѣ согласныхъ не зубныхъ обозначило бы обобщеніе окончанія внѣ собственно законныхъ границъ. — Изъ прочихъ явленій морфологіи подчеркнемъ — кромѣ глагольнаго типа muji мою и формы jêś, а не *joś для «есть» — окончаніе Р. ед. ч. муж. рода мѣстоименій и прилагательныхъ. То -γo, которое столь обычно въ Кобыльѣ, въ Котовѣ какъ будто не употребляется. Даже «чего» «кого», гдѣ -γo встрѣчается у стараго поколѣнія также около Мосальска (Ив.), звучатъ въ Котовѣ по моему источнику čawб, kawб. Свѣдѣнія, полученныя у крестьянина сосѣдняго поселенія Вятчины, подтвердили мнѣ это. Мѣстности около Кобылья, къ югу отъ Кирсановой Пятницы (включительно), которыя напр. своимъ ńi ĺi ťi и пр., безъ перехода въ ńń ĺĺ ťť и пр.; примыкаютъ къ говорамъ съ восточной ихъ стороны, въ широкомъ своемъ употребленіи -γo представляютъ переходъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ.

III. Разграниченіе описываемыхъ говоровъ.

21. Граница ńį, ďį и под.: ńń ďď и т. д. Слѣдуя отъ Мосальска на западъ, въ говорахъ Котова — Кобылья мы стоимъ около границы появленія долгихъ (двойныхъ) согласныхъ на мѣстѣ старшаго сочетанія согласнаго съ j. Но надо подчеркнуть, что появленіе такой отдѣльной новой черты не означаетъ еще перехода въ новое «нарѣчіе»; разграниченіе нарѣчій или даже говоровъ на основаніи какого-нибудь отдѣльнаго грамматическаго явленія не только — условно, но въ сущности неправильно. Каждая звуковая и морфологическая особенность имѣетъ свои особыя границы, а одной такой отдѣльной особенности вообще недостаточно, чтобы можно было говорить о переходѣ отъ одного говора (нарѣчія) въ другой. Замѣтки относительно окончанія -γo въ § 20 ясно показываютъ, что границы разныхъ лингвистическихъ особенностей совпадаютъ въ области описываемыхъ здѣсь говоровъ столь же мало, какъ въ любой мѣстности съ лингвистически однороднымъ населеніемъ, не разрѣзаннымъ политической или экономической жизнью на группы со слабыми сношеніями другъ съ другомъ.

Однако, произношеніе долгихъ согласныхъ на мѣстѣ согласнаго + j представляетъ для условнаго разграниченія черту яркую, и потому удобную. Притомъ эта черта повидимому соединяется болѣе или менѣе тѣсно съ появленіемъ и другихъ особенностей, какъ то «jośь» для «есть»; очевидно, она означаетъ собою лингвистическую границу, врѣзывающуюся довольно глубоко.

Относительно упоминаемой границы я долженъ былъ довольствоваться указаніями крестьянъ. Правда, я переѣзжалъ границу нѣсколько разъ, и, такимъ образомъ, могъ контролировать данныя мнѣ указанія для иныхъ точекъ; но остается задача слѣдовать вдоль границы отъ поселенія въ поселеніе, продолжая ее какъ къ югу, такъ и къ сѣверу.

Произношеніе śviṅńá, sudďá и под. начинается, отъ Мосальска въ Сильковичи, на одной дорогѣ — съ поселенія Шершнево, на другой — съ поселенія Красный Холмъ. Сѣвернѣе, на пути въ Спасъ-Деминское, оно начинается съ поселенія Холмы, Дубровской волости; къ югу же отъ Краснаго Холма съ поселенія Крута́я (на западѣ отъ Кобылья). Какъ уже сказано, эта же граница повидимому обозначаетъ вообще появленіе также формы joś. Если же крестьяне къ востоку отъ этой черты, напр. изъ Вятчины, и склонны говорить, что на этой же границѣ начинается также «ти-канье», то это не вѣрно; оно только показываетъ, какъ развито у самихъ крестьянъ то чувство, что граница долгихъ согласныхъ означаетъ собой появленіе чего-то ужъ сильно различнаго отъ собственнаго ихъ говора.

Тотъ болѣе западный типъ говоровъ, который на пути изъ Мосальска въ Спасъ-Деминское начинается въ Холмахъ, также какъ будто связанъ съ извѣстной границей въ матеріальной культурѣ. Меня поразило, что поселенія къ западу, съ Холмовъ включительно, имѣли во время моего пребыванія въ данныхъ мѣстностяхъ видъ менѣе развитой; они какъ будто отставали; жители на заработкахъ занимались больше земляною работой или служили «въ корридорныхъ», при чемъ не такъ много отправлялось на работу внѣ родины. Женщины носили еще часто поневу, которая вообще вышла изъ употребленія ближе къ Мосальску. Впрочемъ, только еще дальше на западѣ, съ Милятина включительно, понева становилась обыкновенной, и лишь молодежь начинала вполнѣ освобождаться отъ нея. А эта послѣдняя подробность имѣетъ свой интересъ. Именно, по свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ Аристова, сосѣдняго съ Холмами, поселенія: Холмы и близкое Глазова, далѣе Дубровка (на сѣверо-востокъ), Калугова и Фомина, составляютъ особую группу, различную отъ группы Аристово — Юрина — Доброва — Неручъ; крестьяне Холмовъ и т. д. называются сосѣдями «троицкими», потому что принадлежали Троицкой Лаврѣ; они, очевидно, представляютъ переходную группу; ихъ рѣчь характеризуется для простого народа частымъ употребленіемъ частицы ńäbú, небы. Съ поселенія же Миля́тино начинается, по крестьянамъ, собственно Спасскій говоръ, съ его «тиканьемъ» и всеобщимъ употребленіемъ окончанія -γo.

О мѣстностяхъ поближе къ Сильковичамъ сообщу нѣсколько подробностей въ слѣдующемъ параграфѣ. Здѣсь еще пара словъ относительно разграниченія помощью черты ńń ĺĺ ďď и т. д. Иныя обстоятельства возбуждаютъ вопросъ, не представляетъ ли та часть границы между ńń и ńj, ďď и ďj и т. д., которую мы указали выше, остатокъ весьма старыхъ отношеній. Невольно привлекаетъ вниманіе то обстоятельство, что мы стоимъ здѣсь при-

близительно какъ разъ на водораздѣлѣ между Угрой и Болвой[1]). Какъ уже сказано, крестьяне сами признаютъ не мало значенія за этой звуковой границей; нерѣдко все къ западу отъ нея для людей съ восточной стороны уже — «Польша».

Изслѣдованіе такихъ вопросовъ надо предоставить другимъ. За то обращу вниманіе на то, что указанная граница въ наши дни, повидимому, отступаетъ въ западномъ направленіи. Мы указали изъ Кобылья единичный случай долгаго согласнаго (nóčču ночью, § 11). На такой случай я не обратилъ бы большаго вниманія, если бы онъ остался вполнѣ единичнымъ. Но по собраннымъ свѣдѣніямъ такіе же отдѣльные случаи не вполнѣ безъизвѣстны къ востоку отъ указанной нами границы также дальше на сѣверѣ, у старухъ въ Аристовѣ, — хотя и какъ большая рѣдкость. Очевидно, они тамъ представляютъ вымирающій остатокъ. Съ этимъ согласуется, что замѣчается нерѣдко колебаніе также къ западу отъ границы. Въ Милятинѣ, напр., я слышалъ źéllä зелья, но beļļó, muļļó, между тѣмъ какъ немного къ югу, около Куземокъ, все говорили muļļó (sudďá и др.). Можно заключить, что вытѣсненіе долгихъ согласныхъ происходитъ подъ давленіемъ съ востока, — что произношеніе съ долгими согласными чувствуется уже какъ что-то болѣе «мужицкое». А въ томъ же направленіи слѣдуютъ и другія теченія. Мы говорили выше о поневѣ. Добавимъ къ сказанному, что напр. въ Вятчинѣ носили еще нѣсколько лѣтъ назадъ поневу; во время моихъ изслѣдованій она тамъ уже совсѣмъ исчезла; а въ сосѣднемъ Котовѣ она не была еще вполнѣ неизвѣстной.

---

1) Въ какомъ отношеніи стоитъ указанная граница къ названіямъ поселеній на -ичи? Судя по картамъ, мнѣ доступнымъ, эти названія прекращаются въ данной мѣстности именно около указанной границы.

IV. Окрестности Сильковичъ.

22. Общія замѣчанія. Умная крестьянка изъ Студёновы (подъ самымъ селомъ Сильковичи), Варвара Хомкина, главный мой источникъ для слѣдующаго описанія мѣстнаго говора, дала мнѣ хорошія свѣдѣнія также касательно окрестностей. Въ связи съ предшествующимъ параграфомъ приведемъ сначала интересующія насъ подробности изъ этихъ свѣдѣній.

Люди Сильковической волости «ńe t̆ikaj̆ŭť» — ср. замѣчанія въ § 21 далѣе, они «ńi čăẃókaj̆ŭť — nóńčă čawókńiť xto daléče byĭ», т. е. здѣсь не имѣемъ čawó kawó и под., какъ дальше къ востоку, но čaγó kaγó и под., то что мы нашли въ Коб. («kabýĭšyna čaγókaj̆ŭť, kak u nas»).

«Тиканье» (напр. «ťi bъĭá ty tám?» вм. была ли ты тамъ) считается уже «Польшей» для людей около Сильковичъ; оно служитъ примѣтой «Деминщины» («ďéḿinšъnà»). Свѣдѣнія, данныя мнѣ названной крестьянкой касательно этой черты, согласуются отлично со свѣдѣніями, полученными потомъ со стороны Спасъ-Деминскаго. Такъ же, какъ въ Сильковичахъ съ сосѣдними поселеніями Студенова, Салова и Филиповка (p̆iĭ̆rkъwa), говорятъ еще, къ западу и сѣверозападу, въ поселеніяхъ Шопотова (šбrotovà, stáj̆skъja vółost), Крюкова (kŕúkowà), Маховички (mъxav̆íški), Алфимова (aĭx̆́mowa), Бáхматова, Занóзная: не «тикаютъ», а мой источникъ также не помнила, чтобы раньше тикали. Къ этой же группѣ относится, по другимъ свѣдѣніямъ, также Чипляевка (čipĭáj̆ъwka); относительно Давыдовы свѣдѣнія расходятся.

Тиканье же, т. е. «Деминщина», начинается со слѣдующихъ поселеній (съ югозапада на сѣверовостокъ): Понизовье (pańízъvà), Пéчки Малы́шкина, Верхуличи (v̆ɛrxúĭ̆ńči)[1]), Утрикова (wútŕikowà), Ершовка (j̆ărš̆ý), Пустая, Куземки (kuźómki), Бѣльская (b̆ilš̆káje).

1) О Широкой моя крестьянка не могла высказаться: u šarókъj̆ ńi bъĭá».

Изъ «троицкихъ крестьянъ» къ сѣверовостоку отъ Бѣльской (ср. въ § 21), Фомина (xaṁinó) и Зимница (źimṁïcy, на Перекшѣ), по полученнымъ въ Спасѣ свѣдѣніямъ еще «тикаютъ», между тѣмъ какъ принадлежащія къ той же группѣ болѣе южныя поселенія: Сининка, Замошье, Марьина, не имѣютъ (болѣе?) этой особенности.

Студенова.

23. Характеризующія черты. Какъ сказано въ § 22, собранъ слѣдующій матеріалъ у Варвары Хомкиной («mъjá-ta ïma? varvára xómkina, dĕŕéẃńi studónъwà pot śäłóm śilkóvíči»), крестьянки 52 лѣтъ, не работавшей внѣ родной мѣстности. Характеристическія положительныя черты этого говора, т. е. говора Сильковической волости, даются изъ предшествующихъ параграфовъ. Имѣютъ здѣсь согласные долгіе (двойные), напр. sudd̓á, myťťó, myźju pŕáťťa; кстати добавимъ, что въ pŕáťťa ťť нетвердо примыкаетъ къ á, твердое примыканье вообще не свойственно этимъ говорамъ, о чемъ мы уже говорили при разныхъ случаяхъ. — Окончаніе -го звучитъ вообще съ γ (čägó, slärbógа, dóbrαγà). — Говорятъ jos вм. есть. — Говорятъ myźju gźju kryźju [1]). — Объ особенныхъ окончаніяхъ прилагательныхъ укажу на морф.

Съ отрицательной стороны отмѣтимъ, кромѣ отсутствія «тиканья», также отсутствіе «дзеканья».

Для дальнѣйшей оріентировки приведемъ слѣдующую маленькую сказку.

nu išół maładój páŕiń žónkaju. idóť ńima-róšše [2]). ľiťád-dïkъi γúśi. páŕiń γavaŕíť [3]): stádъ-to kakójä baľšójä ľéťíť! [4]).

žənâ i γavaŕíť jämú: jétъ γúśi báťuškinъ. jon i γavaŕíť: jétъ dïkъi [5]).

nъčälï-ny spóŕiť; jon γъvaŕíť dïkъi, ana báťuškinу [6]). a γъvaŕíť na

---

1) Вм. волкъ воетъ я слышалъ здѣсь только «voĭk γudéť».

2) Мимо рощи; -e въ rošše, чистое «открытое e», можетъ также звучать ближе къ -y; первое какъ будто указываетъ на «рощѣ», второе на «рощи»; ср. совпаденіе Р. и Д. въ такихъ основахъ.

3) Сначала я отмѣтилъ páŕińä -γavaŕit, -ä котораго, м. б., только переходный гласный при переставкѣ органовъ съ ń въ γ?

4) Постоянно ľé-, не ľi-.

5) Медленно dïkъji.

6) При ...báťuškinα (ср. выше -nъ).

múža: jésli ńi skážyš[7]) štu báťuškiny, to ja zaxvaťáju. jon i skъzáľ: xuť i sčas lážyš, a γúśi dïkъi.

[j]iná uźiľá, zaxworáľa. jon patxódïť k-ńéj: ųstawáj[8]), čaγó lïγľá! ana ipáť: skažý ščo (štu) γúśi báťuškiny! nu jon i γъvaťíť: ńilźá skazáť[9]), γúśi dïkъi, xъť pamťí śičás! (...,xuť paḿiráj!). nu-ná ųźeľá i paḿerľá[10]) (paḿórľa).

jon patxódïť γrabú[11]), šérčiť: ųstaváj[8]), a tó pъstávůť ťibé u maγïľu. aná-jmu atvičáiť: skažý šču γúśi báťuškiny! jon-i atvičá[j]iť štu ńilźá, γúśi dïkъi.

pъstávili u maγïľu i zaryli. i-tstáľaś tám.

nu — i ųšá!

24. Темпъ рѣчи; долготныя и интонаціонныя отношенія. Темпъ рѣчи и долготныя отношенія представляютъ въ Студеновѣ картину, сильно напоминающую Коб. Говорятъ въ Студеновѣ и вообще въ Сильковической волости съ довольно скорымъ темпомъ; хотя неударяемые слоги чаще выговариваются ясно до сихъ поръ, но ускоренный темпъ иногда начинаетъ портить ихъ, «пожирая» гласные. По словамъ моего источника, можно заключить, что этотъ скорый темпъ не совсѣмъ новое явленіе; Хомкина вполнѣ сознавала различіе этого «рѣзкаго» образа рѣчи отъ медленнаго темпа другихъ областей[12]), но такъ ужъ мы учились, сказала она, «at stárъx sva[j]ïx radïťɛlêj». Слѣдуетъ, однако, добавить, что по мѣрѣ ознакомленія рѣзкая (нервная?) быстрота рѣчи у моего источника нѣсколько убавлялась; произношеніе отдѣльныхъ слоговъ становилось яснѣе; т. е., промелькала здѣсь, какъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, борьба двухъ принциповъ въ образѣ рѣчи; новый же, съ ускореннымъ темпомъ, по моимъ наблюденіямъ уже держитъ верхъ, какъ въ Коб.

Въ связи съ тѣмъ слогъ непосредственно передъ ударяемымъ — опять

---

7) Съ у склоннымъ къ ъ, «skážъš».

8) ų- конечно редуцированное, иногда безъ голоса, ср. ụ̥-, [u̥]- въ прежнихъ моихъ работахъ.

9) Съ яснымъ a въ ska-; ср. выше skъzáľ.

10) paḿerľá? Сначала я слышалъ такъ.

11) Т. е. k γ-, но γ- не удлинялось.

12) Не безъ интереса ея замѣчаніе, что быстро говорятъ «всѣ тѣ, которые работаютъ».

какъ въ Коб. — не растягивается замѣтно; онъ — кратокъ, приблизительно какъ прочіе неударяемые слоги, хотя бы и содержалъ гласный «полный». Какое то ńičaγб, въ противоположность къ Ив. (старомодному) ˘ ¯ ⌿, здѣсь получаетъ видъ ˘ ˘ ⌿. За то сохраняется то интонаціонное отношеніе, которое намъ столь знакомо изъ говоровъ, описанныхъ раньше: при ударенiи не на первомъ слогѣ слова, предударный слогъ — а можетъ быть правильнѣе предударная часть слова — лежитъ выше (со склонностью къ восходящему движенію тона), между тѣмъ какъ слогъ ударяемый выговаривается въ тонѣ болѣе низкомъ. Не безъ интереса при томъ то наблюденіе, что это интонаціонное противоположеніе, развитое, можетъ быть, на основаніи отношеній долготныхъ (§ 17), иногда какъ будто поддерживаетъ извѣстную старшую разницу, которую упомянутое выше общее сокращеніе предударнаго слога стираетъ. Мы помнимъ изъ Ив. разницу, напр., saxú (¯ ⌿): sъxá (˘ ⌿). Въ Студеновѣ новый темпъ рѣчи приводитъ, по выше сказанному, къ одному и тому же типу ˘ ⌿. Однако, сравненіе, напр., nъγá (n$\alpha\gamma$á) съ naγú нерѣдко показываетъ, что интервалъ между слогами въ nъγá меньше, чѣмъ въ naγú. Это очевидный остатокъ старшихъ, исчезающихъ отношеній.

Извѣстнымъ намъ изъ говоровъ, описанныхъ раньше, отношеніямъ соотвѣтствуетъ далѣе склонность къ падающему тону (^) въ ударяемомъ первомъ слогѣ слова: ŝîła, bâpka бабка. Но какъ въ Коб., такое ^ нерѣдко является также въ ударяемыхъ слогахъ неначальныхъ: «apstr̂îx» обстригъ; «borodâ-to kaka̯âja bъ̯á!» Однако, слѣдовъ связи такого ^ съ извѣстными категоріями словъ или формъ я въ Студеновѣ не замѣчалъ.

Очевидное близкое родство съ развитіемъ этихъ сторонъ произношенія въ Коб. позволяетъ ограничиться данными подробностями, указывая въ остальномъ на замѣчанія § 12.

Склонность къ потерѣ голоса въ сонорныхъ звукахъ, столь сильная въ матеріалѣ изъ Коб., здѣсь гораздо слабѣе, хотя можно привести примѣры какъ ma̯ótkъ̯i̯u, «bytto wuzdaráu̯i̯vai̯t» будто выздоравливаетъ, и др.

25. Замѣчанія къ вокализму. Общее сходство съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ Коб., дѣлаетъ замѣчанія о консонантизмѣ лишними, и позволяетъ довольствоваться слѣдующими подробностями изъ вокализма. «ê» нерѣдко встрѣчается и въ неударяемыхъ слогахъ; напр., въ dêŕéu̯a гласный оттѣнокъ двухъ первыхъ слоговъ звучалъ для моего слуха одинаково. Впрочемъ, неударяемое ê повидимому рѣже, чѣмъ въ Коб., а особенно рѣдко въ положеніи послѣ ударенія; на мѣстѣ кобыльскихъ γrêbêń и др., я отмѣ-

тилъ въ Студеновѣ все γŕéвiй, káмiй, кóŕiй, дéviŕ. Нерѣдко, къ тому, мой слухъ колебался, писать ли (неударяемое) «ê» или «ε» (или даже широкое i). Во всякомъ случаѣ, неударяемое ê соединяется съ ε, i въ одну звуковую группу, представляющую (исключая i отъ старшаго i) «передній ирраціональный гласный», переднюю параллель къ заднему ъ, какъ и въ Коб. Ударяемое же ê появилось подъ извѣстными намъ условіями, ср. напр. plés плесть, dén день и т. д.

Развитіе a, u въ á ä, ú происходитъ подъ условіями, извѣстными намъ изъ прежде описанныхъ говоровъ. Въ названіи śiĺkóvičі о развилось въ ö, выговариваемое здѣсь, въ ударяемомъ слогѣ, съ напряженіемъ (ср. ниже), т. е. съ положеніемъ языка приблизительно какъ ê, соотвѣтствуя приблизительно франц. peu. Въ сравненіи съ тѣмъ поражаетъ произношеніе jóś, (есть) съ o, не съ ö [1]). — Движеніе a > ä и въ Студеновѣ въ неударяемомъ положеніи часто продолжается далѣе въ e; при «śäďéĺ u ńińé», сидѣлъ у меня, имѣю напр. «śediť oп, pĺeťéť», сидитъ онъ, плететъ; открытое e внѣ ударяемаго слога, какъ въ предшествующихъ говорахъ, нужно вообще считать потомкомъ 'a.

Вопросъ о «напряженности» борется при неударяемомъ ê съ извѣстными намъ изъ предшествующихъ описаній трудностями. Ударяемому ê, навѣрно, можно приписать качество относительной напряженности, присущее вообще и здѣсь гласнымъ ударяемымъ, въ различіе отъ неударяемыхъ; особенно замѣтно это при сравненіи сосѣднихъ гласныхъ въ случаяхъ какъ syný.

Отношеніе ъ къ прочимъ заднимъ гласнымъ заслуживаетъ вниманія. И въ Студеновѣ подъ «ъ» подходитъ довольно широкое гласное понятіе; есть оттѣнки по направленію къ у, а съ другой стороны, очень часто оттѣнки по направленію къ a («α»), нерѣдко даже, повидимому, съ полнымъ переходомъ въ a. Поэтому оказывается иногда невозможнымъ рѣшить, слѣдуетъ ли считать данный случай съ a на мѣстѣ ожидаемаго «ъ» звуковымъ развитіемъ или происшедшимъ подъ вліяніемъ аналогіи; такіе случаи имѣемъ, напр., въ paγá нога, далѣе въ рядѣ окончаній въ прилагательныхъ (§ 26). Склонность къ α, а на мѣстѣ ъ, по моимъ наблюденіямъ, особенно сильна послѣ k γ x, при томъ больше въ слогахъ послѣ ударяемаго, чѣмъ передъ нимъ (напр. jïdaĬ идолъ). Развитіе же ъ въ полное o здѣсь вообще рѣдко; можно указать спорадическіе случаи, какъ borodá, γaspodá, woĺъsá, но не общую склонность, вродѣ «оканья» въ Коб.

---

1) Въ названіи Деминское, Демищина я слышалъ здѣсь все é, не 'o или 'ö.

— Распредѣленіе гласныхъ соотвѣтствуетъ принципамъ, извѣстнымъ намъ изъ предшествующихъ описаній. Рядъ подробностей и неправильностей освѣщается, соотвѣтственно съ образомъ собиранія, по списку вопросовъ «Программы» въ § 27. Укажемъ здѣсь на слѣдующія общія черты, особенно для сопоставленія съ изложеніемъ въ § 17 (и 15) въ описаніи близко родственнаго говора Коб.

Ослабленіе у въ ъ, откуда далѣе иногда u, въ слогѣ передъ á встрѣчается и въ Студ.: zasъpáť, «iďéš ty bъłá» гдѣ же ты была, wъpáxъwať выпахивать; umuwátsъ умываться (buwájiť возбуждаетъ сомнѣніе); имѣю даже примѣръ передъ б: krъkб. Сопоставленіе съ примѣрами какъ synу́, ryčáx и др. показываетъ, что явленіе представляетъ, какъ въ Коб., спорадическое распространеніе и на гласный у общаго для всѣхъ этихъ говоровъ принципа «vъdá», т. е. привычки имѣть въ слогѣ передъ á гласный «ирраціональный». — Обратное движеніе, такъ сказать «усиленіе» ъ предударнаго слога въ у, я отмѣтилъ въ единичномъ примѣрѣ połutńánaj полотняный.

Отклоненія отъ обыкновеннаго правила для употребленія ъ: а замѣчаются здѣсь, какъ въ Коб., въ началѣ слова. При ожидаемомъ aťéc ср. неожидаемое adná, aplitáj оплетай. Вообще имѣю лишь одинъ примѣръ съ ъ- (и это въ слогѣ передъ á): ъkťábŕi, при ak-, октябрь; ср. § 27,131.

Мѣна i (ɛ, ê): ’a (’ä, ’ë) въ предударномъ слогѣ выказываетъ такія отклоненія отъ принципіальнаго правила, которыя намъ опять извѣстны, особенно изъ Коб. Находимъ и въ Студеновѣ часто i (ɛ, ê) въ слогѣ передъ ударяемымъ слогомъ, содержающимъ e. Прежде всего въ наст. вр. глаголовъ какъ sńasú снесу: sńišéš, pľatú: pľeťéš и под.; однако, явленіе не представляетъ проведеннаго правила, ср. e въ pľeťéť плететъ, pľeťóm плетемъ, ä въ pońäšóm понесемъ. Приведемъ далѣе случаи какъ «biŕétsɑ náďъ» беречься надо, bêŕóxśa берегся (гдѣ можно, конечно, думать объ аналогіи по формамъ какъ biŕaɣúś берегусь, biŕäɣíś берегись; ср. «ńi patsťeŕóxśa» не подстерегся, 3 ед. ч. stiŕeɣétsa стережется — съ e подъ тѣми же звуковыми условіями); bêšéda (но не bi-), ľɛpéška (а иногда ľe-?), na stińé, ďêŕéɣúńa; эти случаи согласуются съ Коб. Зато не согласуются напр. ťeléɣɑ, ťebóпък, beŕóza, źeľóпaj; на то же направленіе указываютъ četvéŕx, jäšńéń, ďäšépľä. А подъ глаголами на -ѣть видимъ не только «śeďíť on», но также «śäďéť u ńińé» сидѣлъ у меня. Результатомъ является, что i (ɛ, ê) въ слогѣ передъ ударяемымъ e (’o) здѣсь во всякомъ случаѣ не такъ обычно, какъ въ Коб. По поводу biŕétsa беречься мы намекнули на возможность вставки i подъ вліяніемъ аналогіи родственныхъ формъ; такое объясненіе можно приложить

и къ собир. birʹéńńa брёвна, — ср. ед. ч. bírʹaṇó съ правильнымъ bi-. Обратно повел. śńéśï снеси, вѣроятно, обязано своимъ «ê» формамъ наст. времени (śńasú, но śńiśéš śńéśéťť, ср. выше). Такія взаимныя вліянія еще больше путали и такъ уже неясное отношеніе гласныхъ въ указанномъ положеніи.

Для положенія послѣ шипящаго согласнаго въ предударномъ слогѣ могу привести слѣдующіе примѣры: žaľéť, прош. žaľéła, žałtúxa, šasťóį, žańíx, žanóįu, žanʹý — но И. žъnʹá, при žená; šaršávъį шершавый и šasnádcęť (склонное къ šäs-).

Въ неударяемыхъ слогахъ кромѣ предударнаго, переходъ у въ ъ свидѣтельствуется рядомъ примѣровъ: na wódďъx на отдыхъ, vʹýmъť вымыть, tɑwárъš (и -raš) товарищъ (т. е. «-рыщъ»), bárъšńa; послѣ x: wъpáxъwať выпахивать; ср. въ связи рѣчи даже примѣръ какъ «ták nám-ъ bʹýť» такъ намъ и (т. е. «ы») быть. Съ переходомъ ъ въ и видимъ напр. sólnuškъ, pórušk-, wuzdaráqlʹivaiť. Однако, есть случаи съ несомнѣннымъ у, не только въ флексійныхъ окончаніяхъ (vʹéššy вещи, ďéržyť держить), но также, напр., въ paḿéššyk помѣщикъ.

Извѣстное «гармонирующее» вліяніе со стороны сосѣднихъ гласныхъ замѣтно и въ этомъ говорѣ. Къ случаямъ какъ duruká mužuká ср. § 27,59. Въ полногласныхъ словахъ, примѣры какъ baradú бороду, ɣaľawú голову — на мѣстѣ ожидаемыхъ bъ-, ɣъ- — въ Студ., повидимому, рѣдки; обыкновенно видимъ, по правилу, напр., mъłakó, mъłaďéc и под. Случаи какъ razabʹú объясняются, вѣроятно, инымъ путемъ: предлоги, вообще, легко отклоняются отъ принципіальныхъ правилъ. Произношеніе какъ baradá (при bъrъdá, borodá) надо, вѣроятно, считать заимствованнымъ. Въ этой связи приведемъ примѣры какъ ɣaľъwá, ɣaspodá; они принципіально интересны въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуя объ извѣстной общей склонность расширить ъ въ a (ɣaľ-, ɣas-), рѣчь о чемъ была выше, они въ то же время показываютъ особую стойкость «ъ» (o) въ слогѣ непосредственно передъ á. На мелочи вродѣ послѣднихъ я, впрочемъ, не обратилъ бы вниманія, если бы не изъ-за того, что сосѣдніе говоры выказываютъ отчасти изумительное соотвѣтствіе какъ разъ въ такихъ мелкихъ «неправильныхъ»-подробностяхъ; достаточно къ приведенному ɣaľъwá указать на Коб. «ɣałownáją boľ».

Въ открытомъ неударяемомъ конечномъ слогѣ находимъ и здѣсь извѣстное намъ развитіе гласнаго, ср. напр. pľéťéťä, trója, kágža какъ же, šyŕä, skóľkä, u-ḿéśťä вмѣстѣ, даже dvéśťä двѣсти, и под. (но na jármonki, ra pŕiyýcki, ср. § 27,47). Въ закрытомъ же слогѣ замѣчаемъ несомнѣн-

ный принципъ зависимости гласнаго элемента отъ твердости: мягкости конечнаго согласнаго; говорятъ kámiń wóčiń ďévič páŕiń búďič ĺébič лебедь и т. д.; но передъ твердымъ согласнымъ видимъ разные оттѣнки, колеблющіеся между (открытымъ) е и чистымъ а, т. е. приближающіеся болѣе или менѣе уже къ артикуляціямъ задняго ряда: xaŕóšъm čáiɑm (ɑ — ослабленный оттѣнокъ а?) хорошимъ чаемъ, víďeĺ или -ďaĺ видѣлъ, páĺäc палецъ, jástŕer ястребъ, vétár вѣтеръ и др., ср. § 27,44. Въ такомъ слогѣ и старое i идетъ въ то же направленіе: príyatóvaĺ, výpeĺ выпилъ, výpemšy, (ɑ)ďíḿer). И въ неконечномъ слогѣ есть слѣды подобнаго развитія послѣ ударяемаго слога; ср. e, ä въ примѣрахъ wóźerà озеро, víďeĺa, šéḿära семеро, véšäĺà весело — но, съ другой стороны, jástŕeba ястреба, ńičáinnà печаянно (§ 27,44).

26. Замѣчанія къ морфологіи. Изъ области существительныхъ укажу лишь на В. maji máťeŕju мою мать, и на Р. къ vŕéḿa: skóĺkä vŕéḿa. Совпаденіе Р. съ И. видимъ также въ собирательныхъ на -ье; ср., къ birvänó бревно, соб. (xaróšɑja) birvéńńa, Р. (mnógɑ) birvéńńa.

Мѣстоименіе «я» различаетъ Р. (u) ḿińé отъ Д. (daĺ) mńe; въ «ты» Р. и Д. совпадаютъ въ ťibé; Д. «себѣ»: saḃé (šibé я не слыхалъ). — «ея» звучитъ то jejé, то ijé. — «Весь» имѣетъ въ Р. М. мн. ч. то -šex, то -šix («u waųšéx byĺ» при «waųšíx»); въ Д., Т. я слышалъ лишь ųšim, ųšíḿi. — Приведу еще указательныя формы tája, Р. Д. М. tyj (у какъ будто на границѣ средняго и передняго рядовъ, потому близко къ ê), Т. téju (ясное е); мн. ч. ty[j]i tyx tym týḿi.

Самая интересная часть морфологіи этого говора — прилагательныя. Ударяемыя окончанія муж. и сред. родовъ твердыхъ основъ не представляютъ особенностей: sĺarój, druγój, takój и под., сред. р. -jä; Р. sĺarógɑ baĺnógɑ; Т. sĺarým, и т. д. Въ жен. родѣ находимъ Р. Д. напр. sĺarýj, «u xraḿýj u žaḿý», Т. sĺarýju. Въ послѣдней формѣ у, не смотря на ударяемое положеніе и слѣдующее j, какъ будто склонно переходить въ ъ: sĺarʼéju; подобное отмѣчено въ takʼéju, и также въ Р. Д. М. «takʼéj» (но у напр. въ «u kakýj bárki» у какой бабки). Сомнѣваюсь, чтобы это ъ представляло ослабленный видъ у; скорѣе оно отражаетъ другой гласный (o?). Но кромѣ приведенныхъ имѣемъ такія формы жен. рода какъ Р. Д. М. baĺnéj, taĺstéj, Тв. s-adnéju съ одною, въ которыхъ узнаемъ извѣстное намъ изъ Коб. явленіе. Во множ. числѣ я отмѣтилъ для И. druγýi, xraḿýi, xudýi, sĺarýi; остальные падежи не вызываютъ замѣчаній. — При неударяемомъ окончаніи отмѣтимъ для И. ед. ч. муж. рода рядъ формъ на -ʼj, какъ мы и

ждемъ: ĺûbĭ̈mъi, dóbrъi, śérъi, skrómnъi, búi̯nъi, kakói dʹéй žárkъi, wóĺъs γústъi, čésnъi честный, tésnъi, dʹérskъi, xaróšъi. Но чаще я слышалъ -ai: dʹérskai, pérvai, xaróšai, rúśkai, vétxai, źémskai, tĭ̈xai, céĺai, stárai, dóbrai, ĺóxkai, čĭ̈stai, čórnai, cárskai, diŕêvénskai, mélkai, źeĺónai, žóskai жесткій, kísĺai. Часто отмѣчено при томъ -ai: dóbrai, vétxai, ĺóxkai, céĺai, séra̯i, máxkai, kŕépkai, pégai, pi̯ánai, xaĺódnai, poĺytnánai полотняный; это a можно объяснить двоякимъ образомъ, или какъ переходную ступень отъ ъ въ a, или какъ ослабленное a. Границы между разными видами, очевидно, нѣтъ; я все больше получалъ впечатлѣніе, будто -ai беретъ верхъ. Отдѣльно стоитъ въ моемъ матеріалѣ tómnei темный; въ búi̯nъi я отмѣтилъ какъ будто переходное произношеніе, между -ъi и -ei; замѣтимъ, что въ обоихъ случаяхъ передъ окончаніемъ стоитъ согласный зубной. — Что развитіе идетъ въ пользу вытѣсненія послѣударнаго ъ гласнымъ a, подтверждается прочими надежами. Имѣю не мало случаевъ съ яснымъ ъ («a» оставимъ въ сторонѣ, его можно объяснить, какъ уже сказано, двояко); ср. и. ед. ч. сред. рода (kĭsĺai̯a mъĺakó), «séna u nas xaróšъi̯a», «dʹeĺapásnъi̯a» дѣло опасное (при -nai̯a)[1]); и. мн. ч. dóbrъi, xaróšъi (или даже -šyi); р. мп. ч. «at stárъx radĭ̈tɛĺêi̯». Но болѣе употребительно, повидимому, a; ср. напр. dóbraγa, dóbramu, т. и м. dóbram; жен. р. (р. д. м. dóbrai) т. z-dóbrai̯u s-kabýĺъi̯u»; мн. ч. (dóbrъi, ср. выше; за то напр, stárai старые, -я), dóbrax, dóbram, dóbraḿi. Добавимъ изъ мѣстоименій, при и jétъx у этихъ также u jétax; nášam dóbram druźjám нашимъ...

Происхожденіе e (ê) на мѣстѣ у въ извѣстныхъ Кобыльскихъ формахъ я считаю (§ 15) возможнымъ объяснить звуковымъ путемъ, считаясь съ разными оттѣнками гласнаго въ зависимости отъ различныхъ окружающихъ условій. Не вижу препятствія объяснить такимъ же путемъ и Студеновскія формы съ a. Я уже обратилъ вниманіе на дифференціацію широкаго понятія «ъ» въ зависимости отъ характера окружающихъ звуковъ. Можно предположить, что развитіе ъ въ a произошло (происходитъ) особенно легко, «законно», при извѣстныхъ сочетаніяхъ (въ описываемомъ говорѣ, напр., послѣ велярныхъ, ср. замѣтки о «ъ» въ § 25), и что полученная такимъ путемъ особая категорія формъ распространяется — тогда ужъ скорѣе аналогичнымъ путемъ — и на прочія сочетанія, вырабатывая такимъ образомъ полный новый комплектъ окончаній. Такое предположеніе, какъ будто, под-

1) Не изъ полнаго ли совпаденія неуд. окончаній -oe и -ая объяснить -óe для жен. рода въ выраженіи «wíraẃoi̯a i̯ášḿéй» яровая ячмень? Или это описка?

утверждается сильнымъ колебаніемъ между разными видами окончаній. Разумѣется, нужно притомъ имѣть въ виду, что при такомъ развитіи, какъ описываемое, разные сосѣдніе говоры легко вліяютъ другъ на друга; но это не мѣшаетъ возможности того объясненія, которое выставляю на обсужденіе.

Для мягкихъ основъ довольствуюсь парой формъ — прочія даются сами собой: paróźńi[i̯], waśéńńi[i̯], жен. р. waśéńńi[i̯]a (paγóda); aʌ́éči[i̯], жен. р. aʌ́éčča (γaɬъwá); ср. ťiĺáčča телячья, bɑráńńa баранья; въ послѣднемъ И. муж. р. bɑráńńi̯ имѣетъ ńi по аналогіи съ прочими формами. «Медвѣжій» я слышалъ какъ ńɛdʌ́éžei̯, жен. р. ńɛdʌ́éžža.

Наконецъ нѣсколько примѣровъ сравнительной степени; здѣсь, какъ въ Коб., они выказываютъ пеструю картину. ɬúčči лучше («ïon u̯śïx ɬúčči»); ńéńšy, ráńšy, tóɬššy, stáršy; xúžä, maɬóžä, lékšä легче, ńákčä, ńélčä (NB ɬ) мельче; žáɬčä (NB ɬ) жальче; šýŕä, ďašéu̯ĺä.

27. Къ нѣкоторымъ вопросамъ «Программы»:

Вопр. 24—25. vъdá sɬъbъdá kъbák nъγá bъɬъźá. Иногда съ «оканьемъ»: vodá pomoγɬá γaspodá (-pъdá), «kak dóroγà ɬýka», moɬčáť; чаще со склонностью къ а («ɑ»): bɑrɑná kɑkái̯a (при къkái̯e); или чистое а: trawá, u caŕá (при съŕá), naγáńi, na bazár. Укажу на изложеніе въ § 25, освѣщающее этотъ вопросъ и рядъ слѣдующихъ.

36. mýi̯u rýi̯u kryi̯u (но «voɬk γuďéť»).

38 слѣд. sťiná stѣna, na sťiné — B. sťanú. svítai̯e vъdá — svatúi̯u vadú. γńazdó. śistrá—śastrú. piták, но i̯ázyk. Ср., напр., еще глаголъ плету: platú plѣtéš plѣtéť plѣťom plѣtéťä (plѣ-?); неопр. plѣś; aplítai̯ оплетай. Укажу опять, для этого вопроса и слѣдующихъ, на § 25.

42. Примѣры: ńisai̯ét мясоѣдъ, ĭisavík лѣсовикъ, birvanó бревно, śiŕabró, diŕävúška (dѣŕéu̯ńa), pitačók, čɛɬavék, śiŕidá, piŕid-dwaróm, piŕanósiť, piŕiť-śiŕádoi̯ передъ середой. — NB wirawói̯ä i̯ášńéń яровой ячмень.

43. Можно привести žaníx, мн. žъńixĭ (ср. žaɬtúxa и под.); съná (cɑná) цѣна; céɬъi̯ цѣлый.

44 сл. vésäɬà весело, wózerà озеро, śémära семеро, (tyśśa тысяча), víďeɬa — но «pa wóśɛńi», «na káńińu»; ɛ не смотря на слѣдующій твердый согласный отмѣчено въ i̯ástŕɛba ястреба; ср. i въ ńičáinnà нечаянно.

véťar páɬäc i̯ástŕep (ср. выше i̯ástŕɛba), víďaɬ (ср. выше víďeɬa).

káńiń kóŕiń wósiń; búdiť xóčiť и под.; děvíť páŕiń wóčiń lébiť лебедь.

47. ńéséťä (ńɛ-?), xódiťe; trói̯ä nyńčä dúžä («izbĭɬ dúžä») kágža (NB g) какъ же, záutŕä, šyŕä (о сравн. степени ср. однако въ § 26). Неударяемыя

-ая и -ое совпадаютъ въ этомъ говорѣ, какъ и въ описанныхъ раньше: céɬъja śáɬó цѣлое село; но подъ удареніемъ: «bъgástwa balšójа» богатство большое.

u-ńéstä, u-póɬä, na-sɬúžbä, dvésta двѣсти — но ср. na-jármonki, paṕrivyčki.

Множ. число takýi xarošyi sɬäpýi mъɬadýi dóbrъi — повидимому постоянно съ -i.

48. «Безъ» я постоянно слышалъ какъ bez, ни *biz ни *baz. — Ср. далѣе čiṕiz-dwór, piṕanóśiť, piṕid-dwaróm.

58. Отмѣчено «jon dryžýť» онъ дрожитъ; krošýť указываетъ на krъ-; вм. склока говорятъ skɬýka («брань»).

59. durák — duruká; mužýk — dva mužuká, мн. ч. mužukí; γusák — γusuká, γusakï. — kružъvá; но puzyṕók (склонное къ -zъ-).

62. ńóbα. xṕos, xṕóstik, крестъ, -тикъ. jos есть. Къ мужскому имени ľeų женское звучитъ ľówa. — Но ďérskъj, vétxъj (-aj, ср. § 26), atśéľ, sajśéjü со всею, jéj, jéslï, véṕx, čéšytsa (-šъtsa?) чешется, učébńik.

63. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ я пашелъ e, не ë: ďéuka véška сер ńéɬkaj и т. д.

64. Отмѣчено ľeṕéška, въ остальныхъ словахъ ë: pos, jóɬka и т. д., ср. литер. языкъ. — NB «едва» звучитъ dva («jon dvá búdiť»).

65. jéslï и т. д., какъ въ лит. языкѣ. О «jos» см. выше 62, о «едва» 64. — jétъt. — attýľ, atśïľ (отселѣ); ср. atkïľ (-lä), pakïlä; s-téju, s-adnéju, u taɬstéj, ср. морф. (§ 26).

66. jïwa, jïdaɬ идолъ — но iwán, izbïť: ср. въ Коб., § 19, вопр. 66.

68. Говорятъ подъ удареніемъ i, ср. лит. языкъ, напр. ńïtṕïj, karwïγa (коврига); далѣе напр. bilét; за то напр. послѣ удренія ųɬadïńer, vypeɬ и др. (§ 25).

70. kṕik stṕiγú skṕïpka γṕibý ṕïγa («avïn s-ṕïγaju») — tawárъš (u-raš); ср. tṕišók (къ Трифонъ). Но krъɬó крыло, brýkajiť брыкаетъ и др.

Графинъ: γraxýïńa. Далѣе вообще какъ въ литер. языкѣ.

74. O -ej въ прилагательныхъ ср. § 26.

75. buwá[j]iť. umuwátsъ умываться (но «ra pṕivýčki»). wuzdaráųľivaiť. (kṕäžóųńik). sólnuškъ.

76. Я отмѣтилъ xrïpkъ хрупко; býtto «быдто»; γɬýrъś глупость; къ γɬubakó ср. «γɬyb-bъľšájä» глубь большая. Но напр. na sútki, púxńiť пухнетъ, búiпъj (-nej), «i słúxu nétuťi», butýɬka и т. д. — Очень: wóčiй.

78. Объ окончаніяхъ прилагательныхъ въ § 26. — Замѣтимъ panúkъwaɬ poťťáγъwaɬ wъpáxъwaɬ. — (vaśïli[j], ťimaxvéj).

81. Приведу слово (adĭn) kъnakół колоколъ, р. kъnъkłá, р. мн. ч. mnógα kъnakłóg. — Сарафанъ: cъrxwán, при съгъ-, съга-.

83. virťánó веретено — но pirťánóśiť, pirťád-wúžъnαm передъ ужиномъ, dĭśeťĭna; pirit-śirťádój.

85. Я отмѣтилъ bъłъźá. Бревно: birvanó, мн. ч. (т. е. собир.) birvéńńa. Столбъ: stałóp. Въ остальномъ ср. лит. языкъ (срамъ: stram).

88. Бадья: abъďďá; дворникъ uďwórńik («jon słúžyť udwórńikъm»).

89. pъšańĭca пшеница, karaváť кровать (съ ясными a), yaŕečĭxa гречиха. Но krapĭwa, twórъx творогъ, ckvaŕéc.

100. Отмѣтимъ «лъ» въ ḿéłčä мельче, žáłčä жальче. Другихъ отклоненій отъ лъ: ль литер. языка я не замѣчалъ.

110. čejkú xъźájkä tóĺkä skólka pińká kaṕéjkú pastrójkä váńka (но sáška) ŕéťká pѣdka — но rúskaj русскій.

112. «jon pašół kuzńácú» къ кузнецу; но ḿáxkaj, łóxkaj, ďóxtaŕ, traxtĭr. — Кстати о «k» добавимъ, что въ k jéj къ ней, k jim къ нимъ k — твердо (т. е. задняго образованія).

114—115. Я отмѣтилъ družjá dražńíť žabóta žabóťitsa.

116. šyť (3 ед. ч. šý[j]iť, 3 мн. ч. šýjúť), и под.

120. Я бы писалъ «kъbáččik», т. е. č съ удлиненной паузой, póččivať, buxvéččik. Иногда произношеніе склоняется къ «твердому примыканію» такого čč, съ извѣстнымъ сокращеніемъ предшествующаго гласнаго, въ различіе, напр., отъ wóčiй очень; чаще же примыканіе и здѣсь — нетвердое, какъ и при недолгихъ согласныхъ. Не такъ ли понимать произношеніе ḿĭĭъči, которое я слышалъ для поселенія Милотичи? Ср. еще łúčči лучше; но «mładšyj» (съ неяснымъ «y»).

121. «u nas ščókajúť» («a tam — т. е. къ югу — ščókajúť» —?); ср. въ сказкѣ štu и šču.

122. kańéšnα, [j]ičšńa яичница, małóšnaj sup, jášnajà muká. — póšta, но paštĭ почти.

123. šávilĺa щавель (т. е. собир. -лье; ср. р.: «pъłažýła-na šávilĺa u kapústu»), šúka, šótka; pańéššyk, jaššó (еще; ср. другой видъ «še mъładój» еще молодой), muššýna, véššy вещи, róšša, píšša. Сшила: šýła.

124. doš, р. dožžá; но «sabáka víššĭť» визжитъ. š и ž этого говора не особенно тверды; не удивительно поэтому, если наблюдатель иногда колеблется, говорятъ ли š ž или š́ ž́. Такъ, я не успѣлъ рѣшить, писать ли wu[j]iž́ať или -ž́ž́ať (выѣзжать), склоняясь, однако, къ послѣднему; подъ сомнѣніемъ оставлю ž́ въ vъž́átsъ возжаться, а бывали и другіе случаи (напр.

ždêť ждетъ), въ которыхъ произношеніе возбуждало колебаніе. — Нагромождено: naγrъmaššóna; «щ» также въ ťaššýna.

126. sudďá bráťťa sʹvińńá batʹvíńńa pitťó myťťó aʹbъďďá (бадья) pʹláťťa kryʹlʹʹa šavílʹʹa (щавелье) nóčču pirʹińéžžà (назв. Перенѣжье); ср. жен. родъ прилагательныхъ какъ avéčča ťilʹáčča ḿɛdvéžža bxráńńa (вѣроятно по аналогіи муж. р. baráńńiį — ср. avéči[į], ḿɛdvéžej). — Замѣчаются исключенія: при vyʹlʹʹu вылью ср. vyʹbįu, vyʹpįu; при bráťťa družįá («nášam dóbram družjám», не -*žžám). На какомъ правилѣ основаны такія исключенія, мнѣ не видно.

131. Приведемъ «bъγástwa balšóįa», mos мостъ, xwos хвостъ. — koś кость, plêś плесть, какъ во всѣхъ этихъ говорахъ.

Вм. октябрь и под. я нашелъ формы akťábrʹi (ъk-), nъįábrʹi, ďikábrʹi; напр. «tapéŕ u nas nastupíłʹ nъįábrʹi»; р. «s-nъįábra prašłó półγъdà». — Петръ: pótra, в. -tru («zabłʹ pótru nášaγa»).

137. γółup, р. в. γółuba. — kroų кровь, но р. króẃi; ср. ťubóų любовь. Говорятъ «adná brъẃá» одна бровь; wóbi bróẃi обѣ брови; «u įaγó braẃéį ńétu».

138 сл. Достаточно указать на изложеніе явленій палатализаціи для Коб.; существенныхъ отклоненій отъ него въ Студ. очевидно нѣтъ. Къ 141 отмѣтимъ śêŕp vêŕx svéŕxu (vɛrxóm, заимствовано? Ждемъ var-) četvéŕx — pérvaį cérkwa; зеркало: źéŕkła и źérkła.

28. Около границы Жиздринскаго уѣзда. Нѣсколько свѣдѣній, собранныхъ у крестьянина съ Закрутаго, Семиревской волости (śałó zakrútyjä śimiŕówskъį wółosti), къ югозападу отъ Сильковичъ, на самой границѣ Жиздринскаго уѣзда, позволяютъ заключить, что говоры съ тѣмъ же самымъ общимъ характеромъ и тѣми же подробными особенностями, какъ около Сильковичъ, продолжаются по данному направленію до южной границы Мосальскаго уѣзда, и еще дальше. Къ сѣверу отъ Закрутаго, вообще, имѣемъ тотъ же говоръ въ поселеніяхъ Крутая-Цвѣровка (krutáįa-cvýγъuka), Зимцы (źámcy), Ближевичи, Пѣчки, Верхуличи (víŕxúlʹiči и vɛr-, я слышалъ и то и другое), Широкая, Лубинка и (къ западу отсюда) Любунь. Въ этихъ поселеніяхъ, по моему источнику, говорятъ «чисто», т. е., вообще какъ онъ самъ.

Не нужно пускаться въ подробности относительно чертъ, которыя намъ столь знакомы: sъxá — saxú, disná — ďäsnóį, «ja dálʹįä spása ńä-býł», «ńidnéį (т. е. ни одной) žénšъny», «u pańóvi» въ поневѣ; udáŕałśa ударился; uzrós возросъ; svíńńá, myťťó — и др. Но изъ полученныхъ свѣдѣній иныя

не безъ интереса потому, что въ извѣстныхъ подробностяхъ иллюстрируютъ культурное и лингвистическое развитіе. Сохраняется еще не мало изъ старшей эпохи. Бывшее культурное единеніе съ мѣстностями къ западу видно, напр., изъ употребленія слова «pan», при γъspadïn. Связь съ мѣстностями къ сѣверо-западу замѣчается, впрочемъ, и остатками «тиканья» («ti bу́ ty» и под.): «rа́ńše t̕ïkalï», объяснилъ по этому поводу мой источникъ; но теперь-де всѣ отправляются на заработки, почему-де теперь сами смѣются надъ такими особенностями, и «tï» все больше входитъ въ употребленіе. Начинается далѣе вытѣсненіе такой характерной черты, какъ долгіе согласные. Они до сихъ поръ обыкновенны: sv̕iń́ńа́ myt̕t̕ó sud̕d̕á dъbraśél̕l̕a vaľóśśä súččä и т. д.; но напр. при старшемъ b̕il̕l̕ó бѣлье можно уже слышать новѣйшее b̕il̕ j̕ó, какъ кромѣ druž̕já друзья — ср. Студ. — слышится книжное druźjá, а не напр. *druźźá.

Такимъ образомъ старѣютъ и вытѣсняются многія отдѣльныя слова. У старшихъ употребляются, напр., atkúl̕a, attúl̕a, atsúl̕a (откуда, -туда, -сюда); младшее поколѣніе предпочитаетъ atḱéda, at̕śéda, или же переходитъ дальше къ attúda attúdъva, ср. столичныя выраженія; старшее zdvorá даетъ мѣсто младшему sъdvъrá; въ морфологіи, напр., na sv̕até̕j ńed̕él̕ï вытѣсняется въ пользу na śv̕atój...[1]), b̕iŕét̕ въ пользу b̕éŕó t̕, kaγó въ пользу kawó, dóbrαγà въ пользу dóbrava, и мн. др.

Но переходъ отъ старшаго къ новому выражается не только въ отмѣнѣ отдѣльныхъ словъ и формъ, но также въ чертахъ болѣе общаго характера. Такъ, въ темпѣ рѣчи борются и здѣсь тѣ же самыя теченія, которыя намъ извѣстны уже изъ Ив.: старшее поколѣніе (а съ нимъ большинство женщинъ) говоритъ еще медленно, «по слогамъ», вытягивая слово, особенно извѣстные слоги его; младшее поколѣніе, особенно кто бывалъ на заработкахъ, ускоряетъ темпъ, и выдвигаетъ ударяемый слогъ за счетъ неударяемыхъ относительно сильнѣе. Эта перемѣна нерѣдко ведетъ къ измѣненію качества неударяемыхъ гласныхъ. Между прочимъ, и особенно сильно, это замѣчается въ томъ о, которое замѣнило во многихъ случаяхъ «ъ». Такой переходъ, вторичное «оканье», намъ особенно извѣстно изъ Коб.; а оно развилось сильно въ той группѣ говоровъ, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Оно держится цѣпко, повидимому, у старшихъ: ср. при pawúk паукъ, фамилію powukóų; γowoŕát̕, γoŀowá (ср. т. «γoŀowójù udáŕaľśa»), soxá, kobák, vodá, zdvorá (ср. выше), noγá, xromá[j]it̕, borodá (в. boradú), boroná (в. boranú)

1) Кстати, на пасхѣ звучитъ na páski.

и т. д. Рѣчь не идетъ, какъ и въ Коб., о полномъ вытѣсненіи, но о болѣе или менѣе частомъ замѣщеніи; это замѣщеніе получило здѣсь обширный объемъ, и у старшихъ это «оканье» держится, какъ сказано, повидимому цѣпко. Но при новомъ, ускоренномъ темпѣ такое о опять уступаетъ мѣсто сильно сокращенному, редуцированному ъ (α): вмѣсто vodá является vъdá, вм. noγá nъγá; ср. trowá—trъwá, sъdvъrá (ср. выше), žonа—žənа, γoɫowá—γъɫъwá, xoгańiť—xъгáńiť, moɫodéc (NB о передъ é)—mαɫadéc или даже maɫadéc, и мн. др. Что масса такихъ случаевъ двойныхъ формъ представляетъ не сохраненіе старшаго ъ при младшемъ о, а обратно редукцію о въ ъ (α), очень краткое, согласно съ указаніемъ моего источника объ употребленіи у старшихъ или у младшихъ, это подтверждается еще другими парами словъ, гдѣ новомодное, быстрое произношеніе редуцируетъ въ такое же ъ также гласный а; при старшемъ žaléť, ɫъšaďéj, žaɫúďъk, šastójä (шестое) появилось младшее žъlétʼ, ɫъšъďéj, žъɫúďъk, šъstóje. Можно предположить вліяніе того же принципа, когда при váснóju, náсúť являются новѣйшія vісnóju, ńісúť и другія подобныя; но здѣсь трудно высказаться опредѣленно, такъ какъ аналогія со стороны формъ какъ vісna, ńіśeš и др. лежитъ очень близко. — Рѣшить, откуда берется норма для каждаго отдѣльнаго случая этой новой редукціи — не такъ просто. Вліяетъ, повидимому, не только произношеніе столицы, но отчасти и болѣе близкія мѣстности; это показываютъ, м. пр., морфологическія измѣненія какъ bіґéť > bіґóť, а не *bіґóť, или замѣщеніе старшаго «u-wadnéj žanу́» младшимъ «u adnéj žańé». Не сомнѣваюсь, однако, что теченіе указываетъ вообще — хотя иногда черезъ промежуточныя ступени — на подражаніе столичному выговору; не такъ ли объяснить нерѣдкое чистое а въ слогѣ передъ á, напр. sabaká, kabák, xгamá[j]ič вм. старшаго so-, ko-, xго-?

Разумѣется, такое столкновеніе разныхъ теченій еще больше путаетъ историческое отношеніе гласныхъ, и такъ уже нерѣдко затемненное вліяніями аналогій съ разныхъ сторонъ. Однако, принципіальное соотвѣтствіе съ описанными раньше говорами, и также соотвѣтствіе въ характерныхъ подробностяхъ, остается вполнѣ яснымъ. Эта группа говоровъ, какъ и вообще тождественный съ ней Сильковическій говоръ, считаютъ себя различными отъ говора около Спасъ-Деминскаго. Для моего источника изъ Закрутаго, мѣстности около С.-Деминскаго и подальше — «хъхɫáčina» (вѣроятно потому, что онъ бывалъ въ Малороссіи; ср. «pólša» по выраженію Студеновской крестьянки). На вопросы же о различіи я не получалъ опредѣленныхъ указаній; упоминая подробности какъ jakójä (вм. ka-), byų (вм. bыɫ), употребленіе выраженій какъ «túťyčka», «támъčka», мой источникъ

самъ же добавилъ, что они, особенно прошедшее время на -ц — начинаются въ сущности только за Спасомъ, къ сѣверо-западу, по направленію къ Ельнѣ. Увидимъ, что это согласуется съ моимъ матеріаломъ, и что говоръ около самаго Спаса въ сущности, для наблюдателя-лингвиста, различается очень мало отъ только что описанныхъ, къ югу и юго-востоку отъ него.

V. Спасъ-Деминское.

29. Общія замѣтки. Матеріаломъ для описанія «Деминщины» (dʹémiňšъna») я обязанъ, главнымъ образомъ, волостному писарю подъ-деминской Морозовской волости, уроженцу Спасъ-Деминскаго, Михаилу Иванóву. Онъ самъ уже давно интересовался и занимался лингвистическими особенностями окрестностей, собралъ слова и впечатлѣнія, поэтому и явился необычайно хорошимъ источникомъ, которому, такимъ образомъ, приношу искреннюю благодарность. Его помощь была мнѣ тѣмъ цѣннѣе, что я не могъ удѣлить Деминскому говору столько времени, сколько собственно хотѣлось; но благодаря Иванову удалось особенно морфологическую сторону говора пройти удовлетворительнымъ образомъ, сравнивая ее съ Ив.; такимъ путемъ получились также сами собою обзоръ главныхъ звуковыхъ особенностей и указаніе на такія явленія, которыя заслуживаютъ особаго вниманія.

Матеріалъ покажетъ то, чего я касался въ концѣ § 28: хотя «Деминщина» въ понятіяхъ восточныхъ и южныхъ сосѣдей стоитъ какъ что-то лингвистически довольно таки чужое, но не легко указать осязательныя звуковыя особенности, рѣшительнымъ образомъ отдѣляющія эту группу говоровъ отъ только что описанныхъ. О формѣ «i̯oś» и о «тиканьѣ» мы уже говорили, но вѣдь это особенности не звуковыя, а остатки послѣдняго мы уже встрѣтили раньше (§ 28). Полученныя указанія на разницы вообще касались скорѣе употребленія особыхъ формъ и словъ, нежели звуковыхъ чертъ. Указали, напр., на Деминское «śkólki» «tóĺ'ki» (вм. -kä); но по моимъ запискамъ такія формы встрѣчаются и къ юго-востоку отъ Деминщины. Что касается особыхъ словъ, то послѣднія дѣйствительно иногда поражали меня; такъ, напр., «satkúĺ'ty» откуда ты (поближе къ Смоленску по Иванову еще «svítkuĺá ty?»), ср. далѣе attúĺ' или sattýĺ' оттуда (но tudá или tudý, kudý; сюда: sudá, съ твердымъ s); едва: ĺ'édva, но вм. «едва-ли» «пац-

dáku»; при ńétu также ńétti («ńi wónnъya γuśónka ńétti» ни одного гусенка нѣту); «tъĭъká» для большого собранія (работниковъ); «говорить» частью замѣщается γъmańĭť, а ср. при томъ «jon káiť to, iná káiť druγója», или сокращенія какъ «jaŕú» и «jakú» для «я говорю»; jon brú[j]iť онъ говоритъ вздоръ; γórnъj въ значеніи хитрый; váĭux (уменьш. váĭušek) вм. здѣсь, пожалуй, непонятнаго «voĭ» волъ; dwarú или dwóru для «домой». Но насколько такія слова или формы дѣйствительно характеризуютъ данную мѣстность, о томъ иностранецъ не въ состояніи судить безъ очень подробныхъ, въ данномъ случаѣ невозможныхъ изслѣдованій; въ иныхъ же случаяхъ и болѣе поверхностному наблюдателю сейчасъ видно, что указанія на такія слова, какъ неизвѣстныя сосѣдямъ къ востоку, прямо не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Иногда даже обратно: поражаетъ отсутствіе словъ, которыхъ можно было бы ждать, судя по названію «Польша», такъ часто усвоиваемое Деминщинѣ сосѣдями къ востоку; напр., въ С.-Деминскомъ, повидимому, не употребляютъ «панъ», какъ въ Закрутомъ и, по словамъ Иванова, западнѣе, къ Смоленску; въ Деминщинѣ употребляютъ «баринъ»; — давно ли, не могу сказать. За то въ окрестностяхъ С.-Демйнскаго могутъ, напр., сообщить, что «burḿĭz-byĭ u nas, býlĭ stъrostá, stárъsta sługĭť burḿĭstu; a staršъná byĭ u kážnъj dŕéńńi».

Фонетика Деминскаго говора выказываетъ, какъ сказано, вообще тоже самое, что намъ извѣстно изъ говоровъ къ востоку и юго-востоку. Находимъ тѣ же согласные и гласные; привлекаютъ вниманіе тѣже самыя особенности; приведу, напр., склонность къ потерѣ затворнаго элемента въ č, переходящемъ такимъ образомъ легко въ š — неразграниченность оттѣнковъ v: w: u и связанныя съ этимъ особенности — šš какъ представитель šč, напр. wučĭliššа училище, paḿéššyk и др. (для «что» я слышалъ въ Морозовской волости то što, ударяемое, то štu, неударяемое) — довольно широкій и неопредѣленный характеръ гласнаго понятія «ъ», сильная его зависимость отъ окружающихъ звуковъ («dyčká» дочка, но въ другихъ случаяхъ скорѣе a, o) — y въ ḿýju, krýju и под., — и т. д. Находимъ, далѣе, въ общемъ то же самое распредѣленіе разныхъ гласныхъ, какъ у сосѣдей къ востоку.

Въ области согласныхъ отмѣтимъ довольно широко распространенную склонность С.-Деминскаго съ окрестностями, замѣнить ц звукомъ с (s): sonsa солнце, mъjá apsá моя овца, jäjsó яйцо, saŕ царь, sápla цапля, mъlaďés молодецъ, kupés купецъ, sérkъu или sérkwa[1]); употребленіе то ц, то с объяс-

1) Припомнимъ изъ Ив. уподобленія šérkowju, šerkwáḿi вм. съ ц- (§ 3).

ляетъ обратный переходъ, какъ «cáblʹä praźníʹa (!) majú γrúdi» сабля пронзила мою грудь [1]). — Другую особенную черту въ той же области имѣемъ въ tv́et, мн. ч. tv́atý, для цвѣтъ; tv́et tv́iťéť цвѣтъ цвѣтетъ. Но притомъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, говорятъ sv́et. (zvízdá звѣзда, какъ у сосѣдей къ востоку).

Однако, я не замѣчалъ, чтобы именно эти особенности считались характеристикой для «Деминщины» у сосѣдей съ восточной стороны. Искаѥіе же такихъ «западныхъ» особенностей, какъ напр. «дзеканіе» или развитіе ś ź въ ś́ ź́, оказалось тщетнымъ. За то вопросы съ противоположной стороны, у Деминцевъ, дали относительно консонантизма одно положительное указаніе. При разныхъ случаяхъ я замѣчалъ, какъ они говорятъ о сосѣдяхъ къ востоку и югу («pъdmъsáľšъna» или «tróʲčina»), что эти говорятъ «мягко»; они характеризуютъ ихъ м. пр. фразой «ďáďiń́ka, naľéʲka čášyčki čäiḱú». Сами они, дѣйствительно, сохраняютъ k твердымъ въ такихъ сочетаніяхъ (Прогр. 110): čiʲḱú, čiʲḱóm (у старухъ čaʲ-; ср. им. čiʲók чаекъ); хъźáʲka, ṕiń́ká (ṕiṅóčka), pastróʲka; «глянька»: γľáka или ľáka.

Въ области вокализма опять таки трудно найти положительные различающіе моменты. Въ иныхъ изъ описанныхъ говоровъ мы отмѣтили сильно развитое «оканье», на основаніи перехода ъ въ o (boroná, trowá и под.). Эта черта не свойственна Деминщинѣ. За то o Деминскомъ говорѣ можно какъ характеристику слышать выраженіе «ёканье», относящееся, кромѣ формы joś («ťi joś? joś, kak ńéťťi» и под.) [2]), также къ частому употребленію ’-om, ’-ox въ мягкихъ основахъ, см. въ Морф. Но кстати добавимъ, что Деминцы сами говорятъ «ďéṁiń́šъna» а не dö-; послѣднее — произношеніе сосѣдей, особенно къ югу.

— По Иванову, подъ «Деминщиной», кромѣ С.-Деминскаго съ волостью Морозовской, понимается еще Лазинская волость (vółъś ľáźinskъja), къ сѣверо-западу, и часть Пятницкой волости (ṕáťńickъja vol.), на западъ отъ Спаса, вдоль границы Ельнинскаго уѣзда; западная же часть этой волости для Деминцевъ уже — «Польша». Какіе признаки обусловливаютъ такое чувство разницы, мнѣ установить не удалось. Вѣроятно и здѣсь нѣтъ опредѣленной границы въ какомъ-то одномъ или въ нѣсколькихъ характерныхъ звуковыхъ чертахъ. Съ самаго дѣтства обитателей нигдѣ нѣтъ пере-

---

1) γrúdi употребляется только въ формѣ множ. числа, но, какъ видно, я слышалъ эту форму съ прилагательнымъ въ ед. числѣ.

2) Кстати: joś имѣетъ скорѣе «o» чѣмъ «ö», какъ въ раньше описанныхъ говорахъ.

рыва въ постоянныхъ сношеніяхъ между разными поселеніями, всюду люди встрѣчаются въ поляхъ и связаны узами родства. Притомъ границы такихъ явленій, которыя дѣйствительно выступаютъ какъ поражающія, болѣе «западныя» особенности, не говоря объ извѣстной неопредѣленности, находятся очевидно въ движеніи. Говорю прежде всего о переходѣ -ѵ въ -ų (byų, bi̯ų, paṕiųśa и под.). Эти формы прош. времени не употребляются въ нынѣшнемъ говорѣ С.-Деминскаго; не могу также сказать, существовали ли онѣ тамъ раньше. Но не надо отправляться далеко на западъ, чтобы ихъ найти: уже въ Морозовской волости, верстъ пять отъ Спаса, въ поселеніи Сельцо (śi̯i̯có, у старшихъ śa̯i̯có), byų и подобныя формы старымъ людямъ еще извѣстны, хотя — это стоитъ подчеркнуть — только какъ вымирающіе остатки; въ сосѣднемъ поселеніи Дарна (dъrná, прилаг. da̯ŕénskъi̯) онѣ еще слышны; а въ поселеніяхъ дальше на западъ и сѣверо-западъ, т. е. уже пограничныхъ съ Смоленщиной, онѣ уже обыкновеннѣе, по крайней мѣрѣ у старшаго поколѣнія. Тутъ уже соображенія являются сами собою.

30. Изъ фонетики говора. Замѣтки предшествующаго § -а и указаніе на матеріалъ, слѣдующій ниже въ морфологіи, позволяютъ ограничиться здѣсь немногими вопросами. Первый изъ нихъ — интонаціонныя и долготныя отношенія. Въ довольно бойкомъ торговомъ мѣстѣ, какъ Спасъ-Деминское, въ этихъ отношеніяхъ нужно ждать сильнаго стушеванія старшихъ особенностей. По моимъ наблюденіямъ, говорятъ уже съ довольно сокращенными слогами, распредѣляя долготы приблизительно какъ въ Московскомъ произношеніи; слогъ непосредственно передъ ударяемымъ — не изъ самыхъ краткихъ, онъ нѣсколько приближается къ вѣсу ударяемаго. Вообще же неударяемые слоги сильно сокращаются. Интонаціонныя отношенія, вмѣстѣ съ долготными, повидимому, также замѣтно сближаются съ столичнымъ произношеніемъ (ср. подъ Ив., § 2). Сохраняется, однако, сильная, очевидно старая склонность къ низкотонности ударяемаго слога, столь извѣстная намъ изъ всѣхъ этихъ говоровъ. Изъ самаго Спасъ-Деминскаго я отмѣтилъ не столько падающую внутри самаго слога интонацію (^), сколько низкій уровень для всего слога (ср. въ Ив.). Но въ произношеніи окружающихъ поселеній можно наблюдать широкое примѣненіе ^ [1]). Конечно, не говорю о случаяхъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, гдѣ ждемъ ^ согласно

1) По моимъ запискамъ, особенно ярко въ произношеніи дер. Семёнкова Морозовской волости, верстъ 7 къ сѣверу отъ С.-Деминскаго.

съ предшествующими говорами (pôšta — или лучше p^{u}ôšta, съ сильной лабіализаціей, ср. §§ 8 и 16 — čîstъх чистыхъ, dôma, pômńu, mnôγъ, skŕîpka, tôže и под.), но о произношеніи напр. burḿîs (ср. § 29), pŕiznâĺśa (-znâṷśa), kipît̀ кипитъ, kipitôk кипятокъ, γóda dvá nъzât, zakûska. Вообще типъ ˘ ˗, столь извѣстный намъ изъ говоровъ около Мосальска, въ западной части уѣзда — особенно къ западу отъ Кирсановой Пятницы? — замѣщается по моимъ наблюденіямъ болѣе или менѣе часто типомъ ˘ ˊ (˘ ˋ), хотя и такъ, что я не могъ бы указать правила для появленія того или другого — на это мои изслѣдованія не достаточно подробны. Нисходящее интонаціонное движеніе ясно выступаетъ лишь тамъ, гдѣ данное слово стоитъ отдѣльно или имѣетъ болѣе ударяемое положеніе. А при усиленіи нисходящаго движенія — особенно въ утвержденіи — замѣчается часто извѣстное намъ изъ Коб. (§ 12) явленіе: смыканіе голосовой щели («nъzâ̆t» и под.).

Нѣсколько словъ заслуживаетъ потомъ распредѣленіе гласныхъ оттѣнковъ въ неударяемыхъ слогахъ. Принципіальныя правила — тѣ же самыя, какъ въ описанныхъ говорахъ, и не нуждаются въ примѣрахъ. Второстепенныя правила, вообще, также согласуются съ тѣмъ, что замѣчено нами раньше; упомяну колебаніе у: ъ (byĺá: bъĺá); а вмѣсто ожидаемаго ъ въ началѣ слова (nъbáu набавь, но astáu оставь, adnaγó — однако, въ тѣсномъ сочетаніи съ предлогомъ, at-ъdńaγó). И въ этомъ говорѣ вниманія заслуживаетъ гласный послѣ мягкаго согласнаго въ слогѣ передъ ударяемымъ, содержащемъ гласный е. Въ глаголахъ на -ѣть видимъ правильно i (γĭidĕ̂t̀ глядѣть, vilĕ̂t̀ велѣть и т. д.); объ исключеніяхъ я не слыхалъ, ср. Морф. За то въ спряженіи наст. времени глаголовъ I A замѣчается сильное колебаніе; напр. γŕaḃú γŕibéš гребу, но pâkú pâkéš пеку; колеблются даже формы одного и того же глагола, напр. pripâkú pâkéš и 1. мн. ч. pekém я слышалъ 3. ед. pikĕ̂t̀, 2. мн. ч. pikĕ̂tă. У меня осталось впечатлѣніе, что, вообще, 'а передъ é въ данной грамматической категоріи представляетъ старшую ступень, отступающую въ пользу i. Въ иныхъ случаяхъ это высказано прямо; напр., при biŕažéš biŕažĕ̂t̀ указали мнѣ, какъ новѣйшія формы, biŕiγéš biŕiγĕ̂t̀ (бережешь бережетъ); въ этомъ глаголѣ даже повел. накл. biŕažú имѣетъ при себѣ, противъ обыкновеннаго правила, новѣйшее biŕiγî (ср. напр. zъpŕaγî, pekî — однако, съ другой стороны, γŕibî греби). Подобное колебаніе выступаетъ при тѣхъ же звуковыхъ условіяхъ и въ другихъ случаяхъ: dăŕéṇa (старше) и diŕéṇa деревья (ед. ч. déŕiwa), ŕăbópъk и ŕibópъk, diŕéṇa деревня — но въ Дубровской вол. dăŕéṇa. Поэтому, отмѣтивъ только, напр., šidój сѣдой (ср. pъšidĕ̂t̀ посѣдѣлъ), žaŕibéc жеребецъ, žyŕibópъk жеребенокъ, diťéj дѣтей, ŕimḗńa ременья (но ср. a, не ъ, въ kaŕéńa коренья), umiŕét̀, biśéda,

ĺ'ṕéška, bil'éja бѣлѣе — я не могу утверждать, чтобы притомъ не существовало и формъ съ 'a ('ä, 'e), какъ мы имѣемъ, напр., въ na śadl'é на сѣдлѣ.

Но i — т. е. замѣститель «передняго ирраціональнаго гласнаго» — въ описываемомъ говорѣ является въ предударномъ слогѣ также передъ другими гласными, въ положеніи, гдѣ принципіально ждемъ непремѣнно 'a ('ä, 'e). Ср. напр. передъ o, при sv'äkrów'a также sv'ikrów свекровь; въ «ѣсть» мн. число наст. времени звучитъ id'ím id'íťä (и, конечно, id'ät); ср. далѣе мн. ч. слова zv'éŕ, формы словъ kńäś, źät въ Морф.; м. «na čiṕí» на цѣпи. Для объясненія этого мы вправѣ указать на дѣйствіе аналогіи; id'ať легко могло вызвать id'ím, id'íťä вм. jä-, źiťťá зятья — р. źiťťóu, kiṕíť кипитъ можетъ объяснить kiṕitók вм. kiṕatók. Но остаются случаи, какъ напр. sv'ikrów, гдѣ такое объясненіе трудно; и нѣтъ сомнѣнія, что частое появленіе i въ данномъ положеніи отражаетъ общую склонность редуцировать 'a предударнаго слога въ i; а эта новая качественная редукція, выступающая пока лишь въ неопредѣленныхъ и колеблющихся рамкахъ «склонности», несомнѣнно имѣетъ связь съ упомянутыми выше количественными отношеніями неударяемыхъ слоговъ, при которыхъ слогъ непосредственно передъ ударяемымъ сокращается, теряя извѣстное намъ изъ старомоднаго произношенія подмосальныхъ говоровъ удлиненіе (Ив.). Разумѣется, и другіе моменты могутъ тутъ содѣйствовать: очевидно, что вліяетъ мягкость слѣдующаго согласнаго — не даромъ на мѣстѣ ожидаемаго 'a громадное большинство этихъ предударныхъ i наблюдается передъ мягкими согласными, ср. данные выше примѣры и указанія; далѣе, вѣроятно, кромѣ аналогій внутри самаго говора, часто содѣйствуетъ сильное вліяніе также извнѣ, особенно, пожалуй, со стороны столичнаго произношенія, отъ котораго, напр., какое-нибудь медленно, по-сложно выговариваемое «d'ar'éuńa» отстоитъ очень таки далеко; а наконецъ надо здѣсь, какъ въ предшествующихъ говорахъ, считаться со старыми случаями i въ предударномъ слогѣ передъ é (глаголы на -ѣть и др., ср. выше). Но столь сильное и, очевидно, все расширяющееся употребленіе i въ данномъ слогѣ, какое наблюдается нынѣ въ этомъ говорѣ, по моему, трудно объяснить иначе, какъ звуковымъ развитіемъ и внутри самаго говора, т. е. — хоть отчасти — какъ редукціей подъ вліяніемъ новаго образа рѣчи. Недаромъ узнаёмъ, напр., что čajkú, čajkóm — старше, а čijkú, čijkóm — новѣе. Упоминаемое развитіе въ сущности согласуется съ развитіемъ (уже старшимъ?) такого дублета какъ jaššó: jšśy (jšše) для «еще»; въ вѣскомъ положеніи говорятъ, напр., «jaššó búd'iťa jíś, to bábъ pъdaśí» (т. е. подастъ); но въ легкомъ положеніи, напр., «a jétъ býłъ jšśy u tóm ĺéťa».

31. Къ морфологіи.

Существительныя.

1. *Основы на* -a, -ja совпадаютъ вполнѣ съ Ив.: sъwá sawý и т. д., пъγá naγï naγú — nóγï n̥óx и пр. р. д. м., напр. отъ съха́, колеблется между saχé и [saχí]. — sʹviń́á в. sʹviń́ú и пр.; мн. ч. sʹvïń́i р. sʹviń́ęi или -ń́ęi, д. -ń́ám и пр.

2. *Основы на* -o, -jo *и* -u.

а) *Мужской родъ.* Имѣемъ, какъ въ Ив., въ сущности одно общее склоненіе, раздѣляющееся на основы «твердыя» и «мягкія»; отъ положенія ударенія зависятъ извѣстныя намъ разновидности въ гласныхъ флексійныхъ окончаній, насколько онѣ не устраняются аналогіей. Примѣры: dom dóma и пр., м. и dóḿä; мн. ч. dъmá damów и пр. syn sýna и пр., ср. Ив.; м. sýńi или sýnu; мн. ч. synǫ́ -nám -náḿi -náx; какъ и. мн. ч. употребляется обыкновенно synawi̯ó, при томъ -wi̯ï; къ этимъ примыкаютъ д. synawi̯óm, м. -wi̯óx, т. -wi̯áḿi. — Развитіе двойной формы для м. ед. на -ě (dóḿä, pó-γŕibä, но sýńi) основывается вѣроятно на sanddhi. — koń kъńá kańú kańóm, м. kańï (-ńú); мн. ч. kóni kóńъ kóńim kóńiḿi kóńix или -ńax. р. kóńъ заимствовано, конечно, съ твердыхъ основъ; м. -ńax — аналогія по окончаніямъ ударяемымъ. — muš múža múžu múžъm, м. múžъ, отъ -y, т. е. -i послѣ ž; (мн. ч. mužžá -žžéi̯[1]) -žžám и пр.). — Добавимъ kraj krája и пр. (м. пъ-kraiú): т. мн. ч. «pъt kraiḿí», м. «пъ kraióx»; отъ «гость» мн. ч. γósti γasťéi̯ γasťóm γъsťáḿi γasťóx. — Ко мн. числу мягкихъ основъ ср. еще (sušét sušéda и пр.): sušédi или -ďa[2]) р. -dïi̯ d. -dim т. -ďiḿi м. -dïx; но (káḿin kámńa, мн. kańéńńa р. -ńn̥a) тв. kańéńńáḿi, м. -ńńax при kamńóx. [и. мн. ч. kámńi заимствованъ?].

М. ед. ч. sýnu выказываетъ, какъ въ Ив., неударяемое -u. Иначе kańú, kraiú, na biŕäγú, na víŕxú (véŕx); другіе говорятъ vérx, тогда м. звучитъ «na tym (tom) värxú».

И. мн. ч. на -á (dъmá) далѣе напр. въ víčiŕá (ед. ч. véčir и véčar); но напр. pъγŕäbý, не -bá (póγŕip).

Д. и м. мн. ч. на -'om -'ox, кромѣ приведенныхъ выше примѣровъ, будутъ встрѣчаться часто ниже.

---

1) Ждемъ -éi̯.

2) А не -ďď-!

Мн. ч. въ формѣ собирательнаго часто встрѣчается и въ этомъ говорѣ. Къ приведеннымъ выше примѣрамъ ср. еще (źäť źäťä и пр.) źiťťá źiťťóu źiťťám или -óm źiťťámi źiťťóx; (zvêŕ zvêŕa и пр.) zvíŕŕó zvíŕóu -ŕóm -ŕámi -ŕóx; súťťa, súčča, ťisťťa, waťóśśa. [Къ kńäś мн. ч. звучитъ или kńäźï или kńiźźó; впрочемъ, оно, какъ и kńi'ńä (!), рѣдко и скорѣе слово поэтическое]. Съ kaḿéńńä ср. ŕiḿéńńa (ŕêńńiń), kaŕéńńa (kóŕiń), [stupéńńa; вм. stupéń обыкн. pŕistúpak].

Слова на -тель здѣсь имѣютъ ť: svidêťiť, wučiťiť, мн. ч. wučiťiťï или -ťá (къ послѣднему ср. впрочемъ жен. р. wučiťiťka или -ťka).

Слова на -инъ: ḿiššańïn -ńïna и пр.; мн. ч. miššány или -ána р. -an д. -anъm и пр. Отъ báŕin мн. ч. звучитъ báŕa; я нашелъ только им. пад.; дальше γaspót γъspъdám и пр.

žyŕibópъk -nka и пр.; мн. ч. žyŕibáty и пр. (Въ тв. отмѣчено, кромѣ -taḿi, также -tyḿi, у котораго вѣроятно изъ ъ).

б) *Средній родъ.* Въ сущности опять одно склоненіе, раздѣляющееся на твердыя и мягкія основы. Примѣры: waknó wъknâ и пр., ср. Ив.; ťéta, м. ťéťä, мн. ч. ťitá ťet и пр., какъ въ Ив. — póťä поле: т. póťem м. póťi; мн. ч. ръťá paťéj и пр., но м. и póťex (не -'ox); это -'ex можно объяснить изъ -'ax, но т. ед. -em надо объяснить иначе; собственно то и другое не представляетъ ли окончанія твердыхъ основъ, на мѣстѣ ожидаемаго -'im, -'ix? — Къ разнымъ видамъ м. ед. ч. въ мужскихъ основахъ ср., напр., здѣсь, къ skło (окно) na skťe, къ ńóba (небо, «ńóba jásnъja») na ńóbä, na ńóbu и na ńébi (чужое?); къ wučiťišša училище при -išśu также wučiťaššy, указывающее на -i.

wúxa (úxa) ухо, мн. ч. wúšy р. wuš или wux, т. wuxámi и пр.

Приведемъ здѣсь еще ďiťó (moj или maj6), р. (u mъjaγó) ďiťó, д. ďiťú, т. ďiťóm м. ďiťú; мн. ч. ďéťi, р. ďiťéj, д. ďiťóm [-ťám], т. ďiťámi и ďiťmï, м. (a svajïx, svaj6x) ďiťóx.

3. *Основы на -i и на согласномъ.*

Вмѣсто -sť имѣемъ -ś, straś страсть, koś кость и под.; внутри слова ť звучитъ ясно: д. р. м. kóśti; мн. ч. (и. kóśťa) р. kaśťéj и пр. Къ т. ед. ч. ср. напр. nóčču ночью; къ ударенію м. напр. u paćï въ ночи.

«Мать» и «дочь» здѣсь обыкновенно имѣютъ видъ mátka, ďečká (иногда прибл. «ďýšká»), ср. основы на -a.

kroų krówi krówju («къшлäjiť s-krówju» кашляетъ кровью; wj не даетъ ww, ср. выше synawj6). «Свекровь» найдено какъ svíkróų и svakrówja; съ послѣднимъ ср. р. д. м. švakrówji (-jji), съ первымъ т. -wju; мн.

ч. svakrówjí, Р. -ówij, Т. -bjäḿi; притомъ svikrá Р. svakrý, мн. ч. svakrý (ср. svókry къ svókъr). Церковь: cérkwa (sérkwa) В. -kwu Т. -kvъju; И.-В. притомъ звучитъ sérkъju (с-); мн. ч. cérkwy cyrkwéj (s-)[1]).

— puť (dóbrъj) Р. puťá («ńä ždí at-jagó puťá»; ср. прилаг. ńiputášš̆ъj = нехорошій), и пр.; мн. ч. я не слыхалъ. Въ выраженіи «puťí skóľki» имѣемъ, вѣроятно, старшій Р. ед. ч., какъ въ «mnógo puťí». — «Голубь» въ ед. ч. отвердѣло: gółup gółuba и пр.; во мн. ч. оно мягко: gółubi gъłubéj и т. д., конечно какъ основа на -jo.

ďeń dńa и пр.; во мн. ч. отмѣченъ Р. ďon (śem ďon) при чужомъ dńéj; Д. dńom [ďńam], М. dńox, dńax; добавимъ кстати śáńńä (при śäwódńä).

— Слова на -мя. Имя: jiḿa или iḿanó, Р. jiḿa, Т. iḿanóm, М. ïḿi; мн. ч. iḿaný или jiḿóna, Р. iḿanój или jiḿój, Т. iḿónami или iḿináḿi. Слово vŕéḿa, Р. vŕéḿa, очевидно рѣдко. «Бремя»: biŕéḿä или (старше) bäŕéḿä, но притомъ также bêŕéḿä; Р. какъ И.; Т. -ḿäm, М. (u tom) beŕéḿi; мн. ч. biŕómy, Р. biŕóm [рѣже и старше beŕóm]. «Вымя»: výḿä и jïḿä(?), Р. iz-ýḿä или iz-výḿa (ср. dva výḿi), Д. výḿu; мн. ч. (płaxýi) výḿi, Р. vyḿón, Т. výḿiḿi. Вотъ тѣ формы, которыя мнѣ удалось отыскать.

Къ мѣстоименіямъ.

Вообще, указывая на Ив., отмѣтимъ изъ формъ личныхъ мѣстоименій, что употребляются tibé и taḃé, śibé и saḃé. jon въ Р. В. имѣетъ старшее jagó, младшее jawó. Къ [j]iná Р. звучитъ (at) jijé, новѣе (at) jéj и даже at néj; В. [j]ijé — jeié (jäjé) употребляется къ востоку, въ «трощкихъ» поселеніяхъ; Д. k joj встрѣчается въ окрестностяхъ, но, повидимому, рѣдко (чаще въ Артинской вол.); Т. ś-jéj (jéju повидимому не употребляется). Мн. ч. iný (jny) и aný (janý не употребляется здѣсь), Р. jix и пр.

moj maj̆ó, Р. mъjagó maiyó (новѣе majwó), Д. mъjamú majmú, и т. д., ср. Ив.; mъjá (я слышалъ притомъ прибл. «maá»), Р. Д. М. majéj и majój, В. maiń, Т. majéj(u) и majój(u); во множ. числѣ отмѣчена двойная форма для М.: a svajïx или svajóx ďiťóx. — naš, сред. р. nášа, nášъya и т. д.; къ жен. р. nášа, В. nášu, Р. Д. М. отмѣченъ въ видѣ nášyj, но Т. какъ

1) Къ потерѣ мягкости въ конечномъ губномъ согласномъ ср., кромѣ krop и пр., еще brop бровь, lubóp; къ упомянутому ниже gółup дальше rup рубль, žurápъ или žógъp журавль, мн. ч. žurawý -wóp и пр.; наконецъ повел. astápъ оставь, pъbápъ набавь, príyatóp (и -yъtavíi). Отдѣльно стоитъ čer цѣпь (М. «sъbáka na čirïi»; ср. «čirlą̈j» защепи); моложе cep, cérka.

nášъi̯ú — хотя и съ ъ переднимъ, близкимъ къ у; подобный переходный оттѣнокъ я слышалъ въ И. мн. ч. našъ. Стоитъ сравнить Ивонинскіе оттѣнки.

tot (ср. tótt∝: «tótt∝ sámyi̯ i̯oś a katógъm — a kom — ká[i̯]i̯ť i̯on»); какъ сред. р. употребляется tói̯ä; Р. tayó и пр.; М. tym; жен. р. tái̯a (старше) и ta, Р. Д. М. tei̯ (или tyi̯? Мой слухъ колебался). Кромѣ приведеннаго tói̯ä я слышалъ И. В. сред. рода также въ формѣ tai̯é, въ выраженіи «ťi daśí tai̯é» дашь ли то. Какъ видимъ, этотъ комплектъ представляетъ сильную смѣсь. — i̯étъt i̯étъya Т. и М. i̯étъm (или скорѣе -tym?); i̯éta Р. Д. М. i̯étъi̯.

xto kayó kamú (s)kym (a)kom. — što или ščo čayó čamú čim čom. — čêi̯ čii̯ó, či̯ayó и пр.; čii̯á čêi̯ и пр.; мн. ч. či[i̯]ï.

Ср. еще uwéś u̯śo u̯śayó u̯śamú u̯śim u̯śom; u̯śa u̯śéi̯ и пр.; мн. ч. u̯śi и u̯śe Р. u̯śix Д. u̯śim, но Т. u̯śéḿi. — sam sъmayó и пр.; sъmá Р. Д. М. samýi̯ или saméi̯ (мой слухъ колебался, склоняюсь къ -ýi̯); Т. samýi̯u (опять колебаніе относительно y: e), В. śъmai̯é.

Къ прилагательнымъ.

Ударяемыя окончанія твердыхъ основъ записаны въ слѣдующемъ видѣ xudói̯, сред. р. xudói̯ä, Р. xudóya, Д. xudówomu (xudómu — форма совсѣмъ новая), Т. xudým, М. xudóm; xudái̯a Р. Д. М. xudéi̯ Т. xudéi̯u; мн. ч. xudýi -dýx -dým -dýḿi. Ср. złoi̯ złói̯a złóya и пр., złái̯a złei̯ и пр., złýi и т. д. — Къ Дат. xudówomu ср. (у «сѣрѣйшихъ») даже xudówъmъyù; подобное расширеніе я слышалъ еще лишь въ «богатый»: (bъyátъmu и) bъyátъmъyù; то и другое образованіе выражаетъ увеличеніе понятія. — Послѣ велярнаго согласнаго ср. И. муж. рода takýi̯ («у приближается къ ъ») и takéi̯; Р. Д. М. ж. рода takéi̯; но объ -éi̯ нужно сказать то же самое, что выше сказано о saméi̯: въ сущности выговаривается не обыкновенное e, но какой-то особый гласный, начало котораго скорѣе «у» (средняго ряда), но склоняющійся къ концу болѣе къ «e» (передняго ряда). То же самое отмѣчено напр. также въ Р. Д. М. жен. рода kŕiwéi̯, xtaméi̯. Указываю на соображенія въ § 15.

Окончанія неударяемыя отмѣчены въ слѣдующемъ видѣ: bъyátъi̯ (-tai̯; иногда чистое -ai̯, напр. pérvai̯) и -tyi; послѣднее, повидимому, у младшаго поколѣнія; сред. р. bъyátъi̯a; Р. -tъya, Д. -tъmu (-tъmъyu ср. выше), Т. и М. -tъm (иногда въ Т. отмѣчено -tym; ср. къ pérvъi̯ Т. -vъm, колеблющееся съ -vym, а М. -vam; въ этомъ случаѣ, по моимъ записямъ, разница данныхъ двухъ падежей наблюдается правильно). Жен. родъ: bъyátъi̯a,

В. -tʲi̯u (я не слыхалъ -tu̯i̯u), Р. Д. М. и Т. -te̯i̯ (а въ другихъ случаяхъ -ъ̯i̯, напр. t́ésnъ̯i̯ ṕérvъ̯i̯). Множ. число bъγátъ[i̯]i (а повидимому также -ty[i̯]i; иногда просто -yi: krúpnyi, búi̯nyi), Р. М. -tъx [-tyx], Д. -tъm [-tym], Т. -tʲmí [-tymí]; окончанія -tъx и т. д. напоминаютъ Сильк.; о -tyx и т. д. я не знаю, считать ли ихъ старшими или младшими. — Послѣ веляр-ныхъ согласныхъ имѣемъ тѣ же самыя окончанія: kŕérkъ̯i̯, Р. жен. рода -kъ̯i̯, мн. число -kъi и пр.

Къ мягкимъ основамъ ср. напр. paγóžńe̯i̯, жен. р. -ńi̯a, мн. ч. -ńii. Род. ед. ч. paγóžńъγà указываетъ на введеніе окончаній твердыхъ основъ.

— Къ сравнительной степени: bilʲéi̯a bʲélʲe, при bilʲéi̯šy; bólʲšy и bolʲša, stáršy и stárša, xúży и xúža (-a во всѣхъ «высокое», «а»), šyŕä шире, при šyŕša; ɫúččä и ɫúčči (больше у молодого поколѣнія). — При xúży (-ža) говорятъ еще «mnóγъ xúžyi̯šy taγó». — Ср. наконецъ «i̯on stražéi̯šy tibé» (строже).

Къ числительнымъ.

adʲín, сред. р. idnó или dno; Р. adnaγó (ср. at-ъdnaγó), и пр.; жен. р. idná или dna, В. idnú, dnu, Р. (u w)adnéi̯ (т. е. у одной) или -ói̯, Т. idnéi̯ (ср. sydnéi̯ съ одною); множ. ч. adnу́ или idnу́, Р. adnу́x, и т. д. Въ окрест-ностяхъ сочетаніе dn часто переходитъ въ nn, особенно, повидимому, по на-правленію къ Смоленской губ.; напр. «ńi annawó γósʲa» при обыкновенномъ (старшемъ?) ńidnaγó. Странную форму для того же падежа я отмѣтилъ въ выраженіи «ńi wónnъγa γuśónka néʲtʲi, uśíx varóna pozъdráɫα» ни одного гусенка.

dva, ср. Ив.; Т. dvuḿá и dvuḿí.

tŕi, Т. tŕiḿá или tróḿi.

čatýŕi (šа-), Р. šityŕóx или šä-, Т. šityŕḿá.

pʲaʲ Р. М. pitóx Д. -tóm И. pitḿí. — šeś (не ê!) šysʲtóx šyśḿí. — śem śimóx śeḿḿí. — vósim, dʲéviʲ, dʲéśiʲ; adʲínnatsyʲ или -tsàʲ[1]) и т. д. 50: pidʲdʲíśát, 60: šyzdʲíśát, и т. д. 90: dʲivinósta; 100 sto, 1000 týśśa.

Къ собирательнымъ ср. Ив.

— ṕérvъi̯ (-ai̯, повидимому обыкновеннѣе); притомъ ṕervói̯, -ói̯ä, -ái̯a. druγói̯ или drúγъ̯i̯ drúγъ̯i̯a и т. д.; u̯tarói̯ (ср. формы какъ «wuu̯taréi̯ báʲbe» у второй бабы; см. § 4). tŕéʲtii̯, сред. и жен. р. tŕéʲtʲa, Р. tŕéʲtʲaγà и т. д.; ср. выраженіе «ja byɫ pŕízvan u tŕiʲtʲóx», т. е. третьимъ по очереди. «Четвертый» я не записалъ случайно. pátъ̯i̯ (-yi̯?). šastói̯ или šóstъ̯i̯. śómъ̯i̯ или śiɫmói̯. vó-

1) Скорѣе, можетъ быть, -tc вм. -ts?

śimmъį (а также съ однимъ m?), новѣе vaśmóį. Къ дальнѣйшимъ формамъ ср. Ив.

Къ глаголамъ.

Относительно спряженія упомянемъ лишь то, что при 1 л. множ. ч. ’ém, напр. ǵńiťém гнетемъ, стоитъ ’óm, напр. s̄’om сосемъ. Отдѣльные же глаголы представляютъ подробности не безъ интереса; перейдемъ къ нимъ, указывая, главнымъ образомъ, на отклоненія отъ приведеннаго въ § 10 матеріала.

I. А. Къ общей съ Ив. параллели въ вокализмѣ корня ср. напр. ǵńatú ǵńiťéš... ǵńatúť; ǵńäťí; ǵńoł ǵńiłá ǵńałó ǵńałí; ǵńéś. — pľatú pľiťéš; прич. ras-pľéťina (ср. сущ. pľätúxa, родъ плетеной сумки). — ǵŕabú ǵŕibéš; ǵŕibí(!), но прош. мн. ч. ǵŕäblí; pod-gŕébina (ср. кратное ръdǵŕibáť. Вполнѣ такъ же ръt-skŕabú. — biŕagú biŕažéš (новѣе biŕiǧéš) biŕažéť (biŕiǧéť) и т. д.; повел. biŕažý (новѣе biŕiǧí); biŕóx biŕiǧłá biŕaglí; beŕéč или biŕéč; biŕéžъna. — stiŕagú stiŕaǧéš и т. д.; другого вида для наст. времени я не нашелъ; неопр. stiŕéč. — pakú päkéš pikéť peként pikéťä pakúť; peкí; pok pikłá pakłí; pêč; (xlep) s-pačón. — (ťiká) tikéť, 3. мн. takúť; tikłá taklí. — žyu žǧeš и т. д., ср. Ив.

zъpŕagú zъpŕiǧéš; zъpŕaǧí zapŕóx zъpŕiǧłá; zapŕéč (ср. кратное zъpŕiǧáť). — ľážu какъ въ Ив.; однако нѣтъ повел., вмѣсто него «ńi łažýś» не ложись. — žmu, ср. Ив., но прош. žmał zmáła, неопр. žmať. — waźmú какъ въ Ив.; ḿäť, žať žnu тоже. — kľanú kľińéš; kľäńí; kľał kľiłá. — načnú; načńí; nъčáł nъčъłá nъčalí; nъčáť; déła nъčátα дѣло начато.

umrú; uḿór uḿórła uḿórlí; uḿiŕéť. — tru какъ въ Ив.; однако неопр. tiŕéť. — zaprú какъ въ Ив.; прич. zapórta.

tałkú ср. Ив.; прич. istałčón. — vъłakú ср. Ив.; прич. izvałóčin. — maǧú maǧéš maǧéť maǧém maǧéťa maǧúť (однако «ńä móžyd-býť»); ръmaǧí; mox mъǧłá maǧlí; (pa)móč.

búdu ср. Ив.; повел. buť búťťä; (byl byłá и bъłá).

śakú śikéš; śikí; въ остальномъ ср. Ив. Приведемъ здѣсь еще baǧú (теперь чаще biǧú), baǧúť; повел. biǧí (повидимому новая форма); неопр. bêč. Остальныя лица наст. времени ввели ǧ: biǧíš biǧíť (и bäǧít) bäǧím (рѣже biǧím) beǧíťä (новѣе bi-); но повел. žbažý-ka.

žyvú ср. Ив. — idú idéš ср. Ив.; неопр. однако iťíť. При прош. išłá отмѣчено также jišłá. Въ prídú формы какъ prídiš prídiť кажутся новѣйшими. — stryǧú и т. д., стригу; stryǧí; stryx или stŕix, stryǧłá [stŕiǧłá]; stryč или stŕič.

Ср. еще pɫʏ́ť, 1 л. pɫ́ъwú, 3. мн. скорѣе pɫywúť; къ колебанію ъ: у ср. Ив.

I. B. ɓarú ɓiŕéš; ɓeŕí; braɫ́ bráɫa; u-brána. — ďarú ďiŕéš; прич. atъ-drána. γnať, tku, ɫγu ср. Ив.; въ послѣднемъ замѣтимъ мѣну ɫ-: aɫ́-, напр. ty ɫγeš, ńá ɫγi, но jon aɫ́γéť.

aba-ssú -śśéš -śśéť -śśóm -śśéťä -ssúť; неопр. aba-ssáť обсосать.

II согласуется съ Ив.; вм. повел. ńä-tóń отмѣчено здѣсь ńi-tańí (тонуть) Къ краткимъ формамъ прош. вр. ср. напр. pʏ́źár pʏ́źabɫ́α (źábnuť), zańérs (zańérznuť, при новомъ zańórznuť). Къ pramóknuť употребляется прош. вр. другого корня prʏ́ńák prʏ́ńákɫa.

III. 1. A. γŕéť, sńéť ср. Ив. Пеструю картину выказываетъ «пѣть»: наст. вр. у старшаго поколѣнія звучитъ paj̯ú pi̯j̯éš pi̯j̯éť pi̯j̯ém pi̯j̯étä pi̯j̯úť, т. е. 1. ед. ч. сохранило старшій вокализмъ, прочія лица или подпали аналогіи случаевъ какъ pʼatú pʼiťéš, или — скорѣе — принадлежатъ къ другому глаголу, см. ниже; повел. s-poj̯ или pi̯j̯áj̯; въ прош. вр. я не слыхалъ ожидаемаго *peɫ́, но только pi̯j̯áɫ́ -ɫa -li; неопр. pi̯j̯áť («kilì pi̯j̯áť tak pi̯j̯áť»); очевидно стоимъ передъ «пѣять», со спряженіемъ какъ напр. смѣяться; ср. бѣлор. (Носовичъ) пѣяць, впрочемъ съ другимъ образованіемъ наст. времени. Кобыльскія формы указываютъ, конечно, на то же происхожденіе.

Любопытны также формы глалола брить: bŕu bŕiš bŕiť bŕim bŕiťä bŕuť; bŕi; bŕiɫ́ bŕiɫa; bŕiť; pa-bŕit. — duť, myť, kryť, ryť, vyť (voɫ́k vý[j̯]it) ср. Ив. — γńi̯éť γńi̯j̯úť; z-γńiɫa; γńiť.

pi̯u и т. д.: p твердо, послѣ него, передъ тѣмъ какъ начинается j̯, какъ будто звучитъ минимальное «ъ», повел. pêj̯; pi̯ɫ́ pi̯ɫá; pi̯ť — bi̯u; bêj̯; bi̯ɫ́ bi̯ɫa; bi̯ť — vi̯u («vʼj̯u»); veį̯ (vêį̯?); vi̯ɫ́ vi̯ɫa; vi̯ť; s-vi̯ta. Къ b, v двухъ послѣднихъ ср. замѣтки о p въ pi̯u.

ľu aľľéš (повѣе iľľéš) aľľéť aľľóm (повидимому только -óm, какъ въ pi̯om bi̯om vi̯om), и пр.; повел. ľeį̯ или aľľí.

— us-paŕú uspóŕiš, ср. Ив. — kaľú kóľiš... kóľúť; ńi kaľí; nъ-kaɫ́óɫ́; kaɫóť. O žnu ср. I. A.

III. I. B.

a) śé[j̯]it сѣять ср. Ив. Къ bľi̯j̯áť (ср. Ив.) подчеркнемъ i въ корнѣ въ наст. вр. (wówcy, т. е. овцы) bľi̯j̯úť; это i, повидимому, соотвѣтствуетъ i въ pi̯j̯éš поешь и т. д., ср. «пѣть» подъ III. 1. A.

— kuj̯ú kuj̯éš; kuj̯; kuwáɫ́; kuwáť; pʏt-kuwán. — Ср. далѣе, напр., tarγúj̯u, tъrγuwáɫ́, tъrγuwáť. — kľúj̯ú; kľuwáɫ́; kľuwáť; такъ же žuwáť, plúwáť (наст. вр. даже съ ü: plüj̯ú). Но: načúj̯u: nъčiváť.

6) tŕepľú tŕépiš; tŕipí (tŕä- я не слыхалъ; ср. Ив.); tŕipáť. — ďŕiḿú

ďŕéḿiš, ďŕimáť. — sýpu sýpiš, sýpъť. — taššú táššyš, tъskáť. — vážú vážyš, vizáť. И т. д., вообще какъ въ Ив. — xrъmáť я слышалъ лишь съ наст. вр. xrъmáju. Хохотать, какъ въ Ив. звучитъ γъγътáť, γъγačú[1]). Къ iskáť, iššú jiššyš (-ššъš?), повел., какъ и ждемъ, звучитъ здѣсь ішшý; ср. къ połъskáť (połaššú paĺóššyš) повел. połaššý.

III. 2. A. ďéĺъť, vъĺáť, ĺъskáť, ťiŕáť терять, гъbътáть и т. д. не представляютъ различій отъ Ив.[2]).

Вполнѣ соглашается съ Ив. также типъ uḿéť, žałťéť и под. «Имѣть»: ḿéť, прош. ḿeĺ, наст. вр. ḿéju ḿéiš и т. д.

B. Къ типу tъgъváť см. подъ III. 1. B.

IV. A. Примѣръ уже приведенъ въ зам. къ III. 2. A (vańíť). Спряженіе, видъ и удареніе отдѣльныхъ глаголовъ соотвѣтствуютъ Ив.; отмѣтимъ лишь удареніе въ bŕańíť, bŕańú-bŕáńiš... bŕáńûť и γrazíť, γrazú γróziš и пр. Формы, какъ γrazú vazú (vazíť) zъγъraďú (-ďíť) и др., въ конечномъ согласномъ корня соотвѣтствуютъ тому, что мы знаемъ изъ Ив. Приведемъ еще mъłaťíť, mъłaťú съ ожидаемымъ въ первомъ слогѣ ъ (Ив. ma-).

IV. B. víďu... víďûť; víďiĺ; víďiť; ср. «víš aj ńét!» видишь или нѣтъ, «víš kakój». — Съ Ив. ср. víŕťéť γlíďéť (не γlä-) ťiŕpéť zvíḿéť víĺéť γŕiḿéť (γrom γŕiḿíť, γŕiḿéĺ); γaŕéť. «Сидѣть»: šižú или šiďú šiďíš... šiďáť; неопр. šiďéť— не šä-, это послѣднее принадлежитъ мѣстностямъ по направленію къ Мосальску (Троицкимъ поселеніямъ, Дубровской вол.); но ср. кратное pašéžъvaju, извѣстное и въ Коб.

kŕičáť ср. Ив. — maĺčú... mъĺčáť, неопр. mъĺčáť. — Держать: ďaržáť (склоняясь къ ďъ-); ďaržú ďaržýš... ďaržáť.— stъjáť и bъjátsa (-ca?) ср. Ив.

V. dam daší (новѣе daš) daś daďím daďíťä daďúť; daj; daĺ dъĺá dáĺi; dať. Синтаксическое употребленіе формы daší такъ широко, что можно бы понимать ее какъ общую для всѣхъ лицъ. Напр., на вопросъ «ťi daší tajé» дашь ли то?, отвѣчаютъ «daší, čagó ńi daší» въ значеніи «дамъ»; ср. ниже «iší».

jem jéš jéś или jiś iďím iďíťä iďáť; повел. ješ jéšťä; jeĺ jéĺa; неопр. jiś. И здѣсь при приведенныхъ формахъ наст. времени употребляется какъ общая для всѣхъ лицъ iší: «a ty po[j]iší?» «a ja jšše jší».

32. Приложеніе: къ нѣкоторымъ вопросамъ «Программы».

---

1) Расхохотаться: zъrzáť.

2) Вм. *vъńáť вонять въ Спасѣ употребляютъ vańíť, 3. ед. ч. vańíť, 3. мн. ч. vъńáť, прош. vańíĺ.

Послѣ даннаго изложенія можно ограничиться слѣдующими немногочисленными отвѣтами.

62. ďórskъi̯ — но vétxъi̯ zaďérška ľeu̯. nóbα xŕos (отсель: atśíľä). k i̯oi̯ слышится вм. i̯êi̯ изрѣдка въ окрестностяхъ; чаще же tvai̯ói̯ svai̯ói̯ (ср. Морф.). i̯oś. Но vêŕx или verx, učébńik и пр.

paďóńšyk. vaľóžńik.

63. kaľóčiť калѣчить, vóška вѣшка, (tvíŕózъi̯ трезвый), vódry (ед. ч. vadró); въ остальныхъ примѣрахъ звукъ e.

64. aďéža lîpéška u-daŀbéšku; въ остальномъ ср. лит. языкъ. Съ этимъ согласуются также gńózdy (gńazdó), zvózdy (zvizdá), śódły (šadłó).

70. «Стричь» выказываетъ и stry- и stŕi-, см. Морф. Ср. далѣе gryp grybý, tъwárъš (отъ -рыщъ); но kŕik, kŕičáť, ŕíga; коврига: kaŕvíga.

76. wóčiń или wóčinna, очень.

141. śérkъu̯, ср. Морф.; pérvъi̯ (pervói̯), vérba, verx (na varxú) — но также vêŕx (na viŕxú); źéŕkaľa — т. е. такая же смѣсь, какъ въ раньше описанныхъ говорахъ.

Къ вопросамъ о *палатализаціи*, кромѣ упомянутаго въ § 30 xъźái̯ka, pińká и под., отмѣтимъ явно твердые губные въ piu̯ biu̯ viu̯ («p*i̯u» и под.), см. Морф.

Къ вопросамъ Прогр. объ *удареніи* (стр. 1 сл.) сообщаю изъ произношенія Морозовской волости слѣдующее:

rúčii̯ xóŀťť («xaŀódnъ dúžä!») twórъx (rъzgavór) wóśiń addýx kъnakóŀ P. мн. ч. kъłkaŀóu̯ pastúx karšún nóžъk (-žyk) vaľéžńik pъtaŀók zъkłátkα padrúga uspéx zъstáva zakúska próstiń (NB i) śérca znakómstva wópšъstwa bóľiś (болѣзнь).—žyťťó spîna pъpaďďá źimá źimľá (B. źämľú) śiŕäbró [«чаша»: pitúxa, обыкн. деревянная] skъurъdá, мн. ч. skъwradý P. skъwarót; kъłakóńńe (ďéńγi) sážyń kazná dyčká sъsná dévъčka (я слышалъ притомъ dévъška) aľxá saľóuka ródina śéra vóiska śítα žórau̯ aľéń kryľcó vérba túča pášńa kipitók pétťä (e поражаетъ) garłó vółna (kuľ) (ľédńik, повидимому, чужое слово) žńiwa trъwá šъłuxá šávíľľa (средн. родъ) sъłavéi̯ ńiłъś słúčii̯((-šii̯) abyčii̯ mъłъdńá (молнія) svátъńńä (сватанье).

słóvička ńéstičkα. — vъłká (dva vъłká), но zvéŕa и т. д., ср. лит. языкъ; съ этимъ согласуется далѣе, напр., vółkъm... pad-ńízъm, pad-bókъm, abúxъm — но pъd-mastóm.

k-stéńä, g-źíme (stúdînъ stáńiť); но k-stъgańé и пр.

do š (въ моихъ запискахъ количество š: š колеблется) имѣетъ въ P., напр., «dóžžu ńi-bъłó daunó».

Я слышалъ только ударение вродѣ na-złó, pa-łbú, pa-pólu, za-mbźe, na-ĺétα, na-wúxъ, za-śénъm.

Къ прилагательнымъ въ краткой формѣ ср. γólъdin kïśił (и kiśół) žýŕin (вм. «смиренъ» я слышалъ выраженіе ««jon гъхmán» *)) ťópił (и-pół, ср. kïśół) bújɛn (bujón считается чужой формой) mółъt lóγъk mákъk. — šyróka sĺépa žýva mółъda stára vɛĺíka (ve-?) dórъγa słabódna zdarówa bъγáta. — Средній родъ: apásnъ vysóka daĺóka (у молодыхъ daĺéča) γłubóka móžna (и mažnó, которое теперь исчезаетъ) ťómna (γódnα) dúžä ťádnα trúdnα šäróka mnóγъ (и mnaγó, старшее) ťórłъ lóxka béłα.

33. Изъ села Теплова: сказка. О говорѣ села Теплова, Парфеновской волости, въ полуторѣ верстѣ къ востоку отъ Спасъ-Деминскаго, я собралъ рядъ свѣдѣній у крестьянина Минаева («ilíjá—alúxa—łóγinow, xwaḿílija ḿinájew (также ḿinájъw), śiłá ťapłóvα, wółъsťi parxwónъwskъj»). Записки показываютъ самое близкое родство, большею частью тождественность съ говоромъ Дем. Упомянемъ пока лишь то, что отмѣчено не рѣдкое приближеніе ъ къ o (напр. «vodá»), початки такого же «оканія», какое намъ извѣстно изъ § 15; но, повидимому, развитіе этой особенности довольно индивидуально, а у Минаева ъ большею частью еще сохранялось ясно различнымъ отъ o. О немногихъ другихъ особенностяхъ скажу въ § 34. Здѣсь же приведу сказку, записанную по Минаеву; она послужитъ прежде всего дополненіемъ къ описанію говора Дем., показывая, въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ, дѣйствіе разныхъ звуковыхъ правилъ въ связи рѣчи. Что нужно, впрочемъ, критически относиться къ формамъ и стилю въ сказкахъ, такъ часто отражающихъ какъ разъ чужое, заимствованное, — и что нужно снисходительно относиться къ передачѣ, поврежденной, конечно, частыми паузами при распрашиваніи о звуковыхъ подробностяхъ, — это врядъ-ли надо подчеркивать; общій звуковой составъ даннаго и окружающихъ говоровъ всетаки не дурно проявляется изъ сказки.

žył mužýk [1]) i bábă [2]). bъłá [3]) и jix fábyjà stárъjà sabáka. mužýk: ťi

---

*) Ср. «a tót pъbajšéj», т. е. -čéj «побойчѣе».

1) ý приближающееся къ i.

2) Послѣднее, сокращенное a или «α» склоняется здѣсь нерѣдко къ «высокому a», ср. въ франц. madame.

3) ъ приближается иногда къ a («α»), иногда къ o. При томъ также муж. полъ, był; ср. ниже «jétъt sъbáka».

šúi̯eš tý, naš sobáka (скоро: nassobáka) níšóɣα nóčču ńɛ bréššyť? aná i̯imú (i̯ämú) i ɣъvaríť: svízĭ ty sъbáku-n̯-lés!

dúro baba, kak i̯a i̯aɣó (i̯iɣó) povázú (-vezú)?

a tý ńi znái̯eš kàk, vaźmĭ atréš skrýlu xléba i rɛskrɛšý i̯amú kak cъrlátъm. pъkámes i̯on pai̯éš, a tý ui̯édɛš (-dĭš).

sъbákъ i̯ét-atstáɫšä.

pašól i̯etъt sъbáka pó-lisu i zapłákaɫ. strĭwáitsa sńim (šĭim) wołk: štó ty sъbáka płášiš?

kak mńe ńi-płákat- ńi-ɣъŕuvát![4])

ńi płáš ty, ńi ɣaŕúi̯! i̯ézil ty xóšiš ty i̯éš to vidĭ ty mńé u swoi̯ tabún. patóm — nu-i̯dĭ ty, vyberái̯ xaróšyi̯u[5]) kabýłu...

nú, i̯á výbraɫ kabýłu.

nu idĭ śudá kóśki[6]) (другой разъ: k-i̯étъi̯ kóśki).

naššáɫ wołk kъpáť[7]): nu štó, sъbáka, pokraśńéli ma[i̯]ĭ ɣłozá?

pokraśńéli.

kъpáɫ, kъpáɫ: nu štó, sъbáka, staĭáť ma[i̯]ĭ vúšy dýbъrъm?

staĭáť[8]).

kapáɫ kapáɫ: nuštó, sъbáka — staĭíť mai̯á (moi̯á) šeŕś[9]) dýbъrъm?

staĭíť[10]).

kъpáɫ kъpáɫ: nu štó, sъbáka, staĭť moi̯-xwós dudói̯?

sta[i̯]ĭť.

nu padóm.

kakúi̯u ty vubɛráɫ kabýłu?

i̯étu kabýłu wołk zai̯éɫ. nai̯élsi sъbáka, pъvíšiléɫ:

nu štó, wołk — tak i̯a maɣú kak ty.

iɣdé tibé tag zdélať?

---

4) Слово плакать теряетъ взрывъ -t передъ n-; остается впечатлѣніе твердаго -at-.

5) Сначала я слышалъ -šъi̯u, потомъ скорѣе -šyi̯u.

6) Т. е. къ кочкѣ; ср. ниже kabýłe къ кобылѣ.

7) Новѣе и (pріучено) kapáť.

8) Я слышалъ также «stäi̯áť» — м. б. подъ вліяніемъ извѣстной гармонизаціи между гласными?

9) Шерсть, поражаетъ e вм. ожидаемаго ê; тутъ, вѣроятно, вліяетъ предшествующее š; ср. прим. 17.

10) Даже -jiť; но ср. ниже staĭť, совсѣмъ безъ i̯.

iγdĭ[11]) ty vyb̆ráį[12]) kabýłu xaróšъįu.
idé tibé xaróšъįu povaľĭť! ja tibé výb̆ru sámъįù płaxúįu!
nu vółk idĭ śudá, apáť (ipáť) idĭ kóśki[6]).
nъšáł kapáť: nu štó vółk, pokraśńéli ma[į]ĭ γłazá?
kakóį[13]) pъkraśńéli! ty zamaŕíłśi (-śę) i tva[į]i γłázy upáli.
brât, skažý požáłъsta[14]) što pъkraśńéli!
kapał kapáł: nu štó vołk, stъįáť ma[į]i vúšy dýbъrъm?
ty zъmaŕíłśi — vúšy[15]) pavéśił.
brât, skažý požáłťsta što ma[į]i vúšy stъįáddýbъrъm![16])
kъpáł kъpáł: štó brat vółk, staĭť mъįa šeŕś[17]) dýbъrъm?
ty zъpaťéł, tvъįá šeŕś[17]) príliγłá.
brât, skažý štu sta[į]ĭť!
apáť (ipáť) kъpáł kъpáł: ti staĭť moį xwos dudóį?
ty zъmaŕíłśi i xwos pavéśał[18]).
brât skažý štu staįĭť!
nu — staįĭť[10]).
nu paďóm vaľĭť kabýłu.
kakúįù ty vyb̆ráł[19])?
wot įétu!
cáp za xwós — udáŕiła sъbáku kabýła záďńiįu naγóį[20]), įétъt sъbáka

---

11) Т. е. иди, обыкн. idĭ; форма странная.

12) При томъ, въ скорой рѣчи, wub̆ráį (vyb̆ráį). Ср. прим. 19.

13) o здѣсь закрыто, ср. нѣм. «gross». Вообще o звучало у этого лица болѣе закрыто, чѣмъ въ лит. языкѣ — исключая иныя o на мѣстѣ ъ; эти послѣднія имѣли болѣе или менѣе открытый оттѣнокъ.

14) po-, склонно къ pa-; вѣроятно оно выражаетъ собственно pъ-, ср. прим. 13.

15) y склонное къ i, ср. прим. 1.

16) Первое d не взрывается, соединяется со слѣдующимъ въ двойное твердое d.

17) Ср. прим. 9; e здѣсь лежало близко къ ê.

18) Слышалъ также -śiĺ.

19) И vъb-; ср. прим. 12.

20) По сообщенію лица, отъ котораго я заимствовалъ свои свѣдѣнія, въ обыденной рѣчи naγóįu; -γóį принадлежитъ-де сказкамъ.

bryk[21]) i ľažýť. vołk: ją́ ťibé γъvaŕiľ (γa-) štu ty ták ńi-móžyš[22]), stupáj, ješ xuď- γatóvъju!

patóm jetъť sъbáka naj́éłśi i pašół... stŕiwáitsα (stŕišáitsъ) śjim[23]) liśíca: štó ty płáśiś — γaŕú[j]iš? ní płaś-kα, ńi-γaŕúj, but-ty[24]) moj́ múš, a já tvъjá žaná. padóm ty sa-mnój́ u-dvór, u-ḿiḿé tam što xóš, to jéś, i γuśáťinà -j́ kuŕáťinà.

príšół vołk k[j]ixńij́ xáty (-ťi), próśitsα uwaknó: kъťiná ivánovíś[25]), pustíi ḿiḿé łápku paγŕéť!

kak ḿáɲkńiť jétъť, tak vółk pъbežáł[26]). stŕiváitsα s-vałkóm ḿêdvéd: nu ḿíša — tєpéŕ (tapéŕ) ńi-xadí!

kamú[27])?

k-líisy ivánъwny. kakój́ u ńéj́ jéś kъťiná ivánovíś!

ō, já -ńi -baj́úś. ja paj́dú wóbiγ -zъďarú[28])...

kъťiná ivánovič i líis- yvánъwnà — pustíte ḿiḿe łápku paγŕéť!

jétъť kъťiná ivánovič kъk-ḿáɲkńiť, kъk pašół jétъť ḿêdvéd[29]) sъ-ɲpúγu.

patóm ańé sъbraľíś na-lúx, wołk i ḿêdvéd[29]) i záj́ic: nu kák nam jix zαzváť u-γósti?

ty wółk-ydí[30]), zъj́idáj́ kabýłu, i taššĭ[31]) na jétъj́ ḿéstъ, a já paj́dú zъďárú karóɲu, príitaššú na jétъj́ ḿéstъ[32]).

príwałók wołk kabýłu a ḿêdvéd karówu, — a záj́ca pašłóm zъzъwáť[33]) u γósti kъťiná ivánъvíša i líisu ivănoɲnu.

---

21) Ср. łóšъť ubryknúła, наст. вр. ubrykńéť.

22) Старше ńä-móžyš.

23) śjim.

24) -ť t- > tt; ср. dd въ прим. 16.

25) Или -ič, со слабымъ элементомъ t въ č.

26) Старше ръbižáł.

27) Т. е. къ кому; см. прим. 6.

28) Также zъďíŕú, пріученное въ сказкахъ?

29) Очень трудно опредѣлить гласный перваго слога; то онъ звучалъ скорѣе какъ ê (ср. выше), то какъ ε — i.

30) Въ скорой рѣчи почти «wołk - ъďí», съ у разслабленнымъ въ ъ.

31) i послѣ š — аналогія, ср. что это повсл. накл.

32) Притомъ jétъ ḿéstъ? Разъ, кажется, я такъ слышалъ.

33) Вполнѣ тождественныя «ъ» въ двухъ первыхъ слогахъ. Ср. ниже pazъváj́iť.

pŕixódʹiť kixúiu̯ xáťi zá[i̯]ic, uľáźiť u̯śéncy [34]), attvaŕá[i̯]iď -dʹéŕ, uľáźiť zá[i̯]ic u̯xátu [34]), nazъvá[i̯]iť [35]) lĭsu-i̯vánъwnu — i vý kъťiná ivánovĭša (-ča), vas žaľá[i̯]iť mêdʹvéď i wołk u yósťi [34]).

skažý -i̯im, pos kosói̯, štu mý šas [35]) pŕidóm.

pъbežáľ zá[i̯]ic nazát (nъzát, старше): wołk i mêdʹvéď! i̯anу skъzáľi što šas pŕidúť.

nu mĭša, kág-bum xarańĭtsa?

a midʹvéď atvišá[i̯]iť i̯imú (i̯ámú): ty wołk ľêś kabýľa v-śêŕêdĭnu (старше: u̯śiŕótku [36]), a i̯á palézu na dʹéŕiwa, a ty, zá[i̯]ic, idĭ-u̯-bók.

idóť (idêť) kъťiná ivánovič s-lĭsu ivánъwnъi̯ [37]), stáľi i̯êś karówu, atyi̯šlĭ at karówy (-ve), príšlĭ kabýľe [6]), stáľi i̯êš. i̯étъť kъťiná ivánoviš ľubĭľ mákkъi̯u yъvádʹinu, zyŕóp i̯on wołká zaxwós, stáľ mát, i̯eť wółk [38]) kъkŕivńóť, spuγáľiś ané, prýγnuľi na i̯óľku. spuγáľi mêdʹvédʹä — kъk udáŕiľśa i̯étъť mêdʹvéď ab zémľu.

i̯étъ skáskъ u̯śá.

34. Теплово: нѣсколько подробностей. Пополнимъ матеріалъ предшествующаго параграфа нѣсколькими замѣтками. ś — на мѣстѣ č; а также изъ sč, напр. «šas» сейчасъ — отмѣчено здѣсь, какъ ясно дорсальное образованіе, т. е. š (ср. § 3). Иногда у молодыхъ въ такое долгое š переходитъ то šš, которое во всѣхъ этихъ говорахъ соотвѣтствуетъ лит. ūž; при старшемъ kľádbišša записано младшее -šše. Это очевидное вліяніе со стороны столицы.

У Минаева я замѣтилъ склонность къ «дзеканью»; иногда мягкія t d во всѣхъ положеніяхъ звучали почти tś dź (но не tš dž); но, повидимому, это чисто индивидуальная черта, не согласующаяся съ обыкновеннымъ произношеніемъ этихъ говоровъ. У старухъ, по его словамъ, мягкое ś иногда выговариваются š (т. е. š, ср. выше), напр. слѣдъ какъ «šlet»; это напоминаетъ произношеніе дальше на западъ, но не могу высказаться подробнѣе о явленіи, слѣды котораго я самъ не замѣчалъ нигдѣ въ этихъ говорахъ.

---

34) Неслоговое и шепотное u̯- (u̯-) на мѣстѣ лит. už; иногда же полное u, ср. ниже u yósťi. Потеря голосности связана, вѣроятно, съ характеромъ слѣдующаго согласнаго.

35) Медленнѣе šas.

36) И u̯ śeŕótku, śêr- я отмѣтилъ при томъ.

37) При s·lĭsy-i̯vánъwnъi̯ (или -ўi̯).

38) Т. е. конечно, i̯étъť v-; ср. выше i̯étъť.

Объ o на мѣстѣ ъ, напр. во второмъ слогѣ kórotkà, я говорилъ въ § 33; тамъ же объ открытости этого o, сравнительно съ обыкновеннымъ выговоромъ старшаго (ударяемаго) o. Часто же совпаденіе бываетъ полное, напр. въ приведенномъ kórotkà. Въ этомъ отношеніи произношеніе часто ставитъ наблюдателя въ колебаніе, тѣмъ болѣе, что то же «ъ», которое съ одной стороны приближается къ o, а въ другихъ случаяхъ къ a, иногда развивается по направленію къ y («styŕikï» старики, «nyśakú» насѣку — но nъruвїť нарубить); поэтому является немало переходныхъ, трудно опредѣлимыхъ оттѣнковъ.

Типично и многосторонне рисуется въ этомъ говорѣ отношеніе v: w: u̯. u̯- на мѣстѣ лит. v, въ примѣрахъ какъ время, все, весьма часто теряетъ голосъ (ср. въ сказкѣ) и тогда склонно къ полному исчезновенію; можно, напр., иногда въ [u̯]śa źimĺá, вся земля, [w]šɛrás вчера говорить o w, u̯ «видномъ, да не слышномъ».

Относительно p b въ pi̯u b̯i̯u я остался въ этомъ говорѣ въ сомнѣніи, считать ли ихъ твердыми или мягкими.

— Распредѣленіе разныхъ гласныхъ не отступаетъ отъ того, что уже знаемъ, ни въ принципіальныхъ правилахъ, ни въ отклоненіяхъ отъ нихъ. Можно привести тѣ же самыя характерныя слова, какъ въ прежде описанныхъ говорахъ; ср. переходъ u въ ъ въ dъruká (И. durák), mъxamóry мухоморы; или случаи перехода y въ ъ передъ á въ stъršъná, vъĺáźiť, а правильно въ другихъ, слабовѣсныхъ слогахъ, напр. въ wúmnъx умныхъ, pašósъvàť подчёсывать; случаи «гармонизаціи» гласныхъ оттѣнковъ, особенно въ извѣстныхъ полногласныхъ слогахъ, напр. maĺatcóm молодцомъ вм. mъ-, и подобно atkarawúĺiť откараулилъ (но напр. poĺatnó); a- на мѣстѣ ожидаемаго ъ-; полное выпаденіе, при разныхъ условіяхъ, маловѣсныхъ гласныхъ: «pŕixó'ddamój» приходитъ домой, «vъĺáźiť i̯aɣoťéc (i̯iwoťéc) iz maɣïĺä» вылазитъ его отецъ изъ могилы, «śeĺ natcówu maɣïĺu» сѣлъ на отцову могилу. Вниманіе привлекаетъ не совсѣмъ рѣдкое ê въ слогѣ предударномъ (все передъ é?), напр. stêŕéśś стеречь, ḿêd'é'd' (при ḿɛ-, ḿi-) и др.; см. замѣтки въ § 14, 17. Вмѣсто ожидаемаго 'a ('ä 'e) въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ видимъ часто — особенно въ сказкахъ? — i, напр. šisĺïu̯ счастливъ, d'vïnáct' šisóu̯ двѣнадцать часовъ; ср. замѣтки по поводу этого явленія къ Дем. въ § 30. На сильное вліяніе извнѣ то и дѣло указываютъ встрѣчаемые дублеты, одно произношеніе старшее, другое младшее: старшее kiämú — младшее kńimú, kńemú кнему, старшее i̯anó, i̯anú' — младшее anó, ańé, и под.; замѣна старшаго i̯oś младшимъ i̯êś, старшаго raḿór, uḿór младшимъ róḿir померъ и под. дѣлаетъ несомнѣннымъ то, откуда идетъ

вліяніе; ср. šš̑ (šš) на мѣстѣ старшаго šš (= щ). Поэтому переходы вродѣ kaƀák вм. старшаго kъƀák указываютъ, вѣроятно, на то же направленіе.

— Изъ морфологіи уже приведено характерное i̯oś. Далѣе, упоминанія стоятъ сокращенныя и искалѣченныя формы, какъ «štó-ƀum ďéĺъť» что будемъ дѣлать, «ó — ĺákka skóĺka sóu̯ ĺiťáť» (при «γĺáńťi-ka štó-tud-ďéitsa»), «šäńń-iďéť dóš», т. е. šäńńä сегодня (ср. «šáńńä ńä-ƀúďid-dъžžá»[1])), «won mož i za mińé atkarawúĺiť» (т. е. онъ можетъ).

Вмѣсто «какой» я слышалъ и i̯akói̯ и ĺakói̯ («smatíĭ ĺakói̯ won šɛĺaγék!»). — Вмѣсто формъ то, ту отмѣчены «tou̯tó ďéĭwa», «tou̯tú i̯óĺku».

Въ прилагательныхъ отмѣтимъ формы жен. рода ед. числа -ęi̯: kasę́i̯, «at i̯akę́i̯ ƀáƀä», «s-kasę́i̯u žanó i̯u». Въ sĺarói̯ — послѣ губного — я отмѣтилъ извѣстное намъ м. пр. изъ § 15 (Коб.) колебаніе: T. s-sĺäpý́i̯u и s-sĺäpę́i̯u žanó i̯u, въ Р. же «sĺäpý́i̯» съ какимъ то у, переходнымъ къ е, такъ что я не зналъ, что̀ правильнѣе писать; впрочемъ, у младшаго поколѣнія эти формы вытѣсняются формами лит. языка, напр. Р. Д. М. sĺirói̯. — Въ И. В. ед. ч. сред. рода говорятъ и kasói̯(e) akno̯ и kasái̯e akno̯. — Р. ед. ч. муж. и сред. родовъ все еще сохраняетъ -γa (sĺärbγα и под.), но извѣстны также формы съ w.

35. Шелохи; Сельцо. Общее направленіе лингвистическаго развитія. Матеріалъ, собранный о говорѣ поселенія Шелохи Артинской волости (šъĺaχ́ĭ, vóĺъś aŕťínskъi̯a), къ сѣверо-востоку отъ Теплова, на Воронѣ, притокѣ Угры, опять не представляетъ особенностей, вызывающихъ къ подробному изложенію. Звуковой строй говора вполнѣ согласуется съ описанными раньше говорами. Двойные согласные (bɛĺĺó žyťťó źéĺĺä kaĺóśśä vaĺóśśä) соединяютъ его съ западнымъ типомъ, Сильк. и Дем.; для «есть» я слышалъ только i̯eś, но не смѣю утверждать, чтобы притомъ не существовало i̯oś; къ Р. ед. ч. мѣстоименій ср. i̯ävó (i̯evó), но также «i̯aγó dóma ńéťuťi» «u-ńaγó skъtá mnaγó», ńidnaγó ни одного, и под.; -γo по крайней мѣрѣ еще преобладаетъ у старшихъ, но -vo вторгается. Въ этомъ говорѣ я не замѣчалъ «оканія», за то — ясную склонность (индивидуальную?) превратить предударное «ъ» въ чистое a въ случаяхъ, какъ ƀaĺá была, sĺaχáĺ слыхалъ. — Съ произношеніемъ, описаннымъ для Ив., согласуется удлиненіе не только ударяемаго, но также предударнаго слога, въ извѣстную «полудолготу». Параллельно съ Ив. типомъ идетъ, по моимъ запискамъ, вообще также интонація: въ сообщающемъ стилѣ ударяе-

1) При другомъ случаѣ я слышалъ dъžžá.

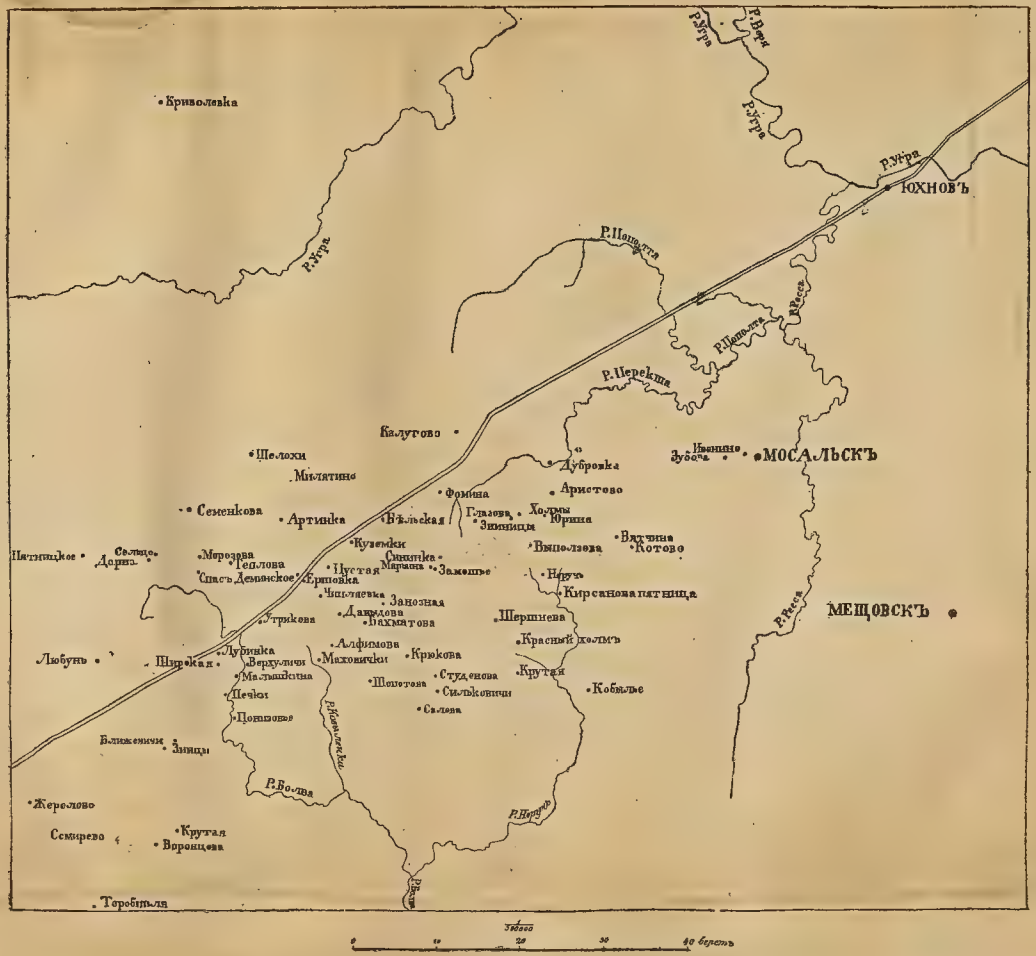
мый слогъ имѣетъ низкій, предударные вообще высшій (и повышающійся) тонъ, такъ что слогъ непосредственно передъ ударяемымъ представляетъ высшую тонную часть слова: on-rгъ́ák ad-dъ́ž́á (промокъ отъ дождя) даетъ фигуру [illegible]. Въ иныхъ случаяхъ пониженіе тона происходитъ внутри ударяемаго слога: «on bαγât». Мое вниманіе привлекъ переходъ, въ связи съ удлиненіемъ предударнаго слога, ожидаемаго ъ передъ á въ а; при вопросительномъ rгъ́dъ́á? съ интонаціей [illegible], я отмѣтилъ подтверждающее rгъ́dаĭá въ видѣ [illegible]; очевидно, желаемое выдвиженіе распадается на два слога, ударяемый и предударный, принципъ, извѣстный намъ изъ Ив. и другихъ говоровъ; но такъ какъ ъ неспособно удлиняться, то въ данномъ случаѣ, съ извѣстнымъ эмфазисомъ, оно замѣняется гласнымъ, способнымъ къ удлиненію. Это какъ бы живая иллюстрація къ предполагаемому мною въ § 17 образу распаденія первоначальныхъ «ирраціональныхъ» въ ъ и а, і и ’а. — Однако, нужно добавить, что въ этомъ говорѣ и ъ слабѣйшихъ слоговъ часто замѣняется яснымъ а, и не только въ случаяхъ, какъ хагаš́і, γаĭаsа́, которые могутъ представлять «гармонизацію», но также при другихъ условіяхъ. — Въ связи съ указанной перемѣной гласнаго (ъ > а) при удлиненіи предударнаго слога, я упомяну другое явленіе, которое я затрогивалъ уже въ выше описанныхъ говорахъ, и которое я случайно и особенно ясно наблюдалъ въ этомъ говорѣ. Говорю опять о растяженіи слоговъ съ ъ, но не передъ á. Такое растяженіе случается, напр., при размышленіи. Въ такомъ случаѣ ъ опять оставляетъ свой собственный видъ, и переходитъ не въ а, но въ у, представляющее какъ бы «Dehnstufe» ъ въ такихъ случаяхъ. Такъ, напр., медленное съ šv́icа́mі со швецами развивается въ sy̆š-, съ яснымъ, довольно напряженнымъ ы; такое у не надо путать съ развитіемъ «у» въ случаяхъ какъ «nа́-puč», «dyčká», о которыхъ въ § 7, хотя и то и другое у показываютъ артикуляторное родство этого гласнаго съ ъ.

— Переходя въ другую сторону отъ Спасъ-Деминскаго, въ село Сельцо (šiĭcб), верстахъ въ четырехъ къ западу, уже не далеко отъ границы Ельнинскаго уѣзда, мы опять не находимъ принципіальныхъ отступленій отъ извѣстныхъ намъ звуковыхъ особенностей: тѣ же самые согласные и гласные оттѣнки, тѣ же самыя условія ихъ распредѣленія и подобныя отклоненія отъ главныхъ правилъ. Приведемъ, для оріентировки, рядъ освѣщающихъ примѣровъ: sĭъmа́ĭ сломалъ, ...dъ tа́k... да такъ, гъzγаvо́r, rа́dъsnа́ радостно, «on raďĭĭśa dъ-mіĭaxv́éstu» т. е. до манифеста 61 года; sĭizа́ слеза, śfitkа́ изрѣдко, nа́sú несу но ńeśéš несешь, pešо́j но pišakо́m пѣшкомъ; tipĭaŭ́xi (назв. гриба), sĭaḃéiť слабѣетъ, trо́jа́ трое; при dîsnа́ Десна также

ďesná, извнѣ (или по аналогіи); bъrav́ik во множ. числѣ borv́iḱí; rubuwáť xáty — теперь больше говорятъ rubíť —; ńé-bъlъ или ńé-bъlò, mъxamór'y, мухоморы, xlébα dъbuwáť (добывать), mužukí — и т. д. Для особой характеристики говора приведемъ слѣдующія черты: ťi въ вопросахъ, jos («ťi-jóś u ťibé karówa?»; однако jéś-lí, есть ли, уже вполнѣ извѣстно, даже у старыхъ); вопросительное jak- вм. kak-; удлиненные (двойные) согласные, напр. sv́iḿá sud'd'á družžjá (мн. ч. къ drux другъ) vý'l'iš выльешь pral'oš (старше -l'éš прольешь), но напр. rъzabjéš, не -bb-; спорадическое, впрочемъ не частое «оканіе», напр. vodá, borav́ik (мн. ч. borv́iḱí), ťri yodá, noγá (nъγá), borouá — ср. 1. л. ед. ч. baraḿú, съ «гармонизаціей» гласныхъ; это все черты, извѣстныя намъ изъ С.-Деминскаго. Какъ важную особенность, добавимъ къ этому нынѣ исчезающія формы прош. времени на -u̯, ńi-znáu̯, bi̯u̯, ťi-v́id'i̯u̯ («a tapéŕ v́id'eł»); я слышалъ ихъ только у старика 78-и лѣтъ, онѣ представляютъ, очевидно, лишь остатокъ особенности, нынѣ отступающей все дальше на западъ подъ натискомъ съ востока ł — какъ, напр., отступаетъ здѣсь еще обыкновенное слово «pan». И, вообще, даже у сѣраго старика, я могъ замѣчать многое, которое, очевидно, заимствовано извнѣ. Мы указали выше на jéś вм. jóś, на lí вм. ťi, па pral'óš вм. pral'éš (ср. ńɛśóš вм. ńɛśéš), на d'esná, вѣроятно также чужую форму, при ожидаемомъ d'isná; вмѣсто u̯, w все больше употребляютъ и здѣсь v; и даже у старыхъ произношеніе «по слогамъ» уже сильно борется со скорѣйшимъ темпомъ, сокращающимъ слоги, т. е. съ болѣе «московскимъ» образомъ рѣчи. То есть, все лингвистическое развитіе подлежитъ очевидно и въ этихъ мѣстностяхъ тѣмъ же самымъ моментамъ, тому же самому общему вліянію извнѣ, которое намъ извѣстно, въ болѣе или менѣе яркихъ чертахъ, изъ всѣхъ выше описанныхъ говоровъ Мосальскаго уѣзда.

Христіанія, іюнь 1914 г.

Олафъ Брокъ.


Криволевка
Р.Угра
Р.Вяча
Р.Угра
Р.Угра
ЮХНОВЪ
Р.Шаповалка
Р.Угра
Р.Песса
Р.Шаповалка
Р.Перекша
Калугово
Щелохи
Милятино
Дубровка
Ивенино
Зубаче
МОСАЛЬСКЪ
Аристово
Фомина
Семенкова
Артинка
Вѣльская
Глазова
Хохлы
Зимницы
Юрина
Кузенки
Выполозова
Вяхтина
Котово
Пятницкое
Селище
Дорки
Мерезова
Теплова
Спасъ Девинское
Ершовка
Пустая
Синичка
Мартина
Замошье
Нучъ
Кирсанова пятница
Чиплиевка
Занозная
Утрикева
Дандилова
Бухматова
Шершнева
МЕЩОВСКЪ
Р.Песса
Красный холмъ
Алфимова
Любунь
Ширекан
Лубинка
Верхульчи
Маховички
Крюкова
Мальшкина
Шепетова
Студенова
Крутая
Силькевичи
Кобылье
Печюг
Попцова
Салова
Ближеничи
Зинцы
Р.Вольва
Р.Нерусса
Жерелово
Семирево
Крутая
Воронцева
Торобѣтля
Р.Вяча
0
10
20
30
40 верстъ

Кн. 14

10 —
1924 X 25

п. 10 р.

Цѣна 1 руб. 20 коп. Prix 1 rbl. 20 cop.

Продается въ Книжномъ Складѣ Императорской Академіи Наукъ и у ея комиссіонеровъ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ Петроградѣ, Н. П. Карбасникова въ Петроградѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ Петроградѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Лузакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glazunov et C. Ricker à Petrograd, N. Karbasnikov à Petrograd, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Ogloblin à Petrograd et Kiev, N. Kymmel à Riga, Luzac & Cie à Londres.